

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Научный центр междисциплинарных исследований художественного текста
Институт языкознания РАН
Московский педагогический государственный университет

ВТОРЫЕ ГРИГОРЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**НЕОЛОГИЯ КАК ПРОБЛЕМА
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ**

Тезисы докладов
международной научной конференции
14–16 марта 2018 г.

МОСКВА
2018

Редакционная коллегия

В.А. Плунгян, Н.А. Фатеева (отв. ред.),
Л.Л. Шестакова (отв. ред.), А.С. Кулева (ред.)

Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: Тезисы докладов международной научной конференции (14–16 марта 2018 г.). – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2018. – 162 с.

ISBN 978-5-91172-165-7

- © Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН, 2018
- © Институт языкознания РАН, 2018
- © Московский педагогический государственный
университет, 2018
- © Авторы, 2018

ISBN 978-5-91172-165-7

Н.М. АЗАРОВА
Москва
natazarova@gmail.com

Неявные неологизмы и межъязыковые идиомы

В докладе будет обоснована необходимость термина **неявная неология** и предпринята попытка противопоставить **неявную неологию** неологии в модернизме.

Вопрос о неологии тесно связан (и во много определяется) отношением к новому в данную эпоху. Если футуристическая и постфутуристическая неология претендовала на то, чтобы новое преподносилось как чужое для адресата с целью первоначального отторжения, а затем подчинения его и в конечном итоге признания нового как своего, то **неявная неология** претендует на новое как боковое зрение, как свое, которое просто не было достаточно замечено.

Неявная неология связана с антибуржуазным протестом против требования креативности как основного буржуазного мандата нашего времени.

Одна из задач новейшей поэзии последних лет – противостоять диктату креативности, не впадая в подчеркнутую традиционность. Здесь возможны две авторские стратегии. Первая – на избежание новизны, стремление не превращать новизну в успешную стратегию, потому что мейнстрим требует успешности предъявления новизны. Вторая – удержание нового как совпадение неакцентирующего противоречия нового и старого, удержание нового боковым зрением.

Стратегии хеджирования неологизмов вместо стратегии их предъявления, использование их по формуле «как будто так и было». Адресат может заметить что-то странное в тексте, но поэт не акцентирует внимание на этой странности. Это сочетается со стратегией хеджирования сакральной информации в неологизмах.

Перспективный вариант современной **неявной неологии** – транслингвальная идиома, которая не использует, в отличие от языка рекламы, словообразовательных техник.

В.В. АРИСТОВ

Москва

aristovvl@yandex.ru

Множественная структура *Idem-forma* в отдельном произведении

На примере «Стихов о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама изучается возможность множественной интерференции и корреляции с другими произведениями на основе развиваемого нами подхода **Idem-forma**. Многочисленные резонансные переключки произведений создают новое смысловое, ритмическое пространство и, подчеркивая уникальность каждого, вопрошают также о еще неизвестной общности. «Стихи о неизвестном солдате» предстают, выражаясь словами поэта, «узлом жизни», из которого направлены лучи к различным смыслам. Произведение может быть увидено как средоточие соответствий с классической русской литературой, с современной поэзией, с выходами в области иных искусств и с неявными связями с другими стихотворениями самого Мандельштама.

Своеобразна эпиграфичность начальной строфы некрасовской «Современной оды» для мандельштамовского «Солдата»: *Украшают тебя добродетели, / До которых другим далеко, / И – беру небеса во свидетели – / Уважаю тебя глубоко...* «Подсознательное» включение гражданской темы значимо, ведь известно сложное отношение Мандельштама к Некрасову. Отмечается множественность воздействия. Первая строфа «Солдата» тоже «одического» свойства: *Этот воздух пусть будет свидетелем, / Дальнобойное сердце его, / И в землянках всеядный и деятельный, / Океан без окна – вещество.* Здесь тот же анапестический ритм и переключка рифм: «добродетели» – «свидетели» и «свидетелем» – «деятельный», «далеко» – «глубоко» и «его» – «вещество». *Далеко* соотносимо с однокоренным *дальнобойным*.

Рассматривается скрытое взаимодействие с ритмами и смыслами «Оды пешему ходу» Цветаевой. Несмотря на отсутствие между Цветаевой и Мандельштамом контактов и корреспонденций после 1922 г., продолжался их внутренний поэтический диалог через *сотни разъединяющих верст*. Поступь анапеста одного произведения возвышенного свойства «передалась по земле» к другому. Каждое разбито на отдельные части, отмеченные цифрами, близки величины

объемов. Начало «Оды пешему ходу»: *В век сплошных скоропадских, / Роковых скоростей – / Слава стойкому братству / Пешехожих ступней!* соотносимо со строфой: *Аравийское месиво, крошево, / Свет размолотых в луч скоростей – / И своими косыми подошвами / Луч стоит на сетчатке моей.* Для Мандельштама была значима тема «пешего хода». Вот его стихи 1910-х гг.: *Посох мой, моя свобода / Сердцевина бытия*, а вот строка 1930-х: *Я в сердце века, путь неясен*, дальше появляется *посоха усталый ясен*. Многочисленны примеры из «Камня»: *Легкий крест одиноких прогулок / Я покорно опять понесу* и т. д. Но и Цветаева писала в 1915-м: *И вся моя правота / Вот в этой моей походке.* Мандельштам буквально своими стопами благодаря Цветаевой почувствовал холмы Москвы и от строф и стоп «Камня» пришел к новым стихам. Для него важны атрибуты «пешего хода»: «каблуки», «подошвы», «подметки». Прохожий, пешеход, паломник, гуляка, странник, пехотинец. Посох, «белорукая трость», «волшебная трость» Батюшкова, костыли «Солдата». Цветаевское *братство пешехожих ступней* родственно *костылей деревянных семейке* из «Солдата». Известно, кому адресованы стихи: *К пустой земле неволью припадая, / Неравномерной сладкою походкой / Она идет – чуть-чуть опережая / Подругу быструю и юношу-погодка*, но внутренне в них, возможно, скрыто другое посвящение – той, которая писала в 1913 г.: *Идешь, на меня похожий, / Глаза устремляя вниз. / Я их опускала – тоже! / Прохожий, остановись!* – и для которой он был «погодком»: она рождена в девяносто втором, он рожден в девяносто одном.

Поэт говорит в одном из стихотворений 1937 года о том, что *трагедий не вернуть*, но *воздушно-каменный театр времен растущих* отразился в «Солдате», – здесь можно указать на структурные черты античной трагедии (*и поет хорошо хор ночной*). Аверинцев отмечал, что первая песнь хора в античной трагедии непременно анапестическая. Мандельштам в «Солдате» и в других своих произведениях того времени обращался к эсхилловским образам. В стихах «Где связанный и пригвожденный стон...», в «Стихах Сталину» происходит неявное «автовзаимодействие» стихов Мандельштама через «прометеевскую» тему. Последняя строка *и столетья / окружают меня огнем* вызывает ассоциации с заключительными строками эсхилловской драмы «Прометей прикованный», герой которой, внесший огонь в мир, взывает к небесам.

Проводятся сопоставления «Солдата» с «Герникой» Пикассо. Созданные в одно время – весной 1937 г. – в сердцевине трагической эпохи *крупных оптовых смертей*, они сами определяли время и пространство. Нагромождение тел людей и животных в черно-белой фреске сопоставимо со строкой *сознание затоваривая полубомбочным бытием*. В «Гернике» – «то же» сломанное *птичье копьё Дон Кихота*, «та же» *птичья рыцарская плюсна*. *Ласточка хилая, разучившаяся летать* напоминает полуразорванную как бы бумажную птичку во фреске Пикассо. У Мандельштама: *Я губами несусь в темноте*, у Пикассо – летящее лицо в выкрике, оторвавшееся от человека. Центральная часть картины состоит из мелких черточек-точек, она словно бы помечена многочисленными крестиками-самолетиками, тут же всплывают и стихи из «Солдата» о том, *как лесистые крестики метили..., как мне с этой воздушной могилою <...> совладать*. Стилизованные черточки, словно буквы, это и отметины-единицы о безымянных погибших, о *миллионах, убитых задешево*. Оба художника говорят о разрушении человека, но не только запечатлевают отсвет конца мира, – в их «выкриках» – и иная весть, и слова: *я новое, от меня будет свету светло* – о грядущем пересоздании человека и мира.

Ю.В. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Тула

archangelju@yandex.ru

Камерные инновации Л.Н. Толстого: на пути в узус

Исследование новообразований различных языковых личностей сформировало в лингвистике устойчивое представление о том, что любая индивидуально-авторская инновация со временем либо становится общепотребительной, либо остается окказиональной (то есть одноразовой). Однако, анализируя неологию Л.Н. Толстого, мы обнаруживаем единицы, занимающие промежуточное положение между указанными группами. Это слова, словосочетания и выражения, которые характеризуются устойчивостью и воспроизводимостью, но только в рамках определенного (обычно небольшого) коллектива, они хотя и не вошли в узус, но уже перестали быть одноразовыми. Такие образования мы называем вслед за В.Л. Архан-

гельским камерными [Архангельский 1975: 133]. Камерные значения слов и камерные фразеологические единицы семьи Толстого впервые собраны и прокомментированы в нашем труде [Архангельская 2016].

Следует, однако, иметь в виду, что некоторые камерные единицы (слова и выражения) из употребления в узком кругу посвященных лиц, ограниченном семьей Толстого и близкими дому людьми, постепенно перешли и переходят в узус (*В искусстве всё чуть-чуть; энергия заблуждения* и др.). Например, с выражением К.П. Брюллова *В искусстве всё чуть-чуть*, по свидетельству современников, Толстого познакомил художник Н.Н. Ге. Писателю так понравилась эта фраза, что он не раз использовал ее не только в устных высказываниях, дневниках и письмах, но и в двух своих публицистических произведениях (в статье «Для чего люди одурманиваются» и трактате «Что такое искусство?»), естественно отсылая читателя к ее создателю [Толстой 1928–1958, 27: 279–280; 30: 127–128]. И всё же именно после употребления этой фразы Л. Толстым и, так сказать, ее популяризации им она становится крылатой. Таким образом, путь в узус данного выражения понятен и объясним: сначала известный писатель, мыслитель, философ многократно употребляет выражение в устных и письменных частных дискурсах, затем в публицистике, затем она переходит в узус (при жизни Толстого ее уже употребляли его современники). У камерного выражения *энергия заблуждения* другая судьба. Отличие в том, что это – выражение самого Толстого, правда, он только два раза использует его в частной переписке, там его находит В.Б. Шкловский и использует в качестве заглавия своей книги [Шкловский 1981]. Однако путь в узус этой камерной единицы приблизительно тот же: из частного дискурса – во всем доступное произведение литературы и уже оттуда в узус.

Среди крылатых единиц Л.Н. Толстого есть и такие, которые занимают промежуточное положение (между частным дискурсом и узусом): они еще не стали общеупотребительными, однако есть признаки, указывающие на то, что они стоят на пути к этому. Такие сочетания, как *зеленая палочка, муравейное братство, арзамасский ужас, анковский пирог*, обладают устойчивостью и используются в настоящее время не только в мемуарной и научной литературе или в биографических источниках о Толстом, но и в других текстах, обращенных, правда, преимущественно к образованному читателю. Казалось бы, обстоятельства их возможного пути в узус те же, однако

общеупотребительными они пока не стали. Так, крылатая единица *зеленая палочка* ‘символ всеобщей гармонии и счастья’, помимо частного дискурса, используется Толстым для названия статьи, написанной им в 1905 г., то есть в абсолютно сильной позиции, которая могла бы способствовать переходу в узуальное употребление [Толстой 1928–1958, 36: 407–415]. И попытки «стимулировать» такой переход были: например, название «Зеленая палочка» дали детскому журналу, издававшемуся литераторами первой волны русской эмиграции в 1920 г. в Париже. Кроме того, в наше время так называется детский толстовский центр в Туле. И всё же данная единица остается камерной.

Другие камерные сочетания семьи Толстых, занимающие промежуточное положение между частным дискурсом и узусом, хотя и не употреблялись в качестве заглавий литературных произведений, также используются для наименования различных реалий современной действительности. Так, камерное выражение *муравейное братство* ‘идеальное сообщество людей, в котором все люди живут счастливо, не знают болезней, никаких неприятностей, любят друг друга’ используется в настоящее время для названия детского сада (дер. Ясная Поляна, дом 9), а также для названия детского межрегионального общественного движения, которое было создано в 1999 г. и успешно работает, находясь под покровительством музея-усадьбы «Ясная Поляна». Однако считать подобные единицы общеупотребительными все-таки нельзя.

В чем же причина того, что одни камерные лев-толстовские инновации переходят в узус достаточно легко, другие же, несмотря на наличие кажущихся очевидными предпосылок для этого, общеупотребительными так и не становятся? На наш взгляд, из частного дискурса легче переходят в узус камерные единицы, которые обладают абстрактным значением и при этом не являются ситуативными по происхождению, а значит, не требуют каких-то дополнительных комментариев для объяснения своего значения. Использование их в литературных произведениях, особенно в качестве заглавия, является дополнительным стимулом для этого.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельская Ю.В. Лев Толстой в языке и речи: Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика). Тула, 2016.
- Архангельский В.Л. О задачах изучения фразеологического состава русского языка (Проблематика республиканских фразеологических сборников на 1976–

1980 гг.) // Проблемы русской фразеологии. Семантика фразеологических единиц. Республиканский сборник. Тула, 1975. С. 128–135.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. (Юбилейное). М., 1928–1958.

Шкловский В.Б. Энергия заблуждения: Книга о сюжете. М., 1981.

Н.Г. БАБЕНКО

Калининград

banagr@rambler.ru

«Ты филолог, я логофил...»: об окказиональном в поэтическом тексте

Прозрачность, очевидность внутренней формы слова *филолог* делает широко известным его этимологическое значение – ‘любящий слово’; это же значение выражает и внутренняя форма новообразования – потенциального (ср.: *библиофил*) слова-перевертыша *логофил* (филолог = логофил). Но в поэтической строке Веры Павловой¹ актуализировано и противопоставление *филолога* и *логофила*, обусловленное антиномией соответственно присущих этим словам семантических комплексов профессионализма и поэтического дара, поэтического чувства слова: если термин *филолог* именуется ‘специалиста по филологии’, исследователя слова, то поэтический окказионализм *логофил* – номинация человека (поэта, читателя), влюбленного в слово и творящего его. Читателю-исследователю поэтической неологии (в идеале – одновременно филологу и логофилу), помимо навыка квалифицированного проведения многоаспектного филологического анализа, необходимо обладать и «логофильством» как непосредственной, органичной любовью к поэтическому слову, не умаляемой, не иссушаемой аналитизмом профессионального подхода.

Как известно, традиционная классификация индивидуально-авторских образований построена на очевидных формальных основаниях, по которым выделяются фонетические, семантические, лексические, фразеологические, грамматические (морфологические и синтаксические), стилистические окказионализмы. Но и на этапе типологической квалификации окказионализма, и на этапе его се-

---

¹ Павлова В. Ты филолог, я логофил... // Арион. 2007. № 1.

мантической интерпретации могут возникать вопросы, ответить на которые классическая теория окказиональности не помогает.

Например, столь востребованный современными поэтами голофразис признается приемом убыстрения речи, проявлением речевой компрессии, средством окказионального фразео- и словообразования. Но создание голофрастических комплексов в стихотворении Михаила Айзенберга решает совершенно иную творческую задачу:

*...Темнота сигналист: зеро... зеро...
Повтори, что знаешь. Скажи сто раз
Ничего не значащих пару фраз:
**С-нами-сна-золотой-обрез
Временибросовосеребро.***

(«Повернется ключ, прогремят замки...»)¹

Орфографический сдвиг не уничтожает предложения, мотивирующие окказионализмы, дефисное и слитное написание не убыстрят произнесение, не порождает новых слов или фразем, но является, во-первых, своеобразным средством ретардации, выражающей постепенность чаемого субъектом речи перехода от яви к полуяви и сну; во-вторых, регулятивом ритмики стихотворной строки; в-третьих, средством визуализации стадий приближения сна. Очевидно, что эти новообразования нельзя квалифицировать как принадлежащие к какому-либо типу окказионализмов. Скорее, речь должна идти о способности / функции подобных девиантных блочных образований разворачивать (совместными с читателем усилиями) некий сценарий, некую сюжетную картинку, передавая при этом психоэмоциональные характеристики участников конситуации. Эта функция может быть реализуема и краткими формами относительных прилагательных (*кожан чемодан, денежка бумажна* в стихотворении Льва Лосева), и компаративами несуществующих наречий (*волчье, зубей* в стихотворении Нади Делаланд), и частеречно «невнятными» словоформами (например, *неж* в стихотворении Дмитрия Бобышева), и другими окказионализмами особого типа – новообразованиями, наделенными уникальными возможностями созидания семантического и эмоционального пространства поэтического текста.

---

¹ Айзенберг М. Переход на летнее время. М., 2008.

«Негативная префиксация» как инновация в современном юридическом дискурсе

Несмотря на то что тема настоящего сообщения содержит слово «префиксация», оно не посвящено ни одному из актуальных вопросов словообразования. Это, скорее, приглашение к дискуссии в сфере лингвистической прагматики.

Жанр «приглашения к дискуссии» используют обычно в двух случаях: во-первых, когда тема настолько незначительна или разработана настолько плохо, что автор, предложивший обсудить ее, имеет полное право беспокоиться за собственное здоровье и целостность костюма; во-вторых, когда тема настолько загадочна, что автор, чувствуя ее значимость, желает разобраться в ней с помощью коллег. Заявленная тема обладает признаками обоих случаев.

Начав говорить, казалось бы, издавелока о том, чем НЕ является данный доклад, и о том, какие цели он НЕ преследует, мы погрузились сразу в суть проблемы, которую можно сформулировать так: языковая концептуализация мира с помощью негации. С известной долей условности такую концептуализацию можно назвать апофатической.

Многочисленные примеры «апофатической концептуализации» встречаются в полярных в стилистическом отношении текстах. Достаточно вспомнить, например, фразы, которыми избобилуют фольклорные тексты (*ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко*) или авторские сказки (*Не то сына, не то дочь; / Не мышонка, не лягушку*).

Уникальным примером апофатического описания служит роман «Обломов», весь построенный на «не» и «ни». Про родовое имение главного героя сказано так: *Не наказывал господь той стороны ни египетскими, ни простыми язвами. Никто из жителей не видал и не помнит никаких страшных небесных знамений, ни шаров огненных, ни внезапной темноты; не водится там ядовитых гадов; саранча не залетает туда; нет ни львов рыкающих, ни тигров ревущих, ни даже медведей и волков, потому что нет лесов.*

«Не-» является одной из самых продуктивных префиксальных морфем в русском языке.

В последнее время в юридических текстах всё чаще фиксируются дериваты с *не-*, которые не укладываются ни в одну строгую типологию, но некоторые группы лексем всё же можно выделить¹.

1. Общеупотребительные имена (самая многочисленная группа примеров).

1.1. *Ненадлежащее* исполнение обязанностей, выразившееся в *недопущении* заявителя к участию в торгах.

1.2. *Акт о некачественности* поставленной и принятой продукции.

1.3. *В связи с неимением* доверенности.

1.4. *Обжаловалось неправомерное бездействие... выразившееся в неисполнении... решения суда и в невыплате* задолженности.

2. Терминологизированные единицы, закрепленные в различных нормативных документах (самая малочисленная группа).

2.1. *Допустимый небаланс* (Типовая инструкция по учету электроэнергии при ее производстве, передаче и распределении), *фактический небаланс на станции* (приказ Минэнерго России от 31.10.2016 № 1161), *коэффициент небаланса трехфазного выходного напряжения* (Правила применения оборудования электропитания средств связи).

2.2. Правила *недискриминационного* доступа (постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861).

2.3. Условия эмиссии и обращения облигаций государственных *нерыночных займов* (документ утвержден приказом Минфина РФ от 21.09.2004 № 86н).

3. Окказиональные образования.

Некоторые дериваты отсутствуют в словарях русского языка, однако они достоверно имеют «положительную» пару (без «не-»): *вопрос о пропуске (непропуске) срока обращения в суд; доказательств сноса или несноса здания; зависимость демонтажа / недемонтажа конструкции от оплаты.*

В других случаях «положительные» мотивирующие слова прямо не указаны, однако они легко выводятся: *недобыча валунно-песчано-гравийной смеси; ввиду недобычи в ходе предварительного расследования каких-либо доказательств.* Нередко подобные примеры встречаются в НКРЯ от одного до трех раз (*непроставление подписи*

¹ Все примеры из текстов судебных и нормативно-правовых актов, а также из различных процессуальных документов даны в оригинальной редакции.

в договоре; факт непродажи объекта; штраф за непробитие чека), иные уникальны (ввиду необжалования решения суда).

Самые интересные случаи связаны непоследовательным употреблением слитного и раздельного написания: в связи с не передачей геодезической основы; при не урегулировании спора, довод о не передаче площадки.

В одном из гражданских дел встретился акт приема-передачи, в котором было указано: по причине не хватки материала.

Разумеется, последний пример – это явная орфографическая ошибка, однако большая частотность слов, которые употреблены с «не» раздельно, отвлекают от популярной мысли о тотальной безграмотности. «Не», стоящее отдельно от отрицаемого слова, конечно, не перестает быть приставкой, но оно становится чем-то большим, как в орфографическом, так и в прагматическом смысле.

Мы имеем дело с весьма своеобразными случаями НЕ-номинации, которые в дискурсах юридизированного типа дают любопытные прагматические эффекты. В соответствии с установившимися конвенциями общения коммуниканты в среде такого специфического речевого взаимодействия словно стремятся придать несуществующим явлениям и объектам онтологический статус. Подобные феномены в принципе опираются на сокровенные механизмы естественного языка, в частности на способность знака порождать денотат при изначальном отсутствии такового (эти же механизмы лежат в основе художественного использования языка, а также создания фантазийных номинаций в мифе и фольклоре, в дискурсах активного воздействия, типа рекламного или политического).

Думается, что описанные явления позволяют вновь поставить вопрос об отношении юридического дискурса к действительности, о природе той реальности, которая является областью референции для высказываний юридического дискурса (эти высказывания соотносятся не с объективной реальностью социума, как это заявлено изначальное, а с некоей виртуальной реальностью, очерченной зоной действия юридических конвенций, норм и принципов, с неким фантомным концептуальным пространством законотворчества и правоприменения).

Т.Н. БУЦЕВА
Санкт-Петербург
taisbut@yandex.ru

Проблемы современной академической неографии в аспекте неологической концепции Н.З. Котеловой

Н.З. Котелова заложила основу фундаментального исследования процессов неологизации русского языка методами лексикографии и обозначила его длительную перспективу. Ее триада неологических словарей предполагает длительное, трехэтапное наблюдение за новыми лексическими единицами русского языка: на стадиях появления их в языке, апробации в речевой практике и закрепления (некоторых из них) в лексической системе русского языка. Каждый словарь этой триады по-своему решает задачу отбора и представления материала.

Неологическая концепция ученого не сводится к типологии словарей новых слов. Обобщить ее можно, определив позиции Котеловой в отношении разных аспектов неографии по предисловиям к этим словарям, немногочисленным статьям и текстам отредактированных ею словарных изданий. В связи с работой над пятым словарем серии «Новые слова и значения» (НСЗ) по материалам «нулевых» годов актуально обсуждение проблем словаря неологизмов десятилетнего периода описания.

С начала XXI века академическая неография развивается в условиях резкого расширения исследовательской базы. Крайне обострилась проблема отбора лексики в словарь, оптимизации его объема. В связи с этим актуальными являются проблема отношения к словам, образованным по высокопродуктивным моделям, как объектам словаря и сохранение принципа линейного, пословного описания материала.

Ряд аспектов словарного описания новой лексики оказался недостаточно разработанным Котеловой в силу отсутствия в докомпьютерное время исчерпывающего лексического материала.

Речения – один из путей сокращения объема словаря. Н.З. Котелова допускала их только в словаре, обобщающем процессы неологизации на значительном временном отрезке. Наблюдения за неолексемами по текстовым базам данных показали, что многие из них узуализируются уже в пределах десятилетия и быстро начинают

употребляться в типичных речевых ситуациях, что часто связано с принадлежностью самих неологизмов или их производящих к определенным лексико-семантическим группам со сформировавшейся практикой словоупотребления. В готовящемся словаре впервые используются речения, сделанные на основе медийных текстов, с помощью специального графического знака проводится условное ранжирование включенного в словарь материала по употребительности его в материалах информационного агентства «Интегрум», указывается год первого употребления неолексемы в текстах.

Среди новой лексики высок процент слов, образованных по продуктивным моделям, обширные ряды образуют слова с новыми начальными компонентами. Котелова убедительно показала нетривиальную природу этой лексики, право на ее представление в словаре. Частота употребления неолексем – важный, но не абсолютный критерий включения их в словарь-десятилетник. При отборе этой лексики следует учитывать ее активность на уровне парадигматических связей и словообразования, наличие у слов смысловых приращений, специальных значений, стилистических особенностей и т. д.

Н.З. Котелова, известная как автор фундаментальной работы по синтаксической и лексической сочетаемости, к сожалению, не оставила на этот счет конкретных рекомендаций для неологических изданий. В первых трех словарях серии «Новые слова и значения» и в сводном обобщающем словаре такого рода информация эпизодична. Проблема такого аспекта описания не возникала из-за недостаточности лексического материала. Он начал разрабатываться с НСЗ-90.

Считается, что термины помещаются в неологический словарь десятилетнего среза на стадии их детерминологизации и поэтому не нуждаются в специальной помете. Помета *проф.* ставится в неологическом десятилетнике к словам, имеющим синонимы в общелитературном языке и выполняющим стилистическую функцию профессионализмов, а также при специальном значении многозначного слова. Представляется, что для специальной лексики назрело введение в данном типе неологического издания помет, указывающих на сферы употребления неолексем.

Эмпирическую базу современной неографии, обеспечивающую ее научность и объективность, составляет электронная неологическая картотека (ЭНК), дополняемая материалами базы данных русскоязычных медийных текстов информационного агентства «Интегрум». ЭНК строится на принципе тезаурусности, присущем выпу-

скам «Новое в русской лексике. Словарные материалы» (1980–2006), мало ограниченным в отборе единиц по их типам. В ней обязательно фиксируется время первого употребления неолексемы в текстах, устанавливаемое по доступным базам данных. Триадный принцип словарей новых слов в настоящее время реализуется на двух этапах: 1-й (фиксация) – на уровне ЭНК (пока без презентации общественности), 2-й (апробация, вхождение) – на стадии описания лексических новаций второго десятилетия этого тридцатилетнего цикла. 3-й этап (существование в качестве единиц лексической системы) – презентация процессов неологизации 1990–2010 гг. – еще впереди.

И.Т. ВЕПРЕВА

Екатеринбург

irina_vepreva@mail.ru

Новообразования в политической сфере как способ социальной оценки понятия

Язык, отражая экстралингвистическую реальность, фиксирует происходящие изменения в виде лексических инноваций. Политическая сфера остается областью, приносящей в русский язык наибольшее количество новых слов, актуализирующих болевые точки текущего момента. «Карнавализация» (В.Г. Костомаров) языка СМИ, языковой эксперимент – это примета современного газетно-публицистического стиля, которая стимулирует образование окказиональных единиц, формирует арсенал выразительных средств. Задача доклада – на основе материалов СМИ за 2016–2017 гг. (использовалась поисковая база данных Integrum.ru) обратиться к анализу производных единиц от антропонима *Трамп*. В докладе выявляются закономерности образования деонимов (слов, образованных на базе имен политиков) в словообразовательном гнезде данной лексемы.

Словообразовательное гнездо окказионализмов с корнем *трамп* на сегодняшний день насчитывает свыше 50 единиц. Реализация словообразовательных возможностей заимствованной единицы свидетельствует о степени адаптации слова в русском языке. Игровой характер окказиональных слов очевиден.

Продуктивность получила неолексема *трампизм*, транслитерированный вариант неологизма *trumpism*, который британские слова-

ри назвали одним из главных слов года (2016), определяя его как «политические взгляды, манера поведения, стиль высказываний нового президента США». Единица *трампизм*, наряду с производными единицами *трампанутый*, *трампофилы*, *трампировать*, *трампункт*, попала и в российский проект «Слово года – 2016», возглавляемый филологом и культурологом Михаилом Эпштейном [Эпштейн 2016]. Список однокоренных окказионализмов, помещенных в одной строке с лексемой *трампизм*, свидетельствует о сверхактивном освоении заимствованного слова в русском языке.

Производные единицы, входящие в словообразовательное гнездо с корневой лексемой *Трам*, пополняют все знаменательные части речи: глаголы, существительные, прилагательные, наречия.

Словообразовательное гнездо лексики *Трам* (56 единиц)

	трампизм	антитрампизм	
	трампизация		
Трам	трампануть	трампанутый (прич.)	
	трампировать		
	трамповать	утрамповать	утрампованный (прич.)
	трампить	потрампить	
		оттрампить	
	трампист	антитрампист	
	сотрамpezник		
	трампедант		
	трампофил		
	трампотент		
	трампания		
	трампотня		
	трамповый	трампово	
	трампспортный		
	трампология		
	трамповед		
	трамповедение		
	трампруха		
	ТрамПутин	трампутинист	
	Трампизм-путинизм		

Трампомания		
Майн Трампф		
Трампнаш / ТрампНаш	трампнашист	трампнашевский
трамповство		
трампланктон		
трамперлы		
трампардоны		
трамплюха		
трамперия		
трампономика		
трампец /трампбец		
трампокалипсис		
ТРАМПлин		
ТРАМПункт		
трампвай		
трамптуар		
Трампунька		
вотрампленный		
затрампезный		
трампозантный		
Трамп-пам-пам!		
Трамп-тибидох!		
Трамп-тарарамп!		

Графическому и словообразовательному усвоению способствует фонетический облик производящей основы – фамилия *Трамп* фонетически выразительна и лаконична. Кроме того, лексема своим фонетическим обликом находит звуковое созвучие с узуальными словами в русском языке. Для всего класса анализируемых слов характерна их звукоизобразительная экспрессивность, которая маркирована внешней «броскостью» звукового облика корневого слова *Трамп*, присутствием в его фонетической форме звукоподражательных сочетаний звуков, связанных с такими характеристиками звучания, как резкость и громкость удара. Можно наблюдать фонетическое созвучие окказиональных слов с узуальными единицами русского языка, в семантике которых есть семы звучания, например: *трамбовать, трахнуть, тарарам* и т. п.

Опора на звуковые созвучия служат основой для языковой игры с фоносемантом *Трамп*. На базе чистого звукоподражания путем звуковых повторов были образованы окказионализмы *Трамп-пам-пам!* *Трамп-тарарам!*

Кроме того, в русском языке есть лексемы, включающие в качестве структурной части слова компоненты *трамп-* (например, *трамп-лин*), *трам-(трамвай)* или *тра-* (*соптрапезник*), встречающиеся как в начале слова, так и в середине его фонетической формы. Похожие созвучные части слова могут отличаться одной фонемой, пропуск или вставка которой дает возможность сблизить окказиональное слово с узуальным: *травмпункт – трампункт*; *трамвай – трампвай*; *соптрапезник – соптрампезник*; *транспортный – трампспортный*. Значения всех членов словообразовательного гнезда имеют ироничный, игровой оттенок, см., например, шуточный словарь Н. Целесина «Трампотня и трампизмы» (МК; 14.10.2016).

Характер новообразований создает негативный коннотативный фон не только корневому слову, но и свидетельствует об общей пейоративной окраске всего словообразовательного гнезда. Этот вывод подтверждают контексты, нейтрализующие отрицательный или иронический потенциал производных единиц. Языковая игра с заимствованным корневым словом реализует функцию социальной оценки понятия, номинированного данной единицей.

ЛИТЕРАТУРА

Эпштейн М. Куда движется язык? Слова и лейтмотивы 2016 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://snob.ru/profile/27356/blog/70175#comment_681703

А.В. ГИК

Москва

annagik@yandex.ru

Особенности языка драм Ильи Зданевича

Цикл драм («дра», по выражению Ильязда – Ильи Зданевича) «аслааблИчья» включает в себя пять произведений: «Янко крУль албАнской», «асЁл напракАт», «Остраф пАсхи», «згА Якабы» и «лидантЮ фАрам». Произведения написаны в период с 1916 по 1923 г. в Петрограде, Тифлисе, Стамбуле и Париже. Драмы были предназна-

чены как для чтения, так и для театральных постановок. Часть постановок была осуществлена Ильяздом в 1910–1920-е гг. Драмы достаточно сложны для восприятия, поскольку написаны на зауми с элементами визуальной поэзии в виде типографских экспериментов.

В докладе будут проанализированы сложные геометрические построения слов. Среди задач нашей работы выделим следующие: найти возможное объяснение «правильного» чтения и декламации этих частей дра. Возможно, такое написание слов является партитурой поэтического текста, возможно, эти слова должны были распеваться на несколько голосов. Написание может быть иконическим изображением многоголосия и многомнения.

Многоярусные слова – прием, с избытком применяемый во всех дра. Еще в 1913 г. Зданевич высказывал эту идею в своем докладе о «жемчужной болезни» в Академии медицины. «В 1913 году были произведены опыты материализации непроизносимых слов. Это показало нам, что жемчужины способны, после некоторых промежуточных стадий, к сращиванию в многохвостые и многоголовые зерна с одним туловищем, в многоярусные слова» [Сигов 1991: 210].

На тифлисском «вечере заумной поэзии» в 1918 г., одновременно с выходом в печать своей первой дра, Ильязд обосновывал необходимость зауми, на которой написаны дра. «Илья Зданевич очень энергично и последовательно развивает мысль о том, что, с одной стороны, язык наш беден словами для выражения тончайших эмоций души человеческой, а с другой, слова, как таковые, не являются исключительно выражением или описанием предмета или сюжета, который они определяют, но сочетания звуков, слова составляющих, имеют способность вызывать в нас особые представления, часто с сюжетом слова даже и не связанные» [Nikol'skaja 1987: 93].

Зданевич рассматривал заумь как важную составляющую новой религии – футуризма: «...могу сказать, что футуризм есть новое христианство, а заумная поэзия – воплощение Сына. Наши сотрудники в этом деле хлысты и сектанты – чистейшие арийцы, так как Богородица их еще поныне здравствует на Охте» [Никольская 2000: 97].

Можно встретить отдельные работы, посвященные исследованию пенталогии. В фокус внимания ученых попадали различные аспекты: как биографического, общекультурного плана, посвященные истории создания отдельных драм, так и касающиеся семантики и прагматики заумного текста в целом.

Разные исследователи обращают внимание на отдельные аспекты языка дра. Янечек говорит о нескольких уровнях заумного языка в первой пьесе: 1) речь *Хазяина* (нормативный русский язык); 2) шаблонная заумь; 3) одновременная (симультанная) речь в дуэтах / трио и т. п.; 4) фонетическая заумь – причем преобладает именно последняя [Janecsek 1996: 273].

Шевченко рассуждает о переносе сюжетной линии с уровня персонажа на уровень звука. «Мистерия и балаган в заумном театре перемещаются с уровня персонажа на уровень звука, поскольку именно звуки организуют действие, вплетаясь в легко узнаваемые балаганные ситуации. Фонетика заумного театра Зданевича объемлет три сферы: фонетическое письмо, оноματοпею и чистую заумь» [Шевченко 2009: 81]. Он же находит параллель между заумным «ывонным» языком, на котором написаны пьесы Ильязда, и языком «кретинов и идиотов». «В “аслаблИчьях” наблюдается карнавализация звука, слова и языка. Так, ‘ывонный’ язык, на котором якобы написан “Янко крУль албАнской” и при помощи которого изъясняются персонажи, и есть заумный язык и в то же время язык кретинов и идиотов, – автор “аслаблИчий” не оставляет почти никакого зазора между креативным и “кретинным”, поскольку среда заумного языка понимается Ильяздом как “среда ужасного давления звука, и существа, живущие в этой обстановке, не могут отличаться формами, целесообразными для слоев заурядных”, и потому сюжеты его “так нелепы”, а герои “так отвратительны”» [Там же].

Можно найти аналоги зауми Ильязда в творчестве остальных участников группы «41 градус», прежде всего Алексея Крученых. «Важнейшим источником “ывонного” языка Зданевича, очевидно, является знаменитое крученыховское “Дыр бул щыл” как “звуковой экстракт русского яз<ы>ка со всеми его диссонансами, режущими и рыкающими звуками” <...> Зданевич использует приемы, характерные для членов “41°” и послужившие основой их полусерьезному учению об “анальной” и “словесно-ямудийной” эротике» [Там же: 82].

ЛИТЕРАТУРА

- Гречко В. К лингвистико-психологической характеристике зауми Ильи Зданевича // Дада по-русски. Белград, 2013. С. 189–203.
- Никольская Т. «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси: 1917–1921. М., 2000.

- Сигов С. Онолатрическая мистерия Ильи Зданевича // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре / Под ред. Магаротто Л., Марцадури М., Рицци Д. Верн, 1991. С. 209–221.
- Шевченко Е.С. Заумный вертеп Ильи Зданевича (о поэтике драматического цикла «аслааблИчь») // Вестник СамГУ. 2009. №5 (71). С. 79–86.
- Janecek G. The translational poetry of Russian futurism. San Diego (Ca), 1996.
- Nikol'skaja Tat'jana. Синдикат футуристов // Russian Literature. 1987. Vol. XXI. P. 89–98.

Е.А. ГИНЗБУРГ

Чикаго (США)

redorbrown@yahoo.com

Об одном внелитературном источнике текста у А.П. Чехова («Степь» и «Спать хочется»)

Мы сравним рассказ «Спать хочется» с повестью «Степь». Рассказ написан в творческой атмосфере, сопутствующей созданию повести. В тексте рассказа обнаруживаются совпадения с повестью и заимствования из нее. Более того, в структуре художественной ткани обоих произведений присутствуют элементы некоторых форм, не свойственных жанру прозы. Они, как нам представляется, позаимствованы из области музыки.

Рассказ «Спать хочется» опубликован в «Петербургской газете» 25 января 1888 г. О процессе его написания известно из письма А.П. Чехова А.Н. Плещееву, датированного 23 января 1888 г.: *Я <...> сел за срочную работу. <...> На рассказ потребовалось не больше полудня, теперь же я могу продолжить свою «Степь»* [ПСС 1955, 6: 482]. Повесть «Степь» была начата в конце 1887 г. и завершена к 3 февраля 1888 г. Сам автор оценивал ее очень высоко: *...она мой шедевр, лучше сделать не умею* [Там же: 483]. Мы рассмотрим степень преэминентности рассказа по отношению к повести с точки зрения композиции, образно-тематических особенностей и работы со словом. Нас будет интересовать не только обнаружение многопланового влияния повести на миниатюру, источником которой она, как мы полагаем, не могла не стать, но и возможность обратного влияния рассказа «Спать хочется» на повесть, которое проявляется на фонетическом уровне работы со словом.

В жанре рассказа «Спать хочется», благодаря введению песенной цитаты, возникают синтетические черты. Напомним начало рас-

сказа: *Ночь. Нянька Варька, девочка лет тринадцати, качает колыбель, в которой лежит ребенок, и чуть слышно мурлычет: «Баю-баюшки-баю, // А я песенку спою...»*. Многократные вкрапления песни (с вариантами текста на фоне монотонного ритма колыбельной с известной читателю примитивной мелодией) способствуют завоеванию всего текстового пространства рассказа. В рассказе «Спать хочется» ритм прозы, ритм поэзии и народной песни с ее навязчивой мелодией в рефрене органично сосуществуют внутри рондообразной формы. Истоки музыкальности (как в переносном, так и в прямом значении этого слова) заложены в повести «Степь». Не следовало бы исключать и обратное влияние текста рассказа на заключительную отделку повести.

ЛИТЕРАТУРА

Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 6. М., 1955.

Н.И. ГОЛУБЕВА-МОНАТКИНА

Москва

golmonat@mail.ru

О словаре писательских неологизмов Мориса Реймса

В однотомном словаре Мориса Реймса «Дикие слова. Словарь слов, неизвестных словарям. Писатели XIX и XX веков», словаре дифференциальном, многоавторском (в соответствии с типологией авторских словарей в [Шестакова 2011]), собраны новообразования французских писателей XIX – первой половины XX в. [Rheims 1989]. Первое издание (1969) этого словаря довольно быстро получило краткий отклик в нашей стране: «Для полноты нашего обзора отметим <...> “Словарь диких слов”, хотя он и не является словарем неологизмов в собственном смысле слова <...>. Обычно речь идет об индивидуально-авторских словообразованиях и словоупотреблениях, преследующих экспрессивную цель. Словарь дает богатый материал для изучения поэтики, языка художественного произведения. Он интересен и для лингвистов <...>. Причины такого словотворчества различны: иногда это вербальная реакция на языковые нормы как на проявление нормализаторства буржуазного общества, иногда же это – пустая словесная эквилибристика. В этом случае авторы

вместо обновления содержания дают обновление лишь формы, скрывающей бессодержательность» [Гак 1977: 48].

Своеобразие этого словаря обусловлено тем, что Морис Реймс (Версаль 1910 – Париж 2003) был не филологом, а историком искусства и писателем, членом Французской академии, создавшим почти три десятка искусствоведческих и литературных произведений (он упоминается в известном словаре имен собственных «Le Petit Robert des Noms Propres» 2003 г.). Работая над текстами по искусству модерна (Art nouveau) рубежа XIX–XX вв., Реймс обратил внимание на «особенные» слова и начал их собирать¹, а сотрудники издательства «Larousse» придали его коллекции² не только словарную форму, но и, как показывают, в частности, помещенные после корпуса статей разделы, определенную научность.

Макроструктура словаря. Открывает словарь краткое предисловие к изданию 1989 г., где указан адресат словаря – читатель, которого забавляет сам язык. Далее следует развернутое «Введение» («Introduction») – прекрасное писательское эссе об истории неологизмов во французском языке, в котором говорится, в том числе, о связи структуры некоторых неологизмов с теми явлениями, которые присутствуют в изобразительном искусстве рубежа XIX–XX вв., о том, что слова могут распознаваться по их «стилю». Словарь включает около 2700 статей. После статей идет подробный алфавитный указатель примерно 250 цитируемых писателей, поэтов, деятелей культуры и их произведений («Auteurs et ouvrages cités»).

Также приведен список использованных для толкования словника пятидесяти французских словарей («Dictionnaires»), включающий пять словарей старофранцузского языка, один – языка XVI в., четыре – языка XVII–XVIII вв., десять – языка XIX–XX вв., а также семнадцать диалектных, три этимологических, десять словарей аргю, включая этимологический. В библиографии («Bibliographie») перечислены 80 работ более полусотни французских филологов первой половины XX в., посвященных преимущественно языку француз-

---

¹ На презентации книги в 1969 г. он говорил, что речь идет «не совсем о неологизмах, а скорее о необычных словах, о словах, которые нам неизвестны» (трехминутное видео представлено на www.ina.fr/video/CAF96082564). То же самое им повторено и во «Введении» к изданию 1989 г.

² М. Реймс подчеркивал, что он является лишь простым коллекционером, что он коллекционировал слова подобно тому, как собирают почтовые марки или бабочек [Rheims 1989: 18].

ских писателей, а также истории французского языка, его грамматике и лексике. В «Remerciements» М. Реймс благодарит за помощь в создании словаря издательство «Larousse», поименно его сотрудников, тех деятелей литературы и искусства, которые предоставили ему ценные сведения (среди них Эрве Базен, Андре Бретон, Сальвадор Дали, Морис Дрюон, Жан Жионо, Эжен Ионеско, Анри де Монтерлан, Раймон Кено, Ален Роб-Грийе).

Микроструктура словаря включает следующие единицы: заголовочное слово, частеречная характеристика, иллюстрация (обычно одно предложение), ссылка (автор и произведение без указания страницы), толкование слова (в случае заимствования толкования указывается источник):

allélouyer v. intr. *Je ne m'entends plus jouer, pardonnez-moi – Elle a raison, hurle Miss Charlotte. Nous allélouyons trop fort. Green, Les Pays lointains. À partir de l'hébreu allelou-yah, louez le Seigneur, devenu alleluia en latin ecclésiastique. La graphie de Julien Green est francisante. Chanter des alleluias.*

‘аллилуйствовать, неперех. гл. *Я играю и себя не слышу, извините. – Она права, – проорала мисс Карлот. – Мы аллилуйствуем слишком громко.* Грин, Далекие страны. От еврейского *allelou-yah*, хвалите Господа, ставшего *alleluia* в церковной латыни. Жюльен Грин офранцузил написание слова. Петъ аллилуйю’

[Rheims 1989: 31].

Словарное представление французских авторских новообразований позволяет яснее представить творческий потенциал этого языка и его особенности.

ЛИТЕРАТУРА

Гак В.Г. О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. Сб. ст. Л., 1978. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://neolexiling.narod.ru/material/gak_franz_neol.htm.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

Rheims M. Les Mots sauvages. Dictionnaires des mots inconnus des dictionnaires. Ecrivains des 19e et 20e siècles. Paris, 1989.

Неологический акцент дискурсивной практики: языковая игра в технически ориентированной интернет-коммуникации

1. В.П. Григорьев не видел каких-либо ограничений в реализации творческой функции языка и, представляя глобальную, по его оценке, проблему языка как творчества отмечал, что в этом случае «...предметом исследования становится особая проблематика, связанная с речевой деятельностью множества выдающихся и нормальных “творческих языковых личностей”, отмеченных как внесшие вклад – от безусловного до минимального – в художественное, научное и бытовое (и детское) познание» [Григорьев 2000: 233].

2. Современное многопараметрическое коммуникативное пространство инициирует демонстрацию «ординарным» носителем языка его неологической состоятельности в таких сферах повседневной дискурсивной практики, тематика которых, казалось бы, задает узуальность кода и предполагает автоматизм речевого поведения.

3. В этом смысле вполне определенный интерес представляет утилитарно ориентированная интернет-коммуникация, проблематика которой является широко востребованной современным социумом. Сайт о мобильной связи «Ячейки» формируется практической и фатической составляющими [Китайгородская, Розанова 2010: 195] и разворачивается во взаимодействии смысловых блоков, передающих актуальные сведения технического характера, и блоков, реализующих как информативную, так и поэтическую, эмотивную и аксиологическую функции.

4. Правилами поведения на сайте «запрещено сознательно искажать русский (и любой другой) язык», но неологический аспект его вербалики, самый факт наличия которого является показательным, ориентирован на преодоление границ официального/неофициального и узуального/креативного [Кувшинская 2014: 23]. На готовность адресантов к лингвистической креации указывают уже словообразовательная версификация ключевого понятия *абонплата* – *АП* – *абонентка* – *абоняра* [Колшанский 2013: 71]; внимательное отношение к семантике *Смею предложить названия для новых тарифных пла-*

нов: *Бастيون, Цитадель и Твердыня*. Думаю, с такими названиями они продержатся подольше сказки [после отмены тарифа «Сказка»]; словообразовательная синергетика: стимул «*Забугорище*» – реакция *тарифище* [ирон].

5. В результате развертывания опосредованного, динамичного, полисубъектного, неиерархизированного, реактивного интернет-общения формируется субкоммуникативная языковая картина мира. В ее центре находятся собственно интернет-коммуникаторы, а также абоненты, операторы и оказываемые ими услуги.

Если администрация позиционирует сайт как *элитарный*, то адресант последовательно понижает установку на статусность уже в самономинации – *элитарий(ии), илитарий*, а также *элитаренько*. Гипероним *абоны* имеет гипонимы, позволяющие метонимически именовать абонентов в проекции на логотип оператора *полосатики, яйцеголовые, яйцо-путешественник*; семантические неологизмы выполняют функцию характеристики и оценки: *молчун* ‘абонент, мало использующий мобильный телефон’, «*бегающие*», *перебежчик* ‘абонент, отказавшийся от услуг прежнего оператора’ [Заботкина 212: 224]. Метафора как важнейший инструмент когниции последовательно обнаруживается в **тактике персонификации** предмета речи [об устройствах по низким ценам] *Очень много жалоб на... умирание; сайт МТС болеет; в Винде никакой Промо не жилец*, ср. *абонентско-операторский адюльтер*.

Номинации операторов связи наиболее разнообразны, что закономерно, так как их деятельность находится в центре обсуждения. Здесь используется **тактика рефрейминга**, обеспечивающая снижающую конкретизацию и тривиализацию: *МТС – трактор, трактористы; Теле-2 – телега; Пчелайн – пчелы проснулись и зашевелились* [Северская 2016: 361]. Явная ориентация речевого поведения адресанта на **стратегию дискредитации** обнаруживается в неологизмах с форсированной оценочностью: *Ну и сдался этот Кидафон?* – актуализируется выразительный потенциал жаргонизма; *мегаВонь* – девиантная орфография утрирует семантические различия паронимов; *быблайн* – псевдоэвфемизация. В некоторых случаях аксиология неологизма конкретизируется контекстом: *Мегафно как всегда. Юхнов Калужская обл. – нет связи со вчерашнего вечера*.

Характер представления предмета речи задается **тактикой объектной примитивизации**. Она обуславливает такое дискурсивное преломление соответствующего терминологического аппарата, ко-

торое ориентировано на материализацию: *прикрутить посекундку, тарифы выкатили / выкосят* [отменят], *они даже ничего не досыпали – например 50 минут* (=) [о доплате]. Показательным аспектом реализации этой тактики является актуализация концепта «Еда»: *В онлайн засолке только мега с сивер номером; В нем [тарифе] изначально было много вкусоностей, но такая цена минуты убил. Байкал все ж вкуснее*; *бутерброд* [о специальном оборудовании]; *премиум-доширак* [ирон. о привилегированном тарифе].

6. Таким образом, последовательная реализация возможностей неологии в интернет-коммуникации, весьма далекой от собственно изящных тем, способствует самоорганизации и выделению коммуникативного сообщества, позволяет динамичному коллективному контенту избежать «функциональной деградации и экспрессивной смерти» [Григорьев 2000: 234].

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев В.П. К диалектике воображаемой филологии // Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000. С. 459–466.
- Заботкина В.И. Слово и смысл. М., 2012.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина. М., 2010.
- Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 2013.
- Кувшинская Ю.М. Аббревиация в речи интернет-форумов // Современный русский язык в интернете. М., 2014. С. 23–38.
- Северская О.И. Пересмешники: «смеховое эхо» в поэзии и каналах массовой коммуникации // Карнавал в языке и коммуникации. М., 2016. С. 361–374.

Ф.Н. ДВИНЯТИН

Санкт-Петербург
f.dvinyatin@spbu.ru

Освоение специальной лексики в русской поэтической традиции: неологизм – раритет – архаизм

Как известно, с известным огрублением можно утверждать, что «новая» лексика в поэтической традиции – это либо авторские изобретения, либо заимствования, собственно межъязыковые или внутриязыковые, из одной подсистемы в другую – например, из специальных подъязыков, естественнонаучных и историко-филологических, в язык поэтических текстов. Последние нередко проходят

узнаваемый путь (траекторию): будучи поэтическими или общеязыковыми неологизмами в момент появления (первой фиксации), они продолжают в течение некоторого времени и в очень ограниченном количестве текстов существовать как лексические раритеты («нижний» предел развития здесь – окказионализмы и/или гапаксы), чтобы затем, с прекращением новых употреблений (фиксаций), обрести статус архаизмов (стоит оговорить, в принципе готовых к новой актуализации, преимущественно стилизующе-архаистического типа). Кажется, напрямую (минуя освоение в терминологических подъязыках) в русскую поэтическую традицию из немецкой (а истоки в греческом и латыни) попадает антикизирующее и феминальное обозначение василька *циана*, отмеченное по крайней мере у трех русских поэтов XIX в. (Жуковский, А. Толстой, Щербина) и одного XX в. (стилизирующее цитирование раритета у Вяч. Иванова). Еще короче активная жизнь *гемасагары*, проникшей в «Ганса Кюхельгартена» Гоголя из появившегося практически сразу перед ним русского перевода «Лалла Рук» Т. Мура, который, в свою очередь, ссылается, приводя это наименование экзотического индийского растения, на труд известного санскритолога У. Джоунса. Подобными же заимствованиями поэтического типа, мотивированными языковой и художественной логикой одного конкретного текста, но образующими в нем (а значит, и в русской поэтической традиции, понимаемой как тезаурус) целый ощутимый пласт, являются синонимы-дублиеры индийского происхождения в «Песни о Гайавате» Лонгфелло – Бунина. Среди разного рода экзотизмов выделяются заимствования в поэтическую речь из библейских переводов, старинной книжности, церковнославянской и древнерусской традиции, будь то *скимень*, *еродий*, *кринь*, *ливань*, *киннамонь* и мн. др.: в этих случаях отчасти затемнена стадия «неологизма», потому что слово проникает в новую поэзию как будто непосредственно, без зазора и прерывности, из «допетровской» прозы, но стадии раритета и архаизма обычно наглядны. Неологичность чувствуется в более поздних заимствованиях из западных и восточных локусов: *филомела* и (*ε*)*альциона*, *бензой*, *урангъ* и др. Промежуточный статус у таких слов, как *бабръ*: воскрешенное Хлебниковым и связавшееся с его именем, оно, однако, встречается в текстах XVIII, и XIX в. В некоторых случаях исследователю художественных текстов приходится самому восстанавливать предметное значение и этимологию (для русского языка) такого слова, как, например, для (обнаруженного пока только в художественной и

деловой прозе) *чиндарь/чандарь* (не *чинарь, чинара*). Для многих слов подобного рода характерна размытость и двусмысленность предметного значения (*яворь, сико(а)морь(а), пардь* [как и тигр, бабр, барс, пантера – как в поэтической речи, так и в качестве специальных обозначений до относительно недавних четких зоологических разграничений], *аспидь, алоэ(й), медуница* и др. Как видно отчасти и из предыдущих примеров, варьированию может подвергаться также звуковая (в том числе акцентная) и грамматическая форма слова. Некоторые подобные раритеты-дублиеры могут, с большей или меньшей долей отчетливости, восприниматься (читателями или авторами-продолжателями) как полу-авторские неологизмы: безусловно существовавшие и до ключевых (прецедентных) текстов, они были включены в какие-то тексты либо впервые в поэтической традиции, либо с особой, принципиально новой мерой языковой и поэтической убедительности: таковы *емшань* Майкова и *синель* Тютчева. Раритетные дублиеты-синонимы склонны формировать в поэтической традиции цепочки употреблений, связанных определенной преемственностью (своего рода топика или – в более сильных случаях – интертекстуальность как таковая).

О.В. ЕВТУШЕНКО

Москва
ovae@list.ru

Что могут сообщить новообразования об их создателе?

В словотворчестве две стороны – язык и творец. Поскольку филология всегда сфокусирована на языке, о нем уже известно немало: выявлен реализованный и потенциальный состав способов словообразования, намечены пути пополнения набора словообразовательных формантов [Улуханов 1996]; предложено объяснение причин узуализации одних инноваций и отсутствия подобных перспектив у других [Metcalf 2002; Плотникова 2004]; определены критерии лингвоэстетической оценки авторских новообразований [Григорьев 2000] и многое другое. А вот творец в докогнитивной парадигме оставался на краю поля зрения. В.П. Григорьев одним из первых обратился к проблеме «языковедства» [Там же: 213], и в частности к

поиску причин, толкающих поэта к словотворчеству. Мы расширим тему и попытаемся взглянуть на новообразования как на продукт, несущий на себе след ментальных особенностей конкретной языковой личности, воспитанной определенной эпохой и средой и ориентированной на определенные речеповеденческие образцы. Это позволит понять, как работает мозг в момент создания нового слова и что вызывает эмоциональный отклик у того, кто декодирует новообразование, добавить к лингвоэстетической шкале оценок ментально-гедонистическую и в перспективе получить ответ на поставленный Григорьевым вопрос: если Хлебников (или любой другой поэт) малопонятен, если его инновации оцениваются неоднозначно, не выходят за пределы его текстов и не становятся употребительными, то каким образом читатели приходят к ощущению, что он гениален [Там же: 212]?

Любая инновация несет на себе характерный отпечаток типа мышления. Так, философскому мышлению присущ максимальный уровень обобщения, что сказывается на отборе морфем и словообразовательных моделей (*сверхчто* Лосский, *окачивает* Булгаков), нередко антиномичность (*сверхвременно-временное* Лосский). Для художественного мышления характерно внимание к деталям (*медно-скачущий* Иванов), разнообразие отражаемых ощущений, или полимодальность (*полношумный* Блок), образность (*алмазно-зреющие слезы* Белый). Результаты словотворчества будут различными также у носителей научного, управленческого, журналистского, бытового типа мышления. По своему эмоциогенному потенциалу журналистский тип мышления не уступает художественному благодаря характерному информационному фильтру, выбирающему интересное и сенсационное (*галстукоед*, *крестоповал*). Особый отклик у адресата вызывает соединение ресурсов разных типов мышления, например философского и художественного (*совитие* Гиппиус), управленческого и художественного (*Баба-Егэ* Зюганов).

Немаловажную роль в оценке инновации адресатом играет стиль мышления автора. Он сказывается, во-первых, на выборе речемыслительных операций в момент создания нового слова (наибольшим ментально-гедонистическим потенциалом отличаются детализация, гибридизация, метафоризация [Евтушенко, Ба 2016]), во-вторых, на количестве и уникальности связей в лексиконе, проявляющихся благодаря новому слову, в-третьих, на количестве и разнообразии нестандартных словообразовательных моделей (*анти-Вяч. Иванов*).

ство, *зыблемость* Блок), в-четвертых, на характере словотворческой активности, важными показателями которой является мотивация к созданию новообразований (необходимость / представившаяся возможность / осознанный поиск нового), готовность к языковой игре (*расколпачиваемся* Блок), равная / неравная степень изобретательности в профессиональной и бытовой речи.

Пропуская через себя основные идеи эпохи, автор добавляет к ним что-то личное, для чего ему приходится изобретать соответствующие номинации. Так, рубеж XIX–XX вв. соединил трансцендентализм (*сверхбытийственное* Лосский), индивидуализм (*самопревознесение* Лосский), идеи двуединства в любви (*содружники* Цветаева), утонченной духовности (*духовеять* Белый). Высшей ментально-гедонистической оценки удостоиваются те слова, в которых наиболее точно отражается суть новой идеи (*всечеловек* Данилевский). К этому добавляются возможности, открываемые творческим методом, например в символизме – полутона (*полузеркальные* Соловьев), трансцендентное свечение (*лучесветный* Белый).

Изучение словотворчества как воплощения работы мысли отдельной личности с ее индивидуальным опытом, интенциями и способностями открывает новые перспективы и в неологии, и в лингво-поэтике.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000.

Евтушенко О.В., Ба Ю. Типология речемыслительных операций, лежащих в основе словотворчества // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. 2016. Вып. 17 (756). С. 26–38.

Плотникова Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности: Порождение, функционирование, узуализация нового слова. Дис. ... докт. филол. наук. Белгород, 2004.

Улханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Metcalf A. Predicting new words: The secret of their success. Boston, 2002.

Е.А. ЖДАНОВА, Н.А. БАКИЧ

Нижний Новгород

e-a-zhdanova@inbox.ru, nasa85@yandex.ru

Словообразовательная продуктивность и оценочные возможности аффиксоидов в современных новообразованиях

Вопрос об аффиксоидах как морфемах особого, переходного типа является для современного отечественного языкознания одним из дискуссионных, и статус подобных морфем определяется учеными неоднозначно, а существующие теории иногда взаимно исключают друг друга. Аффиксоиды рассматривают как «морфемы переходного характера, которые частично сохраняют исконные признаки корней и в то же время приобретают некоторые признаки служебных морфем» [Немченко 1994: 60]. Широкое понимание аффиксоидов представлено в экспериментальном словаре-справочнике [Козулина и др. 2009: 4–5]: «Аффиксоиды являются промежуточным, гибридным – аффиксально-корневым – словообразовательным компонентом сложных слов», при этом аффиксоиды в содержательном плане несут корневую нагрузку, т. е. имеют «материально-предметное, конкретное, вещественное» значение, и не существуют в языке в качестве самостоятельных слов (их основ). Традиционно производные с аффиксоидами рассматривались как слова, образованные способом словосложения. В настоящее время в дериватологии развивается идея о том, что аффиксоидация – это особый способ словообразования.

Количество новых слов, образованных с помощью префиксоидации или суффиксоидации весьма велико, подобные новообразования легко порождаются говорящими и, как правило, хорошо понятны слушающим. Так, например, в словаре новой лексики [НСЗ-90] находим новообразования типа *видеорепортаж*, *лжефирма*, *минибаня*, *натоман*, значения которых с очевидностью выводятся из составляющих данные композиты частей.

Обращает на себя внимание то, что новообразования с аффиксоидами нередко представлены целыми широко развернутыми группами, отражающими значимые явления в жизни российского общества: встречаются такие образования с начальными элементами *аудио-*, *видео-*, как *аудиокнига*, *аудиосистема*, *аудиотрек*, *видеокни-*

га, видеомафия, видеонюинка, видеопираты, видеопоток и др. Развитие техники, ее доступность и распространенность объясняет рост продуктивности указанных префиксоидов. Мощное влияние на жизнь современного общества средств массовой информации объясняет активность префиксоида *медиа-*: *медиаимперия, медиаисследование, медиакороль* и др., а распространение разного рода подделок, суррогатов приводит к частотности использования морфем с семой 'неистинность, ложность', в частности префиксоидов *лже-* и *псевдо-*: *лжебеженцы, лжеблокадник, лжеводка, лжепродукция, лжефирма, псевдорынок* и др. (примеры из [НСЗ-90]).

Криминализация общества, распространение наркотиков, общее падение нравов отразились в языке в виде крупных групп композитов с начальными элементами *нарко-* и *порно-*: *наркоденьги, наркодурман, наркокараван, порнобарон, порнодетектив, порноиздание* и др.

В последние десятилетия словообразовательную активность в медийном тексте развили многочисленные аффиксоиды заимствованного характера. Актуальные проблемы экологии, состояния окружающей среды находят отражение в активизации заимствованного префиксоида *эко-*: *эктолица, экополиция, экомоды* и др. Социальные пристрастия и антипатии находят отражение в новообразованиях с постпозитивными иноязычными компонентами *-ман(ия), -фил(ия), -фоб(ия)*: *телеман, барбимания, шпиономания, гитарофил, летофилы, лифтофобия, олимпиадофобия* и др.

Анализируя аффиксоиды, мы должны отметить, что в большинстве своем это единицы иноязычного происхождения, причем не только из классических языков, но и из современных западноевропейских. Нередко неологизмы с аффиксоидами, зафиксированные, например, в [НСЗ-90], оказываются не композитами, образованными на русской почве, а заимствованиями (например, единицы *медиаменеджер, медиапланирование*), причем разграничить иноязычия и исконно русские производные иногда оказывается затруднительным.

Влияние экстралингвистических факторов на словообразовательную активность морфем рассматриваемого типа очевидно. Однако деривационная активность поддерживается и интралингвистическими факторами. Использование аффиксоидов позволяет с помощью одного слова выразить сложное расчлененное понятие, а как отмечает Л.Ю. Касьянова, «новые лексические единицы, образованные посредством сложения, представляют собой более экономное и выразительное средство общения» [Касьянова 2006: 35].

ЛИТЕРАТУРА

- Касьянова Л.Ю.* Векторы неологизации в современном русском языке. Астрахань, 2006.
- Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н.* Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб., 2009.
- Немченко В.Н.* Современный русский язык. Морфемика и словообразование. Н. Новгород, 1994.
- НСЗ-90* – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. / под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова. СПб., 2009–2015.

С.Т. ЗОЛЯН

Калининград; Ереван (Армения)
surenzolyan@gmail.com

Смыслотворчество: принципы и лингвистические механизмы

1. Говоря о принципах поэтического словотворчества, В.П. Григорьев не ограничивался собственно словообразовательной техникой, но всегда рассматривал этот процесс как направленный на сотворение новых смыслов: можно указать на главу «Гнездо “языков” и образ языка» в [Григорьев 1983]. Описывая «языки» Хлебникова, т. е. различные способы словотворчества и организации текста, Григорьев выделял их креативный потенциал – служить образованию новых смыслов. При этом, хотя им и неоднократно описывались ситуации, когда сходный эффект мог достигаться путем применения различных «языков» (в хлебниковском смысле), тем не менее каждый из них был направлен на создание условий для проявления «глубинного поэтического смысла» (используя этот термин, Григорьев отсылал к [Золян 1985]).

2. Особое внимание Григорьев уделял экспликации механизмов, названных Хлебниковым «скорнением» [Григорьев 1986], приводящих к созданию новых смыслов. Как на один из эффектов скорнения, он указывал на «перемножение» смыслов (видимо, в противоположность сложению), в чем можно увидеть аналогию с получившими в последнее время широкое распространение понятиями «блендинга» и «эмерджентности» – когда в результате композиции возникают значения, отсутствующие в исходных компонентах. Вни-

мательный анализ описанных Григорьевым механизмов словотворчества Хлебникова (его «языков») может стать основой для создания грамматики нового типа – ориентированной не на описание средств **передачи** смысла, а на их **порождение**.

3. Такая постановка вопроса приемлема в лингвистической поэтике, но применительно к вопросам общелингвистического описания требует особого обоснования. Поэтому конкретные описания тех или иных лингвистических средств создания новых смыслов нуждаются в понимании самих философских основ семантики языка. Лингвистика в основном опирается на аксиоматику, которую можно назвать платоновской или картезианской: она исходит из того, что существуют «правильные» смыслы, и задача лингвистики – либо найти «истинный» этимон, либо уточнить значение слова. Так, часто цитируемая максима Р. Декарта («Уточняйте значения слов, и вы избавите человечество от половины заблуждений», – а как быть с другой половиной?) как следующая принципам аналитической философии становится целью как семантических теорий, так и практических описаний естественного языка.

4. Оспаривать правомерность подобной постановки вопроса было бы неверным: благодаря этому обеспечивается передача и хранение информации. Однако тогда не ясно, как возможно новое знание – не случайно, что и по Платону, и по Декарту новые смыслы принципиально невозможны – новое знание это либо припоминание, либо новая комбинация уже известного. Поэтому в дополнение к существующим, необходимы теории, описывающие процессы порождения новых смыслов и не ограничивающие их исключительно поэтическим употреблением языка. Наряду с аксиоматикой Платона–Декарта должна существовать параллельная, фундаментом которой можно считать положение о возможности порождения нового знания в процессе коммуникации – как посредством семантической деривации, так и словообразования. **Неология**, как можно понять из исследований Григорьева, должна включать описание процессов словообразования и смыслотворчества.

5. В подтверждение этому мы попытаемся продемонстрировать на конкретном материале то, что

а) может быть оспорено положение о том, что благодаря использованию точных терминов (как предельный случай – математических) обеспечивается «адекватное» (однозначное) понимание;

б) и наоборот – даже в случае терминологического использования возможны такие явления, как многозначность, эмерджентность и «переумножение» смыслов;

в) в связи с этим можно говорить о недостаточности тех теорий семантического взаимодействия, которые исходят из презумпции существования «готовых смыслов» и затем прослеживают их изменение в контексте. В дополнение к ним предлагается описание, исходящее из того, что нечетко определенные значения формируют новые структуры, детерминированные не столько селективными признаками отдельных единиц, сколько целостным композиционным каркасом предложения: аналог того, что в свое время Ю.С. Степановым не совсем удачно было названо «длинным семантическим компонентом» [Степанов 1981: 257];

г) при этом предложение должно быть рассмотрено в определенном контексте (как лингвистическом, применительно к предшествующим и последующим высказываниям, так и экстралингвистическом). Нетрудно увидеть, что такой подход основывается на методах, издавна разработанных в поэтической семантике.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев В.П.* Грамматика идиостиля. М., 1983.
Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986.
Зоян С.Т. О соотношении языкового и поэтического смыслов. Ереван, 1985.
Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.

И.В. ЗЫКОВА

Москва

zykova_iv@mail.ru

Фразеологическая креативность и фразеоигра в дискурсе комедийного кино

В свое время Б.В. Казанский определял кино как сложное, составное искусство, «в котором участвуют творчества различного рода и на разных правах» [Казанский 2016: 134], где особенное положение по понятным причинам занимает творчество вербальное. Дискурс игрового кино представляет собой особое пространство художественной реализации креативного потенциала языковой системы и выступает источником языковых инноваций, получающих (со

временем) широкое распространение в общезыковом узусе и пополняющих словарный фонд русского языка новыми (оригинальными) единицами. Учитывая данный факт, общую цель нашей работы мы видим в исследовании языковых средств создания «комического» как этико-эстетической категории, в анализе и систематизации создаваемых в кинодискурсе различных нестандартных и «игровых» вербальных форм. На данном этапе непосредственным объектом нашего изучения являются фразеологизмы, используемые в дискурсе отечественных кинокомедий известных кинорежиссеров, вышедших в 1960-х и 1970-х гг. («Три плюс два», «Бриллиантовая рука», «Джентльмены удачи», «Ирония судьбы, или С легким паром» и многих других).

Исследование фразеологической составляющей дискурса комедийного кино проводится нами с опорой на два ключевых и взаимосвязанных понятия – «фразеологическая креативность» и «фразеоигра», являющихся производными от таких более общих понятий, как «лингвокреативность» и «языковая игра» (о критериях разграничения данных понятий см. подробнее в [Зыкова 2017]). Под фразеологической креативностью нами понимаются одновременно два лингвокультурных процесса: 1) системное порождение фразеологизмов, происходящее в разные исторические периоды развития языковой системы и вызванное разными (культурными, социальными, лингвистическими и пр.) факторами, и 2) творческое использование фразеологических знаков, направленное на их коммуникативную адаптацию к различным прагматическим задачам построения дискурса определенного типа, в ходе которой их базовые формы могут подвергаться разного рода преобразованиям (т. е. могут модифицироваться) [Зыкова 2015].

Примерами первого процесса (т. е. процесса порождения новых несколькословных единиц) могут служить такие выражения из кинокомедий, как *ария московского гостя, пойдём простым и логическим ходом, <a> под дичь <будешь?>, цигель, цигель*. В настоящее время данные (и многие другие) языковые единицы по праву можно отнести к фразеологическому фонду русского языка, поскольку они, обретая известность, узуализируются, наделяются свойствами устойчивости и воспроизводимости. Об этом непосредственно свидетельствуют контексты их употребления, к примеру: *Есть только «но»: времени на здоровый образ жизни у него в обрез, цигель-цигель* [НКРЯ].

Ко второму процессу (т. е. процессу творческого использования фразеологизмов) необходимо отнести, с нашей точки зрения, во-первых, сам выбор тех или иных фразеологических знаков, представляющий собой во многом результат творческого поиска оптимальных языковых форм выражения художественного замысла кинорежиссера или киносценариста для создания дискурса определенного типа (кинокомедии), удовлетворяющих в первую очередь его интенциональности и прагматике. Примечательным в этой связи является факт распространенности в дискурсе анализируемых комедийных фильмов фразеологизмов, передающих нестандартное (ненормативное) поведение лица: *сходить с ума, забывать обо всем на свете, переходить границы* и др. Во-вторых, творческое использование фразеологизмов проявляется, безусловно, и в специфике их преобразования в кинодискурсе, одним из примеров которого может выступать выражение *куй железо, не отходя от кассы*. Данное выражение в кинокомедии «Бриллиантовая рука» было создано посредством применения двух стратегий: редуцирования (или усечения) второй части фразеологизма *куй железо, пока горячо* и комбинирования его уже модифицированной формы с фразеологизмом *не отходя от кассы*, который в свою очередь является сокращением выражения *Проверяйте деньги, не отходя от кассы*.

Особо стоит отметить, что проводимое исследование убеждает нас в том, что разного рода модификации базовых форм фразеологических единиц обусловлены одной из главных прагматических задач кинокомедии – «осмеяния» (в широком понимании) и попадают под определение «игровых». Соответственно, различные преобразования фразеологизмов в дискурсе комедийных фильмов можно считать случаями такого явления, как фразеоигра. Фразеоигра рассматривается в нашей работе как разного рода, типа и объема модификации фразеологизмов, создание которых направлено, главным образом, на достижение комического эффекта, вызывающего у реципиента-зрителя «комический» смех (или «смех ума») от обнаруженной комической «ситуации» (в широком смысле) и разрешенного в ней противоречия [НФЭ]. Примерами фразеоигры являются следующие употребления фразеологизмов: *делать глупости* > «мы перестали **делать большие хорошие глупости**»; *сходить с ума* > «мы **немножко сошли с ума**» («Ирония судьбы, или с легким паром»); *черт побери!* > «**щорт побьэри!**» («Бриллиантовая рука»).

Как представляется, изучение специфики образования и функционирования фразеологизмов – образных, (особо) выразительных, эмоционально-окрашенных и культурно-специфичных средств языковой системы – в дискурсе игрового, в частности комедийного, кино не только способствует расширению представления о креативных возможностях и потенциях русского языка, реализуемых в особом поликодовом пространстве киноискусства [Лотман, Цивьян 1994], но и вносит определенный вклад в разработку проблемы «поэтики кино» [ПК], поставленной еще в начале XX в. русскими формалистами и обретающей в рамках современных тенденций развития науки новую «оптику» рассмотрения и новый формат осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

- Зыкова И.В.* Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурологического изучения. М., 2015.
- Зыкова И.В.* Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М., 2017.
- Казанский Б.В.* Природа кино // Поэтика кино. Теоретические работы 1920-х гг. М., 2016. С. 105–152.
- Лотман Ю., Цивьян Ю.* Диалог с экраном. Таллинн, 1994.
- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.
- НФЭ* – Новая философская энциклопедия / Под ред. В.С. Стёпина. В 4 тт. М., 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/.
- ПК* – Поэтика кино. Теоретические работы 1920-х гг. М., 2016.

И.Ю. ИВАНЮШИНА

Саратов
iiyu@mail.ru

«Ребенок и дикарь»: к истокам футуристического словотворчества

Популярное в начале XX в. представление о том, что «человеческая культура на вершине своей имеет непреодолимый уклон к упадку, к декадансу, к истощению» [Бердяев 1994: 415–416], привело представителей левого искусства к необходимости черпать творческие силы за пределами культуры, в докультурных (варварство) и посткультурных (цивилизация) областях. Оба пути вели к упрощению, огрублению, примитивизации, но обеспечивали большую

цельность и жизненную силу. «Варварством на вершине культуры» назвал футуризм Н. Бердяев [Там же: 418].

Архаизирующая тенденция наиболее ощутима в языке футуристической поэзии, который уже современники воспринимали как «до-язык, до-культурный, до-исторический» [Чуковский 2001–2009, 8: 62], «дыхание довременного слова» [Лившиц 1989: 335], «возврат к дологическому стихийному хаосу» [Флоренский 1990: 187].

Называя заумь «первоначальной (исторически и индивидуально) формой поэзии» [Крученых 2001: 193], А. Крученых прямо указывал на связь футуристического языка с ранними стадиями онто- и филогенеза. Детство человека и «детство» человечества питают корни футуристического языкового новаторства. Ветхозаветным Адамом, впервые дающим всему имена, ощущает себя Крученых. В языковой архаике, заговорах и заклинаниях черпает лингвистические идеи В. Хлебников. Словно возвращаясь по хроногенетической оси в прошлое языка, дает образцы не расчлененного на слова речевого потока В. Гнедов: *Нассчитаютъ дураками / амыдуракилучшеумныхъ* [Поэзия русского футуризма: 395].

По наблюдениям П. Флоренского, «развитие языка в истории идет именно от “футуризма” к современности <...> от речетворчества к рациональному словоупотреблению» [Флоренский 1990: 178]. Именно словотворчество он считает отличительной чертой русского футуризма, поскольку «футуристически-свободный» русский синтаксис не оставляет возможностей для радикального новаторства.

На близость футуристического и детского словотворчества впервые обратил внимание в 1914 г. К. Чуковский. Он обнаружил сходство неологизмов И. Северянина и четырехлетнего «эгофутуриста» Юры Б., связав взрыв словообразовательной энергии с определенным этапом освоения ребенком языка. Когда Юре исполнится пять, убежден Чуковский, словотворчество в нем иссякнет [Чуковский 1969: 202–239].

Сходство футуристического и детского словотворчества обусловлено несколькими общими установками, но если у ребенка они бессознательны, то у будетлян имеют программный характер.

Футуриста, провозгласившего «самовитое слово вне быта и жизненных польз» [Хлебников 1986: 37], и ребенка роднит бескорыстное, игровое отношение к языку. Хлебников отстаивает «понимание языка как игры в куклы; в ней из тряпочек звука сшиты куклы для

всех вещей мира <...> слово – звуковая кукла, словарь – собрание игрушек» [Там же: 627].

Движущей силой футуристического и детского словотворчества является динамизация языка, ускорение речи, экономия слов. Если у ребенка это обусловлено психофизическими особенностями, то у футуриста – его картиной мира, которая «обогадилась красотой скорости» [Маринетти 1914: 106]. Лаконичный, телеграфный стиль требует новых слов: «Слова сожмутся, сократятся, сгустятся. Это будут слова-молнии, слова-экспрессы» [Чуковский 2001–2009, 2: 193]. Наиболее частотными приемами такого сжатия и ускорения становятся создание сложных слов и «оглаголивание существительных».

И ребенок, и поэт-футурист исходят из презумпции тотальной осмысленности всех компонентов слова, что приводит к созданию неологизмов с опорой на народную и поэтическую этимологию, экспликацию внутренней формы слова, реализацию метафоры.

Даже в самом радикальном сегменте футуристического словотворчества – зауми обнаруживается близость с детским лепетом. На связь экстатической коммуникации младенца и матери и заумных речений указывали Крученых [Крученых 2001: 194] и Чуковский [Чуковский 2001–2009, 4: 321].

При всем многообразии совпадений детского и футуристического словотворчества это явления глубоко различные генетически и функционально. Первое является докультурным, второе – посткультурным феноменом. Ребенок движется к освоению системы языка, поэт-футурист – к ее преодолению. Первозданная свежесть, ошутимость слова, дарованная ребенку природой, искусственно моделируется футуристами. Детские неологизмы призваны восполнить недостающий лексический запас ребенка, футуристические – языка в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н.* Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 2. М., 1994.
- Крученых А.* Декларация заумного языка // Литературные манифесты: От символизма до «Октября». М., 2001.
- Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989.
- Маринетти Ф.* Футуризм. СПб., 1914.
- Поэзия русского футуризма. СПб., 1999.
- Флоренский П.* У водоразделов мысли: в 2 т. Т. 2. М., 1990.
- Хлебников В.* Творения. М., 1986.
- Чуковский К.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1969.
- Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. М., 2001–2009.

Словотворчество как феномен идиостиля Н.И. Глазкова

Н.И. Глазков (1919–1979) – второй, после В. Хлебникова, отечественный «поэт для поэтов», чье творчество явно или неявно оказало значительное влияние на русскую поэзию XX в.

Для его творческой палитры характерны такие явления, как алогичные и парадоксальные сравнения, инверсии, изысканность и необычность рифм и т. д., например: *Не хочет Бог, чтоб каждый верил в Бога; Живу Мархлевского на ул.; Бросаясь в небо, как в глаза; Потому что слов повторяемых больше, // Чем всех волос на всех головах; Шар как – шаркать.*

Важное место в идиостиле поэта занимают окказиональные слова. Многие из них созданы с помощью традиционных способов словообразования, например: *антиаршинный, антиглазковский* (префиксация), *ренуаристо, эпиграфат* (суффиксация), *быстроходство* (сложение с суффиксацией), *литгрех* (сложение), *всеисцеляющий* (слияние) и др.

Гораздо более интересными представляются новообразования, созданные окказиональными способами.

В поэме «Дорога далека» отмечено новообразование *горькуироваться*: *Отчасти сходна жизнь моя // С плывущей по воде иголкой, // И горькуировался я – // Эвакуировался в Горький.* Слово создано контаминацией – неупорядоченным (неформульным) объединением общих частей слов *эвакуироваться* и *Горький*. Значение окказионального слова – «(с горечью) эвакуироваться в Горький».

Весьма своеобразно окказиональное слово *лю-я-блю*, отмеченное в двух стихотворениях поэта: *Я не тот, кто дактиль и анапест // За рубли готовит Октябрю. // Я увижу на знаменах надпись // И услышу надпись: «ЛЮ-Я-БЛЮ». ЛЮ-Я-БЛЮ. Моя любовь разбита, // Это слово тоже разрублю, // Потому что дьявольски избито // Словосочетанье «Я ЛЮБЛЮ» («Все мы, проработавшие Пушкина...»); Все, что застряло в моих глазах, // Стихом своим зря я бяю. // Только про женщину можно сказать // ЛЮЯБЛЮ («ЛЮЯ-БЛЮ»).*

Способ образования – тмезис (лексический), суть которого заключается в том, что внутрь слова вставляется другое слово («это слово тоже разрублю»).

Примечательно, что от этого окказионализма Глазков создает суффиксальное новообразование: *Любить можно жареного гуся // Или Брюсова. // Только про это сказать нельзя // Ничего любяблюзно-го* («ЛЮЯБЛЮ»).

Одна из поэм Глазкова называется «Хихимора». Способ образования этого окказионализма может быть определен либо как контаминация, либо как субституция (замена компонентов исходного слова): кикимора → *хихимора*. Значение можно определить как «хихикающая кикимора», хотя в тексте поэмы это слово приобретает самые различные смысловые оттенки.

В поэме «Поэтоград I» у поэта появляется слово *винопровод*: *Вода срывается с вершин // И устремляется в кувшин. // В Поэтограде так же вот // Работает винопровод!* Способ словообразования – транрадикация (замена корня). Глазков определяет значение этого слова следующим образом: «Система инженерных сооружений (труб, нагнетальных установок, фильтров) для снабжения вином населения Поэтограда».

В стихотворении «Австралийская плясовая» поэт создал ряд окказиональных слов, которые можно трактовать как заумь: *Пряч. Пруч. Прич. Проч. Пяч. Печ. Пуч. Охгоэохэхаха. Фиолетовая дрянь.*

Некоторые словоновшества Глазкова стали своего рода поэтическими знаками и знаками эпохи. Словом-символом творчества Глазкова стал самый частотный его окказионализм *Поэтоград*: он отмечен в его произведениях около 20 раз (это и название двух поэм, и употребление этого слова в различных стихотворениях и поэмах). Поэтоград Глазкова – версия утопического проекта города поэтов, города для поэтов.

Как отмечает И. Винокурова, «в архиве поэта сохранился нарисованный Глазковым план “Поэтограда”, который будет впоследствии репродуцирован в сборнике “Самые мои стихи”. На этом плане мы находим “Маяк Маяковского”, “Набережную Хлебникова”, “Аэродром Каменского”, “Ул. Пастернака”, “Бульвар Глазкова”, “Огород Васькова”, “Тупик Кумача” <...> Судя по плану, в Поэтограде имелось 13 общежитий, 31 ресторан, 45 пивных, 64 журнала, 75 издательств, 3 сумасшедших дома – “для прозаиков, для критиков и для редакторов”» [Винокурова 2006: 153].

Определенным трагическим символом советской эпохи стало придуманное поэтом слово *самиздат*: «**Самиздат**» – придумал это слово // Я еще в сороковом году. // Время предвоенное сурово; // Не щадились яблони в цвету («Самиздат» – придумал это слово...»). Наряду с ним Глазков употреблял и окказионализм *самсебяиздат*.

В поэме «Мировая дурь» Глазков употребил слово *какбычегоневышлисты*, охотно подхваченное поэзией и публицистикой 1970-х гг.: *Какбычегоневышлисты и прочие дурни // В литературе заботились лишь об одном: // Чтобы уровень стихов не превысил уровня // Хлебных, продуктовых и прочих норм.*

Словотворчество является важнейшей составляющей идиостиля Н.И. Глазкова.

ЛИТЕРАТУРА

Винокурова И. «Всего лишь гений...» Судьба Николая Глазкова. М., 2006.

Г.Э. ИМПОСТИ

Болонья (Италия)

gabriella.imposti@unibo.it

Раннее словотворчество Велимира Хлебникова

Первый период поэтической деятельности Хлебникова охарактеризован интенсивным словотворчеством. Книга Хлебникова «Творения 1906–1908» (М., 1914) была издана Давидом Бурлюком с целью создать «миф» Хлебникова – изобретателя футуризма. Чтобы доказать, что русский футуризм предвосхитил итальянский, Бурлюк указывал неверные, слишком ранние даты создания текстов поэта в названии книги. Это явная мистификация, так как большинство публикуемых стихотворений созданы Хлебниковым позже.

Однако, несмотря на хаотичность и отсутствие строгих филологических критериев в издании этой книги, что, между прочим, сильно раздражало Хлебникова, это собрание интересно благодаря концентрации ранних словотворческих опытов поэта. Ссылаясь на его переписку и другие сочинения этого периода, можно создать довольно ясную картину того, по каким новаторским принципам Хлебников вел свои словотворческие опыты на первом этапе художественного пути.

Многие из этих неологизмов были уже интерпретированы исследователями [Григорьев 1986; Vroon 1983] и зафиксированы в словаре неологизмов Хлебникова [Перцова 1995]. Большею частью, представляется, они следуют общим принципам словообразования и не далеки от нормы, которую, впрочем, зачастую поэт значительно расширяет. Хотелось бы определить и каталогизировать. Кроме того, нас особенно интересует выявление элементов, диалогических или контрастирующих с поэтикой символистов, с которыми молодой Хлебников был в тесном контакте вскоре по приезде в Петербург в 1908 г. Заслуживает рассмотрения и то, как эта публикация, которая явно предполагала создать «миф» Хлебникова, воздействовала непосредственно, а также и в последующие годы на восприятие будетлянского поэта и его творчества.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев В.П.* Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986.
Дуганов Р.В. Велимир Хлебников. Природа творчества. М., 1990.
Иванов Вяч. В. Славянская пора в поэтическом языке и в поэзии Хлебникова // Советское славяноведение. 1986. № 3. С. 62–71.
Перцова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien; Moskau, 1995.
Перцова Н.Н., Рафаева А.В. О славянских древностях у Вяч. Иванова и В. Хлебникова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 1999. С. 377–386.
Старкина С. Велимир Хлебников. Биография. М., 2007 (Серия ЖЗЛ).
Шишкин А. Велимир Хлебников на «Башне» Вяч. Иванова // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 141–167.
Хлебников В. Творения 1906–1908. Т. 1. М., 1914.
Хлебников В. Собрание сочинений в шести томах / Под общ. ред. Р.В. Дуганова. М., 2000–2006.
Vroon R. Velimir Xlebnikov's shorter poems: A key to the coinages. Ann Arbor, 1983.

В.Н. КАЛИНОВСКАЯ, С.А. ЭЗЕРИНЯ

Санкт-Петербург

kalinovskaiavn@yandex.ru, sezerspb@yandex.ru

Семантические деривации в русском языке XIX века: системное и индивидуально-авторское

Фиксация семантической неологии при изучении различных типов и способов применения слова в текстах XIX в. является одной из самых существенных и главных задач, стоящих перед составителя-

ми «Словаря русского языка XIX века». Традиционно значительное место при описании подобных языковых фактов отводится случаям экспрессивного и образного индивидуального употребления слова русскими писателями. Как отмечал В.В. Виноградов, «новое оригинальное употребление слова, если оно соответствует общим тенденциям смыслового развития языка, нередко определяет всю дальнейшую семантическую историю этого слова» [Виноградов 1950: 377]. Как свидетельствует семантическая история рассматриваемой ниже целой группы слов, роль отдельных авторских новообразований может возрастать до проблемы создания мотивационной базы семантической неологии XIX в., если прецедентное употребление, закрепляясь в системе языка, формирует модель для последующих семантических изменений у аналогичных лексем.

Среди многочисленных лексических новаций в составе русского литературного языка XIX в. можно выделить оттопонимическую неологию, а в ее ряду наименования лиц / групп лиц по их территориальной принадлежности. Возникновение и семантическое развитие таких слов, как *ташкентец / ташкентцы, кавказец / кавказцы, туркестанец / туркестанцы, ман(ь)чжурец / ман(ь)чжурцы* было обусловлено общественно-политическими и социокультурными факторами и связывалось с поздним (XVIII–XIX вв.) присоединением к Российской империи соответствующих территорий и последующим их освоением. В семантической структуре каждого слова выделяются однотипные для вышеприведенных лексических единиц значения: общее для всех слов ‘коренные представители такой-то земли, области, территории и т. п.’ и факультативные, возникшие для обозначения лиц, не являющихся этническими представителями данной конкретной территории, но связанных с ней и длительно проживающих на ней по долгу службы ‘люди, долго живущие на Кавказе’ и ‘русские военные (участники кавказских войн), расквартированные на Кавказе’ или ‘чиновники и военные из русской колонизационной администрации и подчиненных ей русских воинских частей, располагаемых в Ташкенте и на прилегающей к нему территории’. В семантике употреблений, производных от основного (формально мотивированного) значения слова, зеркально отражаются происходящие в реальной действительности изменения, касающиеся структуры населения конкретных территорий. Возникшие метонимическим способом расширительные значения слов, несмотря на их системную предсказуемость, уже содержат важную историко-культурную

информацию – о характере освоения («обживания») новых земель русскими, о формировании оценочного компонента в структуре нового значения. Ср.: *Капитан Тросенко был старый кавказец в полном значении этого слова, т. е. человек, для которого рота, которую он командовал, сделалась семейством, крепость, где был штаб, – родиной, .. – человек, для которого все, что не было Кавказ, было достойно презрения.* Л.Н. Толстой. Рубка леса [1855]; *Последствия <злоупотреблений русских чиновников> изложены .. на основании сообщений самих же русских ташкентцев: «не видя ни в чем перемены к лучшему, среднеазиатское население естественно начинает предпочитать русскому владычеству господство своих ханов, как бы забывая все беды, которые терпело от них».* Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855–1878. Т. 1. 251–252 [1878].

Подтверждением тому, что язык не есть только средство выражения мысли, но и форма ее становления (по В. Гумбольдту), можно считать возникновение новых значений у некоторых слов из этого ряда, выразивших чрезвычайно актуальные для изучаемой эпохи понятия. В этой связи особенно показательно развитие нового значения у слова *ташкентцы* ‘тип беспринципных дельцов (в первую очередь чиновников)...’, «этимология» которого восходит к известному очерку М.Е. Салтыкова-Щедрина (значение зафиксировано в качестве отдельной вокабулы в словаре XIX в. [Михельсон 1896: 443–444]): «**Ташкентцы** – имя собирательное. Те, которые думают, что это только люди, желающие воспользоваться прогонными деньгами в Ташкент, ошибаются самым грубым образом. «Ташкентец» – это просветитель. Просветитель вообще, просветитель на всяком месте и во что бы то ни стало; и притом просветитель, свободный от наук, но не смущающийся этим, ибо наука, по мнению его, создана не для распространения, а для стеснения просвещения. .. Рестораны переполнены; шампанское льется рекой; облитые потом татары бегают, не слыша под собою ног; ассигнации мелькают в воздухе, как мухи в жаркий летний день... Кто сии ликующие, стремящиеся затмить своим ликованием ликование железнодорожных деятелей? Это они, это вчерашние рыбаки, это сегодняшние ловкачи-ташкентцы, отведывающие отечественного пирога! Специалисты по части убийств, специалисты по части личных оскорблений и купеческих самодурств, специалисты по части скопчества, специалисты по части бракоразводных дел – все попыта-

лось словно из рога изобилия. Пальты, сапоги, саквояжи, ситцы, люстрины... пожалуйте, господин! к нам пожалуйте! Жрать!!! М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы (1869). Будучи первоначально авторским, данное употребление прочно закрепилось в языковом сознании русского человека не только применительно к российской действительности, но и в качестве слова-ярлыка, означающего общецивилизационный феномен («Вот ведь как уважают нас, не без самодовольства думал он <английский офицер>; – чтобы нас почтить, не жалеют даже и человеческих жертв». Он усмотрел в этом варварском приеме желание короля выказать «белому принцу» свою преданность и свое глубочайшее уважение... И эти-то «цивилизаторы», эти **африканские ташкентцы** имеют смелость толковать о просветительном значении своей миссии, о грубости и кровожадности дикарей! Дело. Научная хроника 116 (1876, июль); И в истории Египта были свои **«ташкентцы»**. Был в Египте сатирик, который вывел их на свет божий, пригвоздив к плитам говорящих камней. Д.Л. Мордовцев. Говор камней. Четырнадцать рассказов из жизни Древнего Египта (1895). И что важно, оно также спровоцировало семантический деривационный процесс у других номинаций в данной группе новообразований по аналогичной модели (*Инженер-строитель, подрядчик, купец, служащие на дороге, охранная стража, девица, ищущая приключений, шулера, содержатели притонов и т. п.* – все это может быть окрещено словом **«манчжурец»**, если только у него имеются существенные признаки «манчжура». У **«манчжура»** на первом плане – поскорей и полакоемей урвать кусок, не разбираясь в средствах. Затем полная бесшабашность, разгул, усиленное прожигание жизни. Он не знает никаких законов, не признает никаких обязанностей. Ему нет дела до других, до их здоровья и даже самой жизни, раз то и другое стоят на пути его вожделиний, его целей. Вестник Европы 598–599 (1904, ноябрь); Манчжурская авантюра в своей тлетворной атмосфере воспитала новый тип **«манчжура»**, который по своей циничности, по своим хищным инстинктам и по своему воровскому размаху превзошел даже пресловутого **«ташкентца»**. Русское богатство. Новые книги 82 (1905, № 6).

Семантические неологизмы последнего типа, в отличие от окказиональных авторских новообразований, не требуют принятой в лексикографической практике пометы, например (у *Салтыкова-Щедрина*), но могут сопровождаться историко-культурным комментарием,

если соответствующая информация отсутствует в толковании или иллюстративной части словарной статьи.

Цель закономерностей, выявленных при изучении семантических процессов на примере рассмотренных языковых фактов и подтверждающих известный тезис о том, что **«слова, идеи и вещи должны изучаться как аналогические и взаимодействующие ряды явлений»** (В.В. Виноградов), позволяет еще раз вспомнить о замечании, сделанном Л.В. Щербой относительно важного лексикографического принципа, представляющего особую ценность для исторической лексикологии: **«Значения слов эмпирически выводятся из языкового материала. <...> и каждый случай употребления данного слова может оказаться в той или другой степени ценным для разных выводов»** [Щерба 1974: 286].

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Из истории современной русской лексики // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1950. Т. IX. Вып. 5. С. 378–392.

Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова. СПб., 1896.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Н.В. КОЗЛОВСКАЯ

Санкт-Петербург
saga@kodeks.com

От окказионального слова к авторскому термину: к проблеме формирования философской терминосистемы Н.Ф. Фёдорова¹

В докладе анализируются основные типы авторских неологизмов в философском творчестве Н.Ф. Фёдорова и обосновывается тезис о функциональной неоднородности этих единиц. Сделана попытка выявить состав авторских неологизмов Фёдорова, охарактеризовать их основные типы и определить, какие авторские неологизмы преодолели тесную связь с порождающим контекстом и стали философскими терминами – элементами авторской терминосистемы создателя «Философии общего дела». Исследование проведено

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09049.

на материале рабочей выборки авторских новообразований, включающей 293 единицы.

Для обозначений понятий своего проективного учения Фёдоров использует разные виды сложения: сложение слов, сложение основ и сложно-суффиксальный способ, например: *Кремль-школа, храм-музей (Храм-Музей), храм-обсерватория, школа-выставка, школа-лагерь; гистотерапия, гносеоургия, материократия, психократия, космоургия, хаосография; взаимознание, душезрение, душетворение, полноорганичность, мыслепоклонство, оживотворение.*

Помимо сложения, в слово- и терминотворчестве Фёдорова представлена аффиксация; широко используются суффиксы *-ость* (*братственность, детственность, дочерность*), *-ств-* (*восприимчивость, отецество*), префиксы *не-* (*небратство, неученые*), *анти-* (*анти-Заратуштра, анти-император*), *лже-* (*лже-Гераклит, лже-единство*).

Активность префиксоида *все-* обусловлена всеобъемлющим, масштабным характером задуманных Фёдоровым преобразований духовной и материальной составляющих жизни человечества. Префиксоид *все-* используется для внесения в создаваемое слово значений 'охватывающий всё и всех' и 'высокая степень проявления признака', например: *всегодовое дело, всеединое существо, всеземное единство, всенаучный музей, всемирно-священная история, всемирность, всеобщеобязательная воинская повинность, всеобщеобязательное образование и знание, всеобщееотеческая точка зрения, всеобщее-человеческий антропоморфизм, всеобщечеловеческий союз, всеотеческое дело, всепримиряющее дело, всеродовое единство, всеродственное слово, всесуточное дело, всеуничтожающий фанатизм, всехудожественный собор, всечеловек, всечеловеческий, всенародный язык.*

Активно вовлекаются в окказиональное словообразование префиксоид *супра-* (*супралегальный, супраморализм*); корни *орган-* (*органогенезис, органосозидательный, органотворение, полноорганичность*); *отец-/отц-/отч-*: *безотечный, всеотеческий, не-отец, отецпраотец, отец-предок, отецтворение; патро-* (*патробиография, патроморфизм, патрономия, патрофагия, патрофикация*), *теллур-* (*теллурический, теллурукосмический, теллуруметеорический, космотеллурический*); *твор-* (*братотворение, дидотворение, душетворение, обоготворение, оживотворение, органотворение, отецтворение, работворение, родотворение, тканетворение*), *-ург-*

(антропоургия, гносеоургия, космоургия, метеороургия, теoантропоургия) и некоторые другие.

Авторские новообразования играют важную роль в организации текстовых парадигматических связей. Образование текстовых парадигм, в которые наряду с авторскими неологизмами включаются общеупотребительные лексемы, можно назвать яркой особенностью идиостиля Фёдорова. Текстовая парадигматика представлена в основном контекстуальной антонимией и синонимией: *братотворение – работворение; метеоро-ург – метеоро-лог; Богодействие – человекодействие; рожденность, несвободность, невольность.*

В зависимости от степени терминологичности созданное философом слово может находиться на разных участках шкалы «оказиональное – узуальное». Однократно употребленные слова тяготеют к оказиональности. Часть вновь образованных слов приобретает свойство терминологичности: они дефинируются (в том числе при помощи контекстуального определения) и обретают новые понятийные и лингвистические связи в авторской философской терминосистеме. Это слова, обозначающие базовые, важнейшие понятия философского мировоззрения: *космотеллургическая (наука), мате-риократия, органотворение, патрофикация, полноорганность, тка-нетворение, супраморализм.* Становясь терминами, авторские неологизмы теряют тесную связь с порождающим контекстом и начинают использоваться в терминофиксирующих и терминос-пользующих текстах (словари, учебники, статьи, монографии).

Язык Н.Ф. Фёдорова рассмотрен под тем углом зрения, который определен особенностями авторской философской терминосистемы. В докладе анализируется один из основных способов ее пополнения: терминологизация авторских неологизмов.

Е.Ю. КУКУШКИНА

Москва

helenaaq@inbox.ru

Словотворчество в блогосфере

В монографии «Словотворчество и смежные проблемы языка поэта» В.П. Григорьев рассматривает категорию преобразования как общую для искусства в понимании Хлебникова и телевидения как

наиболее современного на тот момент средства массовой коммуникации.

Считая содержательной параллель между телевидением и многими произведениями Хлебникова, Григорьев выделяет как общую характеристику первого и второго «сиюминутность, понимаемую как встреча “здесь и сейчас” некоторого факта с “логосферой” аудитории» [Григорьев 1986: 167].

Предметом данного сообщения является словоупотребление в современной российской блогосфере, с акцентом на различных типах преобразований лексических и фразеологических единиц. При этом преобразования различных типов рассматриваются как инструмент построения неологизмов. Материал сообщения – тексты одного из авторов «Живого журнала» на фоне его текстов научного, научно-популярного и художественного характера.

Важный аспект словотворчества – его персональность, связь определенных словотворческих приемов с конкретной языковой личностью, а тем самым с целеполаганием (для чего употребляются те или иные приемы?).

Несмотря на то что термин «неологизм» широко распространен в лингвистических работах, входит в современные терминологические словари и учебники по лексикологии, его значение отнюдь не является вполне определенным. Об этом пишет Н.Н. Перцова во вступительной статье к «Словарю неологизмов Хлебникова» [Перцова 1995: 14]: «Мы отказались от чисто формального подхода к выделению неологизмов и пользовались неким дополнительным, интуитивным критерием: для того, чтобы слово было отнесено к неологизмам, оно не только должно отсутствовать в словарях, но и восприниматься носителем языка как незнакомое». Здесь присутствует обращение к языковой интуиции носителя, и понятие неологизма сближается с понятием агнонима [Морковкин, Морковкина 1997].

Термин «неологизм» может рассматриваться с точки зрения структурной парадигмы (см., например, ЛЭС) и с точки зрения антропоцентрической парадигмы (по Григорьеву). В разделе «Обличения и “апологии” Хлебникова» [Григорьев 1986: 38] Виктор Петрович говорит о том, что одной из важных тем Хлебникова был «язык как неотъемлемая часть социальной действительности и как ее воплощение, память о ней и орудие ее изменения». Чуть далее Григорьев называет Хлебникова «гением неологизма», говорит о различных способах «изображения словом» в творчестве Будетлянина и

о «ненормативной семантике» языковых форм. Эти и сходные характеристики позволяют утверждать, что Григорьев по существу рассматривал язык Хлебникова в рамках антропоцентрической парадигмы, с точки зрения человека говорящего и человека воспринимающего, при этом использующего язык креативно, одним из проявлений чего является словотворчество.

В целом, использование индивидуальных неологизмов в поэтическом творчестве является одной из ярких черт «сложного стиля» (термин Григорьева), в том числе идиостиля Хлебникова.

Использование неологизмов можно рассматривать также как способ придания нехудожественному по своей основной функции тексту той или иной стилистической окраски. При этом стилистическая окраска текста может быть намеренно противоречивой. Именно такое стилистическое использование неологизмов, в том числе жаргонно-просторечных, характерно для многих авторов-блогеров, например, К.Ю. Еськова.

Языковая личность Еськова многогранна. Будучи по основной специальности ученым-палеонтологом, он пишет в разных жанрах. Еськов автор почти сотни научных работ, учебника и учебного пособия по естествознанию для средней школы, двух романов, а также блогер.

Научные и научно-образовательные тексты Еськова написаны хорошим языком научной прозы, в полном соответствии с требованиями стиля и жанра.

При рассмотрении текстов Еськова-блогера важным оказывается понятие просторечия, причем очевидно, что речь идет о просторечии 2 (по Л.П. Крысину).

Мы предлагаем также ввести понятие «просторечие 3» – просторечие как стилистический прием в интернет-коммуникации, в частности, в «Живом журнале». Именно этим стилистическим приемом Еськов широко пользуется, являясь в этом смысле носителем одного из современных интернет-жаргонов.

При таком понимании неологизма средством создания последних могут быть: а) образование окказиональных словоформ: *сценариствовал*; б) знаки препинания и прочие небуквенные знаки: *не Швейцария-Норвегия, конечно; типо Японии/Тайваня/Южной Кореи*; в) передача иностранных слов русской графикой (транслитерация): *рейс Бритиш Эйруэйз*; г) искажение русской орфографии: *жжот, памойму*; д) мемы: *с Домиками-для-Уточки* и другие приемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986.
Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) М., 1997.
Пецова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien; Moskau, 1995.

А.С. КУЛЕВА

Москва

an_kuleva@mail.ru

Мнимые неологизмы в поэтическом языке (на материале т. VII «Словаря языка русской поэзии XX века»)

Неология в поэтическом языке – явление важное и хорошо изученное. Однако не менее интересны случаи «мнимых» неологизмов – когда на первый взгляд читателю кажется, что то или иное слово придумано автором (а некоторые читатели такие слова склонны считать или чересчур манерными, или почти бессмысленными), тогда как это лексические единицы устаревшие, областные, взятые из других языков и др. Например, в [СЯРП]: *райна* (устар. ‘рея (сущ.)’), *рень* (др.-рус. ‘отмель, низкий берег’), *реун* (обл. ‘сентябрь’), *рянный* (устар. ‘украшенный подвесками’), *самокат* (устар. ‘автомобиль’), *самота* (укр. ‘одиночество’), *свичадо* (польск. ‘зеркало’) и др.

К разряду «новой», индивидуально-авторской лексики могут быть отнесены и потенциальные единицы, создаваемые по регулярным моделям (*розоватить*, *сверхжизненный*). Наличие таких слов в других источниках (в частности в словарях [БАС; Даль; Ушаков] и [НКРЯ]) не говорит однозначно о том, что слово не было «придумано» поэтом: если оно было создано как авторский неологизм в соответствии с законами языка, оно может воссоздаваться заново. Однако и в лексемах, отмечаемых в словаре пометой «нов.», интересно проследить связь с фактами и тенденциями языка. И наоборот: в отдельных случаях материал НКРЯ дает основания отказаться от признания слова «новым».

Сравним примеры (в словарных статьях из т. VII СЯРП используются условные обозначения Словаря – шифры, указывающие на автора и год создания произведения (*Анн* – Анненский, *Ахм* – Ахма-

това, *АБ* – Блок, *Ес* – Есенин, *Куз* – Кузмин, *ОМ* – Мандельштам, *М* – Маяковский, *П* – Пастернак, *Хл* – Хлебников, *Цв* – Цветаева), *РП* – речь персонажа):

РАЗГВОЗДИТЬ [*обл.*; расклинить, забить клин, гвоздь] Все равно – он иным отелится Солнцем в наш русский кров. // Все равно – он спалит телением, Что ковало реке берега. Разгвоздят мировое кипение Золотые его рога. *Ес918 (П, 37)*; ср. два примера XX в. в НКРЯ (Горький и Лавренев): *Что же, к примеру, если мой батька в пьяном виде башку об стенку разгвоздил, так и я тоже обязана бабахаться?* [Б.А. Лавренев. Сорок первый (1924)].

РАССИРОПИТЬ [*нов.*] В духовках солнца / горы́ / жарко́е. / Воздух / цветы рассиропили. / Наши / с песней / идут от Джанкоя, / сыпятся / с Симферополя. *М927 (581)*; ср. два примера XIX в. в НКРЯ (Гончаров и Писемский): *Антип Ильич, рассиропив рейнвейн водой и всыпав в стакан огромное количество сахару, покончил с бодем и после того тотчас раскраснелся в лице, как маков цвет* [А.Ф. Писемский. Масоны (1880)].

СВЕРХЖИЗНЕННЫЙ Может быть, это точка безумия, Может быть, это совесть твоя – Узел жизни, в котором мы узнаны И развязаны для бытия. // Так соборы кристаллов сверхжизненных Добросовестный свет-паучок, Распуская на ребра, их сызнова Собирает в единый пучок. *ОМ937 (249)*; ср. пять примеров в НКРЯ, из них три – раньше примера из Мандельштама (дважды Чуковский (1905), Шишков (1928–1933), а также Набоков (1940–1942), Кенжеев (2007)): *Но когда признала, – она впала в другую крайность: она захотела непременно верить, что те отвлеченные сверхжизненные положения, которые созданы ибсенизмом, поддаются конкретному, осязательному выражению* [К.И. Чуковский. «Маленький Эйольф» Ибсена (1905)].

От приведенных примеров отличаются лексические единицы другого рода.

РАСПРИ [*«р.»*; возм., *вар.* к ЭСПРИ] На улицу вышел – / глаза разопри! / В каждой витрине / буржуевы обноски: / какая-нибудь / шляпа / с пером «распри», / и туфли / показывают / лакированные носики. *Ирон. М927 (309)*; ср. *эспри* ‘украшение в виде пера или пучка перьев, расходящихся в разные стороны, которое прикалывается к женской прическе или женскому головному убору’ [БАС] и *распереть* (рифма: *глаза разопри*).

СИВЕНЬ [*нов.*] [Зангези:] Слушайте! Верхарня серых гор. Бегава вод в долину, И бьюга водопада об утесы Седыми бивнями

волны. И сивни облаков, Нетоты туч Над хивнями травы. *РП Хл920-22 (487)*; ср.: обл. *сивень* ‘сентябрь’.

Лексикографирование таких единиц позволяет обратиться на них более пристальное внимание, проследить укорененность в языке поэтических неологизмов, отметить тонкие семантические особенности индивидуальных употреблений [Григорьев 1979].

ЛИТЕРАТУРА

- БАС – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965.
Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorgora.ru>.
СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VII– / Григорьев В.П. (отв. ред.), Шестакова Л.Л. (отв. ред.), Колодяжная Л.И. (ред.), Кулева А.С. (ред.), Бакеркина В.В., Гик А.В., Реутт Т.Е., Фатеева Н.А. М., 2001–2017–.
Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.

О.В. ЛОМАКИНА

Москва

rusoturisto07@mail.ru

Окказиональная фразеология Л.Н. Толстого в словарном представлении

При лексикографической обработке фразеологических ресурсов языка одной из проблем, связанных с интерпретацией обрабатываемого материала, является проблема вариантности анализируемых единиц, для которых, в отличие от слова, варьирование частотно. Давая определение фразеологических вариантов, отечественные лингвисты подчеркивают тождественность их значения и образной основы, относительную стабильность синтаксической структуры и различия в компонентном составе и/или морфологических характеристиках компонентов.

Очевидно, что для выявления всего многообразия вариантов важна точная паспортизация единиц, которая позволит разделить синтагматические и парадигматические изменения, увидеть все многообразие существующих вариантов – это докажет динамический характер фразеологии. Кроме того, важно выбрать типологию

вариантов, систему знаков, так как «при таком подходе отражается реальная жизнь фразеологизма, описываются все его речевые потенции и специфика употребления в конкретном языке» [Мелерович 1997: 4]. Вместе с тем фразеотворчество опирается на структурно-семантические модели, которые свойственны тому или иному языку. Для определения типологии вариантов в качестве рабочей мы используем классификацию, предложенную в словаре [Мелерович, Мокиенко 1997]. Данная типология составлена с учетом языковых реалий – примеров речевого употребления, поэтому является наиболее адаптированной для фразеографического описания языка писателя. Для указания на преобразование используется обозначение *Вариант*, которое располагается по центру строки и отделяет не-трансформированные единицы от трансформов, при этом указывается тип трансформации.

На начальном этапе подготовки «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого» мы проводили проверку правильности заголовочной единицы. Обычно выбор заголовочной единицы опирается на данные словарей, где эта единица была зафиксирована.

Семантизацию описываемого фразеологического корпуса наиболее точно помогают привести словари. Б.А. Ларин отмечал необходимость тщательной разработки словарной статьи, говорил о толкованиях, которые не являются просто повтором общеизвестного значения [Ларин 2003: 651–652], для чего следует учитывать авторскую самодефиницию – особый способ раскрытия смыслового содержания фразеологических единиц (ФЕ), паремий, крылатых выражений (КВ) в тексте, к чему нередко прибегает Толстой.

Однако в авторской лексикографии информации, извлеченной из словарей, бывает недостаточно: при создании словарных статей, описывающих окказиональные единицы, составитель, руководствуясь контекстуальным употреблением, решает, какую единицу выбрать в качестве заголовочной, какую семантизацию представить.

В языке Толстого большую группу образуют ФЕ, образованные на базе общеязыковых ФЕ и пословиц (так называемые «окказиональные дериваты»). Как показал языковой материал, проанализированный нами ранее, при определении типологии вариантов следует рассматривать ФЕ с учетом синхронии и диахронии, принимая во внимание сведения [НКРЯ], чтобы избежать неточного комментария. Так, например, ошибочно относить к окказиональным ФЕ *золотые слова*, в отличие от ФЕ *серебряные слова* и *сказанные слова*.

В контексте всего творчества Толстого пословица *Сказанное слово серебряное, а несказанное – золотое* получает различное использование: ее инвариант писатель приводит в своем календаре, а в романе «Война и мир» она возникает в сознании Пьера Безухова. Кроме того, писатель употребляет разные ФЕ, образованные на базе этой паремии по одной модели *сказанное слово, золотые слова, серебряные слова*: *Время проходит, но сказанное слово остается* («Путь жизни», XXIII, Слово, I); *Можно упрекать себя в говорливости, а уж никак не в молчаливости – золотых словах* (Письмо Н.Н. Стрехову 23 августа 1894 г.); *Не писал больше полмесяца. Был нездоров – и теперь не поправился вполне. Вчера было письмо от сына Льва, очень тяжелое. Я прочел только начало и бросил. Я написал было ответ серебряных слов, но, успокоившись, предпочел золотые* (Дневники 2 февраля 1907 г.); *Отчего не сказанное слово золотое? Отчего самый умный человек ничего бы не писал и не говорил? Оттого, что для того, чтобы говорить что-нибудь, делать выводы, надо допускать многое непонятное понятным, многое оставлять неисследованным. Коли всё понимать, то всё будут ноли, из которых не выйдет формулы – только ноль* (Зап. книжка № 4, 1865–1872 гг.).

Особого комментария требуют окказиональные ФЕ *серебряные слова, сказанное слово*, образованные путем вычленения из данной паремии: в НКРЯ не зафиксировано ни одного случая их использования. В предпоследнем из приведенных контекстов данная единица антонимична ФЕ *золотые слова* не в привычном, устоявшемся значении ‘об умных, сказанных по существу высказываниях, полезных советах’. Таким образом, появляются окказиональные фразеологические антонимы *золотые слова* ‘молчание, молчаливость’ и *серебряные слова* ‘сказанное, написанное’, образованные на базе пословицы и получившие значения путем коренного переосмысления ФЕ языка (*золотые слова* в исходном значении). Благодаря последнему примеру можно заключить, что ФЕ *сказанное слово* и *золотые слова* понимаются Толстым как антонимичные. Словарная статья *Сказанное слово серебряное, а несказанное – золотое* включает все существующие примеры и содержит указание типа варианта.

Таким образом, в отличие от узуальных вариантов ФЕ окказиональные требуют особого метаязыка: выработки помет, выделения заголовочной единицы, семантизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Ларин Б.А.* О работе над новыми словарями // *Ларин Б.А.* Филологическое наследие: сб. статей. СПб., 2003. С. 649–655.
- Мелерович А.М.* Введение // *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 1997. С. 3–35.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 1997. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

Е.Г. ЛУКАШАНЕЦ

Минск (Белоруссия)

elukashanets@rambler.ru

Новое слово и новый словарь: проблемы лексикографического описания в онлайн-словарях

В конце первого десятилетия XXI в. в русскоязычном секторе интернета появляются так называемые онлайн-словари сленга и разговорной лексики – словари, которые создаются и пополняются самими носителями сленга и существуют только в виртуальном виде. Понимание неологизмов в духе психолингвистической теории (С.И. Тогоева) как слов, являющихся новыми для того или иного носителя языка, позволяет говорить об этих онлайн-словарях как о своего рода неографических словарях. Важность их исследования для теории неографии определяется в немалой степени особым характером металингвистической деятельности пользователей интернета и ее отражения в лексикографических параметрах словарей.

Одним из первых и наиболее типичных представителей таких словарей является словарь «Словоново» (www.slovonovo.ru), созданный в 2008 г. В отличие от словаря, размещенного на сайте www.slovoborg.su, он содержит в основном сленговую лексику, не зафиксированную бумажными словарями молодежных жаргонов или других видов социолектов. Общее число словарных статей в нем около 17 000, однако примерно четвертая часть их дублирует другие статьи (посвящены тому же заглавному слову), причем число таких дублетных статей может превышать 10 и доходит даже до 33 (слово *ОЛОЛО*). Велика вариативность подачи заглавного слова (имеется значительное число графических, фонетических, морфологических

и т. п. вариантов). Эти две черты онлайн-словарей свидетельствуют об их непрофессиональном характере.

В отличие от обычных лексикографических источников, статья онлайн-словарей включает оценку слова или выражения носителями («за» или «против»), что может быть использовано как косвенное свидетельство актуальности сленговой единицы. Специфичным также является и наличие в словарной статье тегов (меток), соотносящих слово со сферами его употребления. Каждая словарная статья сопровождается также указанием на дату добавления и ником автора статьи.

Остальные элементы словарной статьи в целом соответствуют традиционно выделяемым (семантизация и иллюстрации), хотя и имеют свою специфику.

Наиболее интересные результаты для исследования металингвистической деятельности носителей сленга позволяет получить анализ семантизации слов. Именно в объяснении значений слов и выражений проявляются особенности онлайн-словарей как словарей сленга, составленных его носителями. Ниже приводятся краткие выводы из анализа 1610 словарных статей, относимых к жаргону наркоманов.

Семантизации (или толкования) могут содержать включения – сведения, не относящиеся собственно к лексическому значению (указания на грамматические характеристики слов, их происхождение или деривационные связи, их сленговые синонимы или варианты), что может быть обусловлено отсутствием соответствующих пунктов в образце для добавления слова (например, в онлайн-словаре на сайте <http://teenslang.su> изначально даются рубрики «происхождение», «синонимы», «варианты»).

Основной прием семантизации (более двух третей статей) – (филологические) толкования, как состоящие из двух-трех слов (*шала* ‘веточки марихуаны’, *центр* ‘локтевые вены’, *канюля* ‘тонкая медицинская игла’), так и имеющие более развернутый характер (*запárка* ‘состояние нетерпения и нервной суетливости при процессе изготовления наркотика, обычно сопровождающееся наступающим абстинентным синдромом’). Еще около шестой части семантизаций – общелитературные синонимы, обычно один, редко два или три (*драга* ‘аптека’, *крыша* ‘сознание, рассудок’); есть также и отсылки к другому слову (*бульбик* ‘то же, что и бульбулятор’). Некоторая часть семантизаций совмещает в себе два типа: начинается с обще-

литературного синонима, объясняемого далее с помощью дефиниции (*хлор* ‘хлороформ, средство для ингаляционного наркоза, используемое в качестве наркотического’). В некоторых случаях используются и элементы энциклопедического описания, что, возможно, является отражением специального характера некоторых групп лексики (*пипетка* ‘приспособление для курения курительных трав. Используется обычная медицинская пипетка в пластиковой упаковке и пружина от зажигалки...’).

Непрофессионализм создателей словаря приводит к повторам заглавной единицы (*сканк* ‘сканк (англ. skunk, «скунс») – сорта конопли..., обладающие выраженным специфическим запахом...’), а также к использованию в составе толкования слов типа *называет, обозначает, название* и т. п. (*бутер* ‘уличное название оксibuтирата натрия’). Та же причина ведет к употреблению в составе семантизации слов нелитературного языка – просторечных, жаргонных, нецензурных (*стройматериал* ‘маковая соломка, основной компонент для приготовления **ширки**’) и к построению толкования как речений-определений: *чихтильбирим* ‘это как шаурма, только вкусней, может означать любую другую еду, предполагается, что он выглядит как сосиска на веревочке’; *кайфожор* ‘увлекается запрещенными препаратами не во вред себе’.

М.В. ЛЯПОН

Москва

lyapon@list.ru

Прелесть новизны: игровая риторика в формате кроссворда

В современном кроссворде широко используются идиоматика, комические модуляции лексических значений, омонимы, каламбуры, не фиксируемые в лексикографии экспериментальные метафоры, столкновения буквализма и фигуральной логики и другие риторические приемы, приобщающие носителя языка к проблемам, относящимся к собственно лингвистической компетенции. Задача адресата (разгадчика) – опознать в перефразированном «толковании» намек на правильный ответ.

В отличие от адресата (которому может быть достаточно подсказки собственной интуиции, чтобы опознать искомое слово, не задумываясь, какие ресурсы языка задействованы составителем кроссворда), цель лингвиста – «прочитать» кроссворд б и ф о к а л ь н ы м взглядом, фиксируя внимание на приемах риторики, используемых в игровом эксперименте. Изучаемый кроссворд широко использует идиоматику различного синтаксического формата и функционально-стилистической принадлежности, включая (I) **афоризмы** и (II) **коллокации** (клишированные предложения, не являющиеся законченными и обобщающими суждениями). (I) Вопрос: «*Пришелец во время еды*» (ответ: *аппетит*). Вопрос: «*Особа, отдыхающая на дачах*» (ответ: *природа*). Вопрос: «*Философская «начинка» вина*» (ответ: *истина*). Вопрос: «*Рупор истины у младенца*» (ответ: *уста*). (II) Вопрос: «*Сосуд, переполняющийся терпением*» (ответ: *чаша*). Вопрос: «*Минимальная порция свежего воздуха*» (ответ: *глоток*). Вопрос: «*Спор, который держат*» (ответ: *пари*). Вопрос: «*Мрак, в котором блуждают*» (ответ: *потемки*). Вопрос: «*Сустав, который пытаются кусать с досады*» (ответ: *локоть*).

Изучаемый материал содержит остроумные э в ф е м и з м ы, – маскирующие (альтернативные) номинации, диктуемые правилами речевого этикета. Вопрос: «*Актер, которому не верят зрители*» (ответ: *бездарь*). Пример парадоксальной мены позиций (в роли эвфемизма – ответное слово). Вопрос: «*Ходячий зверобой с ружьем*» (ответ: *охотник*).

Современный кроссворд поощряет инициативу экспериментатора, которому удастся продемонстрировать п р и м а т а н а л о г и и в познании мира и неисчерпаемые возможности ее модуляций в речевой практике носителя языка. Вопрос: «*Автомобиль, у которого «крыша едет»*» (ответ: *кабриолет*). Данный пример иллюстрирует пересечение разных мотиваций: (1) *крыша едет* (намек на идиому *крыша поехала*); (2) *автомобиль* актуализирует два значения: ‘автомашина’ и ‘самодвижущийся механизм’ (применительно к автоматически складывающемуся верху кабриолета).

Заполняющая лексическую лакуну словарная метафора утрачивает свойства сенсорного слова и превращается в «заглохший» аналог нейтральной номинации. Согласимся, что термин метафора «должен соответствовать скорее тому, что сами говорящие ощущают как яркое, нестандартное употребление слова, чем относиться к таким выражениям, как *ножка стола*» [Блэк 1990: 171]. «Творец мета-

фор – это тот мастер с даром слова, который из выражения, непригодного для буквальной интерпретации, создает высказывание, значимое с точки зрения новой интерпретации» [Рикёр 1990: 419].

При столкновении с окказиональной метафорикой в кроссворде читатель, склонный к интроспекции, заметит постфактум, что когнитивный поиск складывается из трех последовательных этапов: (1) распознавание, (2) реконструкция, (3) интерпретация, хотя, как замечает Дж. Миллер, «в простейших случаях они <...> сливаются в один ментальный акт» [Миллер 1990: 261].

Автор загадки – аноним, за которым скрывается человек коммуникабельный, искатель ментального удовольствия, предпочитающий в общении живую речь, свободную от книжно-письменных условностей.

Успешный кроссворд привлекателен остроумием и стратегической изобретательностью. Кроссворд, обладающий таким преимуществом, представляет собой своеобразный практикум, с помощью которого массовый носитель языка постигает языковую реальность в ее живом воплощении – как бесконечное множество форм иносказания и перефразирования тождественного или идентичного смысла. В иллюстративной части доклада приведены примеры из опыта классификации экспериментальной метафорики кроссворда; рассмотрены комбинации метафоризма и идиоматики; сближения типа «кроссворд – анекдот», синкретизмы типа «метафора – эвфемизм», а также другие проявления новаторства в кроссвордах.

ЛИТЕРАТУРА

- Блэк М.* Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–172.
Миллер Дж. А. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 236–283.
Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М., 1990. С. 416–434.

Новые слова или новые варианты: о множественности интерпретации некоторых языковых новаций XXI века

В докладе предполагается рассмотреть вопрос о статусе некоторых современных речевых новаций, которые представляют собой вторичные и, как правило, неузуальные обозначения реалий, создаваемые в целях экспрессии, языковой игры, эффекта новизны. В отечественной лингвистике наметилась тенденция рассматривать все подобные образования как результат деривации, т. е. как новые слова. На наш взгляд, не во всех случаях при появлении в речи новой звуковой или/и графической оболочки, напрямую мотивированной каким-либо существующим в языке словом, можно говорить о деривации.

1. Трансформация грамматического рода и «подделка» под нее. Некоторые исследователи интерпретируют появившиеся сначала в жаргоне, затем в сетевом языке образования типа *блондинко*, *девушко*, *кошечко* и т. п. как флексийные дериваты, считая словообразовательным формантом для таких новаций «систему флексий среднего рода» [Щеникова 2017: 152]. Между тем следует заметить, что во многих контекстах с этими и подобными образованиями в них самих нет ни «системы», ни, собственно, флексии, ни среднего рода, поскольку как «левое», так и «правое» согласуемое слово употребляются в форме грамматического рода узуального слова (*у моей девушко*; *блондинко оценила*). В таком случае точнее говорить не о словообразовательной деривации и среднем роде, а о намеренном, игровом варьировании слова. Здесь мы имеем дело с орфографическими феноменами, которые на самом деле демонстрируют антиорфографическое написание безударного окончания. И даже если опираться на контексты, в которых синтаксическое окружение непривычных существительных на *-о* выявляет признаки «нового» рода (*взрослое девушко*), логичнее интерпретировать данные образования как неузуальные грамматические (родовые) варианты узуального слова (ср.: *зал* и устар. *зала*, *зало* – узуальные варианты). Сказанное относится и к другим игровым трансформациям рода, в которых новым

для слова оказывается либо мужской род (*замечательный игрушк*), либо женский, как, например, в рекламе *Наша честная сейла!* (ср. узуальные родовые варианты м. р. *жираф*, ж. р. *жирафа*).

Иной статус имеют окказиональные образования типа *мопса* (см.: *У меня девочка, мопса*), *кош* (о коте) и др. Такие пары (*мопс – мопса*; *кошка – кош*) подстраиваются под узуальные модели словообразования по типу *кум – кума*, *дойрка – дояр*, по которым и ранее, до массовых языковых игр в Сети, образовывались производные (см., например, [Санников 2002: 163]); по-разному интерпретировался только способ образования таких дериватов.

2. Усечения. Не менее распространены в современной, преимущественно некодифицированной речи и такие трансформации внешнего облика слова, как всевозможные усечения. Ранее, до конца XX в., они представляли собой весьма периферийное явление, в XXI в. – массовое [Маринова 2007]. В этой массе примеров нередко не различаются принципиально разные вещи, а именно усечения отсубстантивные (*прот < протеин*) и отадективные (*неадекват*). Последние однозначно могут быть отнесены к области словообразовательной деривации: система флексий, присоединяемая к основе нового существительного, является носителем словообразовательного значения: ‘лицо, обладающее признаком, обозначенным производящим словом’. В отличие от усечений на базе прилагательных, в усечениях на базе существительных отсутствует словообразовательное значение, на что указывала еще Е.А. Земская [1992: 35]. По этим признакам усечение субстантивов ближе к варьированию слова, чем к словообразовательной деривации.

3. Графическая трансформация слова. Неоднозначен и статус визуальных, или графических, неологизмов, получивших широкое распространение в некоторых жанрах (вывеска, реклама, заголовок). Неузуальные написания слов типа *кафетерия* мы склонны рассматривать как варианты (графические по характеру различия и стилистические по функции), поскольку значение слова не меняется [Маринова 2005]. В научной литературе любые графические трансформации слова (и с измененной семантикой, и с прежней) считают иногда результатом особого вида деривации (графодеривации).

Таким образом, анализ рассмотренных новаций ставит вопрос о пределах варьирования слова, связанный с вопросом тождества языковой единицы.

ЛИТЕРАТУРА

- Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Маринова Е.В.* Визуальные неологизмы: новая графика «старых» слов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. 2005. Вып. 1(6). С. 127–132.
- Маринова Е.В.* Усеченные субстантивы в современной русской речи: «свое» и «чужое» // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007. С. 385–399.
- Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
- Щеникова Е.В.* Реализация флексийного способа словообразования в форумном дискурсе // *Lingua Academica: Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики.* Ульяновск, 2017. С. 148–155.

М. МИЛОЙКОВИЧ

Белград (Сербия)

marija.milojkovic@fil.bg.ac.rs

Выявление неочевидных лексико-грамматических инноваций в языке И. Бродского посредством корпусного анализа семантических просодий

Контекстуально-просодическая теория Билла Лоу [Louw 2010] ведет свое начало от его идеи применения семантических просодий в исследовании литературного и нелитературного языка. **Семантические просодии** суть ауры значения, определяемые самыми частыми лексическими коллокатами слова или выражения ([Sinclair 2003]; по Синклеру это «скрытые значения» на уровне лексики). Эта семантическая окраска, которую может выявить только сбалансированный и представительный корпус данного языка и которая в полноте своей недоступна интуиции, сохраняет свое влияние на семантику конкретного употребления, даже если его контекст сильно отличается от узуса, присутствующего в референциальном корпусе. В своей ранней работе Лоу постулирует, что отклонения от корпусной нормы указывают или на иронию, или на неискренность [Louw 1993; Милойкович 2018]. Впоследствии Лоу расширил сферу применения этого принципа на семантику грамматики, которая также определяется самыми частыми лексическими коллокатами. Их совокупность он называет логической семантической просодией, или **корпусным подтекстом** [Louw 2010]. Корпусный подтекст раскрывает семантические ауры лексико-грамматических коллокаций, совершенно не-

доступные интуиции. В целом, подход Лоу освещает семантику авторских словоупотреблений, невидимую невооруженным глазом, с учетом **ситуационного контекста** [Firth 1957: 182], и позволяет выявить гораздо больше примеров **остранения** (инновативных оборотов в виде нестандартных лексико-грамматических коллокаций), чем было возможно в рамках стандартных описательных исследовательских моделей.

Работа покажет возможности использования данного метода на примере стихотворения И. Бродского «Он знал, что эта боль в плече...». Расхождение между авторским употреблением нескольких модальных выражений, включая выражение из заголовка (*он знал, что*), и их семантических аур в НКРЯ покажет, что Бродский использует модальность как прием, подчеркивая природу заблуждения (*доверчивости*) главного героя. Последовательное проявление противоречия между авторским употреблением модальных выражений и «положением дел» [Wittgenstein 1922] в корпусе приводит к мысли, что мы имеем дело с самообманом героя, который в глубине души, как и автор, знает, что боль заставит его умереть в конце стихотворения. Этот метод выявления «авторской неискренности» уже использовался на примерах героев А. Пушкина и Д. Лоджа [Milojkovic 2013; Louw, Milojkovic 2016]. В работе также предполагается посредством анализа корпусного подтекста показать, как в стихотворении Бродского осуществляется процесс персонификации, постепенного «очеловечивания» боли, с которой герой, как оказывается, находится в постоянном диалоге.

ЛИТЕРАТУРА

- Firth J.R.* Papers in linguistics 1934–1951. Oxford, 1957.
- Louw W.E.* Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies // Baker M., Francis G., Tognini-Bonelli E. (eds.). Text and technology: In honour of John Sinclair. Amsterdam, 1993. P. 152–176.
- Louw W.E.* Collocation as instrumentation for meaning: A scientific fact // W. van Peer, V. Viana, S. Zyngier (eds.). Literary education and digital learning: Methods and technologies for humanities studies. 2010. Hershey (PA). P. 79–101.
- Louw B., Milojkovic M.* Corpus stylistics as contextual prosodic theory and subtext. Amsterdam, 2016.
- Milojkovic M.* Is corpus stylistics bent on self-improvement? The role of reference corpora 20 years after the advent of semantic prosody // Journal of Literary Semantics. 2013. Vol. 42. No. 1. P. 59–78.
- Милойкович М.* Возможности контекстуально-просодической теории для установления диагностических признаков манипулятивного дискурса при производстве

лингвистической экспертизы // Экспертное обозрение: мир науки и образования. 2018. № 1.

Sinclair J.M. Reading concordances. Harlow, 2003.

Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. London, 1922.

З.И. МИНЕЕВА

Петрозаводск

zmineeva@rambler.ru

Неоагенты, образованные усечением и аббревиацией

Усечение и аббревиация являются операционными способами деривации, проявляющими активность в течение последних десятилетий. Объединяет оба способа важнейшая конституирующая характеристика: отсутствие аффиксов-дериваторов.

Сокращение (лат. *abbreviatio*) мотивирующей основы широко используется при образовании новых слов. Усечение (сокращение) как морфонологическая особенность сопровождается суффиксацией (*каратэ – каратист*); оформляет репрезентативные части композитов (*завлаб, гендир*). При использовании в качестве единственного словообразовательного форманта выступает самостоятельным узуальным чистым способом деривации [Улуханов 1996: 29–30]. Как «самый “молодой” способ русского словообразования» [Николина 2016: 337], включается учеными в разновидности аббревиации [Шанский 1968: 287–289], в безаффиксное словообразование на базе аббревиации [Земская 1973: 178]; исключается из способов словообразования [Немченко 2003: 108]. В терминах «аморфемное» (Н.А. Янко-Треницкая, Н.А. Николина), «неморфемное усечение» (И.С. Улуханов) акцентируется внимание на несовпадении границ усечения и выделяемых в слове морфем.

Анализ новых номинаций человека, образованных усечением и включенных в неографические источники (47 единиц; [НСЗ-90] и др.), выявляет отсубстантивные и отадективные модели с использованием мотивирующих агентов (*пенсионер – пенс*), абстрактных существительных (*распределение работы – распред*), прилагательных (*профсоюзные деятели – проф*). Усечения могут выступать в качестве мотивирующих слов на следующей ступени деривации (*нарком – нарк, шизик – шиз*).

Усечения, образованные с помощью апокопы, аферезиса и синкопы (*преп, чел; сенс; алик*), обозначают человека по профессии: *преп* (жарг.), по участию в спорте: *тяж* (разг.), по этнической принадлежности: *чеч* (разг.) и т. п.

В ряде случаев границы усечения и морфем совпадают при автономизации префиксов: *нео, пра-пра*, суффиксов: *исты*, в связи с чем правомерно называть современное усечение свободным. Морфологической спецификой является принадлежность неоагентов к м. р., в том числе изменяемых: *пенс, чеч* и неизменяемых: *шизо, па; ж. р.: ма*, к *pluralia tantum: пра-пра*.

Неодериваты относятся к стилистически нейтральным (*фотокор*), разговорным (*негр* ‘негражданин’, *па, сенс, тяж, супертяж*), эмоционально-экспрессивными: *па* (разг.-фам.), *азер* (разг.-сниж. пренебр.), а также к подсистемам за пределами литературного языка: жаргону (*гросс, супер, фан, фарц*), просторечию (*пенс*).

Активизация усечений обусловлена жаргонизацией современной речи, а также их использованием в текстах художественной литературы [Николина 2009].

К аббревиатурам мы относим дериваты, образованные из начальных звуков (*бомж*), букв (*МБА* ‘мастер бизнес-администрирования’), смешанным способом из названий букв и звуков (*ВБСУ* ‘выбывший, но не снявшийся с учета’). В неографии 1977–2014 гг. выявлено 15 аббревиатур различной семантики (*ГИП* (разг. проф.) ‘главный инженер проекта’, *РЦД* (проф.) ‘рецидивист’); в медийных текстах зафиксированы *и.о., врио*. Отличительной чертой современных аббревиатур называют их «словоподобный вид» [Сенько 2007: 413]. Аббревиации свойственна функционально-стилевая дифференциация. Прагматика аббревиатур варьируется от обезличенной компрессии (*ЗК*) до воплощения индивидуальной экспрессии, языковой игры (*ВСУПЧ* ‘в Высшей Степени Уважаемый и Проницательный Читатель’, *ОМЧ* ‘обыкновенный молодой человек’ (В. Аксенов. «Новый сладостный стиль»). Неологизмы, образованные аббревиацией, фиксируются в художественных и медийных текстах.

Анализ материалов неографии 1971–2014 гг., а также современных текстов СМИ и художественной литературы показывает активность свободного усечения и аббревиации в сфере новых номинаций человека широкого ономаσιологического спектра.

ЛИТЕРАТУРА

- Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
- Немченко В.Н.* О понятии усечения основы слова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. 2003. № 1. С. 100–110.
- Николина Н.А.* Активные процессы в языке современной художественной литературы. М., 2009.
- Николина Н.А.* Активные процессы в сфере усечений // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сб. ст. Н. Новгород, 2016. С. 336–339.
- НСЗ-90* – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. / под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова. СПб., 2009–2015.
- Сенько Е.В.* Новые тенденции в образовании аббревиатур // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Межд. науч. конф. РОПРЯЛ. Н. Новгород, 2007. С. 411–415.
- Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.

Л. МОКРОБОРОВОДА

Турку (Финляндия)
lmokrobo@abo.fi

Вторая жизнь новографа (олбанского языка) в современной интернет-коммуникации

Массовое движение в интернете «за ошибки, против автоматической проверки орфографии» стартовало в 1999 г. с публикацией «Манифеста антиграматности» [Андреев 1999]. Задачей этого движения, ассоциированного с так называемой «падонковской» субкультурой (первоначально связанной с сайтом radonki.ru), было подвергнуть сомнению правописание как значимый компонент социального статуса. Фонетизация письма предлагалась как наиболее прямой путь к достижению этой цели. Уже два десятилетия в Рунете можно наблюдать соответствующую орфографическую практику, для которой предложены различные наименования («жаргон падонков», «падонкафский язык», «олбанский язык», «новограф») (последний термин объединяет все случаи намеренного искажения орфографии регулярного и окказионального характера) [Мокробородова 2008: 167]).

За время своего экспансивного экспонирования орфографический нонконформизм выявил способность искаженных написаний добавлять разнообразные краски сообщениям и модулировать стили коммуникации, что расширяет репертуар экспрессивных средств письменного общения в интернете. Поэтому и сегодня, когда «олбанский» как тотальное искажение орфографии сошел на нет, пользователи продолжают активно, но «дозированно» применять ошибочные написания, преследуя при этом совершенно иные цели, чем адепты «падонковской» субкультуры. Имея это в виду, я называю сознательно искаженные компоненты письменного слова **эмографемами** (эмографема – графический компонент слова, формирующий дополнительные эмотивные семы у письменного варианта слова [Мокробородова 2012: 131]). Исследование эмографем – непростая задача, поскольку это явление гораздо шире, чем набор общеизвестных «олбанизмов», и необходимы определенные критерии поиска среди множества встречающихся орфографических ошибок. Кроме того, нет эффективных инструментов, чтобы оценить масштаб происходящего, поскольку эмографемы представляют собой хоть и массовое, но весьма рассредоточенное явление.

Как попытка оценки распространенности эмографими мной было проведено анкетирование большой группы респондентов в возрасте от 15 до 65 лет (256 человек). Основная масса респондентов – преподаватели и студенты гуманитарного профиля, а также редакторы и корректоры. Опрос проводился через социальные сети и электронные рассылки. Общие результаты таковы: считают приемлемым использование искаженных написаний около 70% опрошенных, в то же время практикуют сознательные ошибки 85 %. В группе старших респондентов процент пуристов несколько выше, но значимой возрастной корреляции не выявлено. Эти цифры уверенно свидетельствуют о том, что практика эмографем как осознанного орфографического поведения представляет собой реальный феномен лингвистического ландшафта. Важными причинами стабильной продуктивности эмографими я считаю, во-первых, возможность обеспечивать с ее помощью приращение экспрессивно-эмоционального содержания слова и таким образом расширять его семантическую структуру, а во-вторых, способность искаженных написаний служить регуляции функционально-коммуникативной составляющей речи. Потенциал «сниженности» эмографими реализуется, когда необходимо транслировать разные регистры интимизации об-

щения (дружественность, фамильярность, доверительность), а также решать такие задачи, как смягчение критики, выражение иронии, приглушение пафосности и др. Сказанное позволяет сформировать определенную стратегию в поиске эмографемных написаний для определения их прагматики не в условиях эксперимента, но в узусе (usage based). Можно предполагать, что не любые орфографические ошибки имеют способность транслировать коммуникативно значимую добавочную экспрессию. Такой способностью будут обладать слова прежде всего из следующих групп: 1) слова-оценки; 2) формы обращения и представления собеседникам; 3) слова, наделенные дидактичностью или экспрессией «высокого стиля»; 4) частотные слова, часто подвергающиеся редукции при произношении.

Среди этих групп самые частотные слова – это «проверенные временем» написания, восходящие к «олбанскому» периоду: *жжот*, *ацтой*, *превед*, *пазитиф(ф)*, *щасте* и др. Подобные эмографемные написания уже коммуникативно нормализованы, более того, некоторые из них можно рассматривать как не только графические, но и семантические трансформации. Однако если принимать во внимание гипотезу об особой коммуникативной значимости перечисленных групп, то в сферу внимания следует включить значительно больший объем искаженных написаний. Поэтому было предложено для выборочного анализа и оценки статистики несколько частотных слов из каждой группы (общим числом 30), причем критерием выбора стала способность графического варианта слова допускать легко распознаваемое орфографическое искажение (например, *харашо*, *виликаленно*, *бида*, *кюшать*, *дарагие друзья*, *скока*). Мануальная обработка и анализ контекстов ста первых страниц (с исключением повторов) из 800 страниц общей выдачи поисковиком Яндекс по точному запросу каждого из этих слов показала, что более 90 % из них следует считать эмографемными, то есть допущенными сознательно с целями добавочной экспрессии.

Полученные результаты говорят об эмографемах как о стабильно продуктивном ресурсе расширения экспрессивных возможностей письменной коммуникации в интернете, что требует разработки дальнейших подходов к изучению этого феномена и развитию инструментов такого изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев А.* Манифест антиграматности. 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.guelman.ru/slava/manifest/shelli.htm>.
- Мокрородова Л.* Русская фонетика и орфография как ресурс «нового правописания» в Интернете // Scando-Slavica. 2008. Vol. 54. P. 62–78.
- Мокрородова Л.* Новограф («албанский язык») и эзографемы: как развивается письменный язык в Интернете // Россия: история и язык. Печс, 2012. P. 127–133.

А. МОЛНАР

Дебрецен (Венгрия)
manja@t-online

Семантические инновации в идиостиле классических и современных русских авторов

Доклад будет посвящен творческой неологии русских классиков и постмодернистов, в том числе и Венедикта Ерофеева, известного во всем мире своими лексическими нововведениями. В своем подходе мы будем основываться на трудах таких выдающихся лингвистов, как А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.П. Григорьев. Основным пунктом исследования будут конкретные случаи словообразования, а не теоретические вопросы. Новообразования в поэтическом тексте будут рассмотрены в аспекте языковой игры и семантических инноваций. Будут установлены типологические разновидности новых слов, способы их образования и употребления в поэтических текстах. Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что семантические преобразования активизируют многоуровневые текстовые структуры. В связи с этим будут выделены различные новообразования, их контекстные смыслы, а также их сочетаемость. Будут рассмотрены и микроуровни новообразований, так как неологизмы могут порождаться на фоническом и стилистическом уровнях языка. Индивидуально-авторское слово анализируется посредством описания лексико-метафорических новаций, обнаруженных в литературных текстах. Исследование имеет своей целью не столько классификацию неологизмов, сколько определение вклада «новых слов» в процесс смыслопорождения всего художественного произведения. Основной интерес представляют переосмысления существовавших до этого единиц языка, в том числе и

языка классической литературы, с которым у постмодернистских авторов обнаруживаются переклички. Это связано с тем, что современные авторы постоянно обращаются к интертекстуальным приемам, обнажают их в своих текстах, что позволяет легко выявить формы их реализации.

Поэтическое словотворчество характеризует художественную литературу в наши дни сильнее, чем когда-либо. Этой проблеме уделялось много внимания в русском языкознании и литературоведении, но в наше время она получила особую остроту в связи с интертекстуальным «взрывом» в современной литературе, приводящим к новым способам организации текста.

Таким образом, объектом исследования являются вопросы, связанные со структурно-семантическим статусом и особыми признаками неологизмов (ср. потенциальные или окказиональные слова), возникающих в литературных текстах конца XX – начала XXI века. Анализ способов и форм отражения новаций в русской литературе, проведенный на материале разных текстов, позволяет сделать выводы об особенностях пополнения лексикона русского языка. Наряду с этим отмечается, что новообразования в современной литературе во многом отражают словопорождающие тенденции кубофутуризма в способах организации языковых единиц. Процесс неологизации в русской литературе на рубеже XIX–XX вв. получает распространение благодаря так называемой вербальной свободе в постсоветском пространстве. С этой точки зрения интересны и неологизмы, порождаемые процессом заимствования иностранных слов, прежде всего англицизмов. Последние придают современным текстам особую экспрессивность и «культовость». Количество работ, посвященных подобным тенденциям современной русской литературы, значительно, но мы тем не менее предпринимаем попытку включиться в этот ряд.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.
Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М., 2000.
Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М., 2000.
Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М., 2000.

И.В. НЕЧАЕВА

Москва

inechaeva@mail.ru

Иноязычная неолексика в русском языке в аспекте ее формальной адаптации

Специфичность иноязычной неолексикой (по сравнению с неологизмами, имеющими русское происхождение) заключается в межъязыковой смене плана выражения, что определяет особенности формальной адаптации слов. Без полного становления формальных признаков слова, в том числе на письме, даже при условии семантического, грамматического и стилистического освоения, процесс лексического заимствования нельзя считать завершенным.

Различаются графическое и орфографическое освоение слова, что соответствует двум последовательным этапам фонемно-графемного «перекодирования» иноязычного этимона. Графическая передача слова связана с установлением его фонемного состава в русском языке, что в ряде случаев затрудняется отсутствием точных фонемных соответствий между языком-источником и языком-реципиентом.

Орфографическая проблема заимствований связана с представлением о правильном в орфографии. При этом понятие правильности для правописания заимствований не имеет таких четких очертаний, как для исконных слов. Дело в том, что иноязычные слова в русском письме не являются самостоятельным объектом кодификации. Этап фонетико-графического переложения этимона на русский язык создает дополнительные осложнения, однако правила русской орфографии этого не учитывают, подразумевая, что фонемный состав слова уже является установившимся, хотя для иноязычий зачастую дело обстоит иначе. Примером могут служить слова с исходом на *шен/шин*, ...*жен/жн* (*эки(е)н* [англ. *action*], *нон-фикш(е)н* [англ. *non-fiction*], *ресепш(е)н* [англ. *reception*], *феш(е)н* [англ. *fashion*], *фьюж(е)н* [англ. *fusion*] и др.), фонетическое и орфографическое освоение которых происходит одновременно, а не последовательно, а также *аккаунт / эк(к)аунт* (англ. *account* [ə'kaunt]), *хеллоун / хел(л)уин* (англ. *Halloween* [hælə'win]) и многие другие.

Одну из специфических проблем формальной адаптации представляют случаи усложненной фонетико-графической передачи, ког-

да речь идет об учете/неучете позиционных фонетических изменений в языке-источнике при передаче слова по-русски. Это касается, к примеру, английских существительных с конечным глухим в этимоне, озвончаемым при образовании плюральных форм, таких как *пентхаус* (англ. *penthouse* [penthaus], мн. ч. *penthouses* [penthouses]). Русское письмо устроено иначе: у нас, как известно, орфографически отображается звук, находящийся в сильной позиции. Это создает дополнительную орфографическую коллизию. В правилах отсутствуют рекомендации о способах передачи англицизмов в подобных ситуациях.

Существуют также случаи чисто орфографических межъязыковых противоречий. Например, слова на *мини-* по правилам русской орфографии имеют дефисное написание, и это правило обычно воспринимается как универсальное; однако этому не подчиняется неологизм *минивэн* со слитно пишущимся этимологом [англ. *minivan*], этимология которого в этом отношении противоречит русским орфографическим установлениям, а также еще несколько слов: *минимаркет*, *миницикл*, *минипьяно*.

О значительном разбалансировании русской орфографической системы свидетельствует также номинация *вестхайленд-уайт-терьер* (англ. *West Highland White Terrier*; порода собак), где один и тот же английский звук [w], встречаясь дважды, передается по-разному (как [в] и как [у]), а также отдельные написания композитов типа *супер хит*, *видео ряд*, *реалити шоу*, что является для русского языка орфографической аномалией, и т. д.

В итоге можно констатировать, что иноязычное, внешнее, с одной стороны, и внутриязыковое влияние (влияние русской языковой системы) на процессы адаптации, с другой – являют собой два конкурирующих фактора в механизме освоения заимствованной неолексемы, что отражается и на письме. Соответственно этому в конкретных орфографических случаях работает один из противоборствующих принципов передачи: этимологический либо синхронно-парадигматический.

Основные тенденции словотворчества в художественной речи XIX в.

Активизация словотворчества в русской художественной речи обычно связывается с XX в. Однако именно в поэтических и прозаических текстах XIX в. намечаются те тенденции, которые получают развитие в дальнейшем.

Словотворчество неравномерно представлено в индивидуальных стилях авторов XIX в. Так, словообразовательные инновации интенсивно используются в текстах А.И. Герцена, П.А. Вяземского, Н.М. Языкова, Л.А. Мея, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, в произведениях же других авторов они единичны или немногочисленны.

В первой половине XIX в. новообразования используются преимущественно в эпиграммах, дружеских посланиях, шуточных текстах, стихотворных каламбурах, однако постепенно они проникают в другие жанры и типы текстов. Для словотворчества в XIX в. характерно преимущественно использование потенциальных слов, хотя встречаются и отдельные окказионализмы, например, окказиональные субстантиваты в поэзии В.А. Жуковского.

В художественной речи XIX в. наиболее распространены сложные прилагательные-эпитеты и прилагательные-сращения; см., например: *бурноногий конь*, *звучнокопытый скакун*, *многогромная война* (Н.М. Языков), *электрически-ореховые косы*, *призывно-откинутый стан* (Л.А. Мей), *восторженно-административная личность* (Ф.М. Достоевский), *кружевно-нежное лицо* (А.И. Герцен), *трехногильный тротуар* (Н.С. Лесков).

Другая группа потенциальных слов, продуктивных в XIX в., — наименования лиц, при этом используются как аффиксальные, так и префиксальные образования: *сочувственник* (И.С. Тургенев), *пленитель* (В.А. Жуковский), *типичник*, *разливательница* (Ф.М. Достоевский), *химерист* (Н.С. Лесков), *ультрагегельянец* (А.И. Герцен) и др. В ряде случаев возникают и сложные имена лиц, например, *всечеловек* (Ф.М. Достоевский), *руководждь* (Н.С. Лесков), *рифмодул* (П.А. Вяземский).

Третья продуктивная группа новообразований в XIX в. – отвлеченные существительные: *белоснежность* (П.А. Вяземский), *собеседливость* (А. Погорельский), *революционаризм* (А.И. Герцен), *сапожность*, *шигалевщина*, *карамазовщина* (Ф.М. Достоевский) и др.

Некоторые типы потенциальных новообразований закреплены за определенными идиостилиями, например, в произведениях Л.А. Мея регулярно используются дериваты с семантикой каузации, превращения или приобретения: *одревнить*, *окораллить*, *опрозрачить*, *окорниться*, *олиствиться*.

Со второй половины XIX в. получает интенсивное развитие образование окказиональных слов, при этом намечается ряд новых тенденций в словотворчестве. Это:

1) расширение круга мотивирующих слов, в том числе привлечение междометий и местоимений как производящей базы: *всемство* (Ф.М. Достоевский), *цыцарь* (Н.С. Лесков);

2) активное образование инноваций на базе иноязычных слов: *вуйка* (Ф.М. Достоевский), *лордшипство* (А.И. Герцен), *дедичка* (Н.С. Лесков);

3) обращение к контаминации и перекрестному наложению: *плакон*, *клеветон*, *бабеляр*, *Валдавия или Молдахия* (Н.С. Лесков);

4) образование оценочных прилагательных путем чересчурного словопроизводства по модели причастий: *палачествующие*, *жандармствующие* (А.И. Герцен), *базарствующие*, *лягушествующие* (Н.С. Лесков);

5) рост числа интертекстуальных новообразований: *магдалиниться* (А.И. Герцен), *марфунство*, *сфарлафить* (Н.С. Лесков), *потрEDIAковски-мерзляковски* (П.А. Вяземский);

6) использование окказиональных способов словообразования: *цендура* (П.А. Вяземский), *Твердиземное море* (Н.С. Лесков).

Эти тенденции получают развитие в словотворчестве XX в.

В.И. НОВИКОВ
Москва
novikovu@yandex.ru

Неология и речевая мода (из опыта работы над «Словарем модных слов»)

Идея «языковой критики» была одним из важных компонентов филологической и общекультурной стратегии В.П. Григорьева. Новое слово – будь то индивидуально-творческое изобретение, речевая игра или общезыковой неологизм – располагает к оценочно-эстетической рефлексии. У Григорьева мы видим и примеры критики неудачных авторских неологизмов (когда он, например, проницательно усматривал у симпатичного ему в целом А. Вознесенского провал вкуса – попытку соединить поэзию и архитектуру в «антихлебниковском» обозначении *поэтарх* [Григорьев 2000: 379]), и примеры критики современного речевого обихода (скажем, остроумное вышучивание засилья инговых форм в современном медиадискурсе [Григорьев 2005]).

Как форму «языковой критики» рассматривает автор доклада свой собственный опыт филологической эссеистики – «Словарь модных слов» [Новиков 2016]. Само понятие «модное слово» амбивалентно: в устной речи такое слово нередко предстает манерным (*креативный, тренд, парадигма*) или неоправданно заниженным (*в разы, по-любому, забить*). Здесь нужны споры с целью выработки общественного мнения о том, насколько такие лексические элементы оправданы в подсистеме интеллигентной речи.

Вместе с тем язык полноценной художественной прозы открыт для любых лексических новаций, включая сюда и сиюминутный сор, нужный порой для речевой полифонии, для творческой трансляции «шума времени». Заведомое предубеждение многих современных прозаиков и поэтов против модных слов как таковых представляется эстетически неплодотворной позицией.

«Словарь модных слов» впервые вышел в 2005 г., а затем пополнялся при переизданиях. В нем описаны многие лексические новинки, закрепившиеся затем в кодифицированном литературном языке: *бонус, бутик, виртуальный, гламур, демонизировать, драйв, культовый, мем, месседж, приколы, селфи, фейк, эсэмэска* и др. Вместе с тем здесь под знаком негативной оценки представлены новейшие эле-

менты речевого китча: *вау!*, *вполне себе*, *имеет место быть*, *ровно* (в значении «точно») и др.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000.

Григорьев В.П. Светлое будущее инговых форм в русском поэтическом языке // Художественный текст как динамическая система. Материалы конференции, посвящ. 80-летию В.П. Григорьева. М., 2005. С. 437–449.

Новиков В.И. Словарь модных слов. Языковая картина современности. Изд. 5-е. М., 2016.

Ю.Б. ОРЛИЦКИЙ

Москва

ju_b_orlitski@mail.ru

Неология и стих

(Хлебников, Есенин, Сапгир, современные авторы)

Использование неологизмов открывает новые возможности не только для порождения смысла поэзии, но и для самой материи стиха. В этом смысле интересно пристальнее взглянуть на творчество авторов XX в., наиболее осознанно использовавших этот неисчерпаемый творческий ресурс – прежде всего, Велимира Хлебникова и его соратников, русских футуристов, а также поэтов-современников, в той или иной степени попадавших под влияние хлебниковской практики – например, Сергея Есенина.

Нас в первую очередь будет интересовать использование неологизмов в рифме – звене стиховой структуры, регулярно испытывавшем кризисы в связи с исчерпанностью традиционных средств ее образования, банализацией рифмы. Для ее обновления поэты регулярно прибегают к разного рода новациям – например, постановкой в рифменную позицию экзотической лексики: имен, географических названий, научных терминов. Этой же цели способствуют собственно неологизмы Хлебникова, Каменского, Крученых, Есенина. Например: «*поюнней – воюнней*», «*красавец – небесавец*», «*лучбища-всеучбища*» Хлебникова, «*левянку – полянку – мялянку*» Каменского, «*сустьень – грустную*» (Крученых) и т. д.

Второй источник обновления рифмы – стиховой перенос, прерывающий стиховой ряд на границе слова (например, «*в разрезе – И*

презе- (нтовать)» (Антон Колобянин); *«на не- (деле) – / в волне»* (Алексей Пурин); *«разговор / в громкого- (воритель)»* (В. Ефимов) (примеры Д. Кузьмина)) и представляющий в качестве лексем-окказионализмов фрагменты слов.

Наконец, так называемые «полуслова» Генриха Сапгира (термин Л. Зубовой), возникающие в результате особой практики использования им стихового слова в 1990-е гг. – можно сказать, фрагментарной, частичной, предполагающей читательскую расшифровку, но не восстановление исходной формы слов. Такие «частичные» слова обычно появляются на границах стихотворных слов и образуют необычные рифмы:

ПОИСКИ ЩЕНКА

*соседка чуть не с кулака
авшего щенка*

*да здесь он – говорит –
денности ритм*

*рука нашарила в траве
обрывок **ве***

*и сам должно быть где-то **близ**
нечко **повизг***

*а ты все ищешь вообще
и все скулишь как **ще**.*

Все названные приемы находят продолжение как в творчестве новейших поэтов-экспериментаторов – С. Бирюкова, Е. Харитонов, К. Кедрова, так и в отдельных произведениях авторов-традиционалистов, позволяющих себе оживлять рифменную картину своего стиха.

Лингвистическая интерпретация *покоя* в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Булгаковский роман часто читается так, будто он создан с соблюдением коммуникативных правил. На самом деле «Мастер и Маргарита» – текст-шифр, где наряду с обычным для художественного повествования подтекстом существуют «переодетые» смыслы. М. Булгаков использует язык как средство реализации драматургического приема *qui pro quo* – одно вместо другого: под формой одного языкового знака скрывается содержание другого.

Слово *покой* определяется как ‘состояние относительной неподвижности, отсутствие резких движений, шума’; ‘отсутствие сильных эмоций’ (Викисловарь). *Покой*, полученный мастером, – это не состояние души и не внешние обстоятельства жизни человека, а место, принадлежащее к «ведомству» Воланда. *Покой* и *свет* – индивидуально-авторские «топонимы», так как предложно-падежное сочетание *в свет* своим пространственным значением указывает на аналогичное значение *покоя*: *А что же вы не берете его к себе, в свет?* – спрашивает Воланд. *Он не заслужил света, он заслужил покой*, – печальным голосом проговорил Левий.

Смысловым центром главы «Прощение и вечный приют» служат четыре риторических вопроса, предложенных Воландом мастеру: *неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта? Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?*

Синтаксический параллелизм этих предложений нарушается стилистической и морфологической асимметрией: разговорно-просторечное *неужто* контрастирует с нейтральным *неужели*. Морфологическое противоречие обнаруживается в рассогласованности временных значений глагольных сказуемых. В придаточном предложении представлено инхоативное значение составного сказуемого, выражающее начальный и очень непродолжительный момент времени, – *которые начинают зацветать*. Но затем Воланд отказы-

ваается от избранной в первой фразе количественной аспектуальности. Для описания пребывания в вечности закономерно вводится ахроническая система координат. В предложениях с *неужели* используются итеративные значения глаголов, обозначающих постоянно повторяющиеся действия (*слушать музыку, писать, сидеть над ретортой*). На их фоне пропозиция придаточного предложения становится сообщением о перманентном зацветании.

В связи с ситуацией вечного зацветания чрезвычайно интересен остальной темпоральный код главы. Отсутствие годового цикла с необходимостью означает отсутствие смены дня и ночи. Воланд, однако, упомянул о *дне и вечере*. Стоит ли ему доверять?

Мастер и Маргарита увидели обещанный рассвет. Он начинался тут же, непосредственно после полуночной луны. Слово *рассвет* обозначает ‘время суток ранним утром, непосредственно перед восходом солнца и сразу после него’ (Викисловарь). Возникает вопрос: *рассвет* здесь – время перед восходом или начало его?

В норме субъектная валентность глагола *начинаться*, заполненная процессуальным существительным типа *рассвет*, сообщает глаголу временное значение ‘начинать существовать; возникать, переходить от несуществования к существованию’ (*начинался закат, день, урок* и т. п.). Однако у М. Булгакова дейктическое указание *тут же* больше похоже не на темпоральное (‘в этот момент’), а на пространственное (‘в этом месте’). Предложно-падежное сочетание *после луны* выглядит как локатив не столько потому, что слово *луна* не имеет процессуального значения, сколько за счет слова *полуночной*, указывающего на конкретную точку ночи. Луна уйти с небосклона в полночь не может, поэтому выражение *тут же, непосредственно после полуночной луны* обозначает не временную, а «географическую» границу ночи и утра.

Обещанный Воландом никогда не заканчивающийся рассвет коррелирует с остановленной на фазе зацветания вишен весной. В итоге весь именной темпоральный код в главе подвергается радикальной индивидуально-авторской трансформации. Происходит неологизация семантики существительных *рассвет, день, вечер, ночь*: *рассвет* ‘«время» соседства на небе утренней звезды и луны»; *день* ‘«время» потухших свечей’, *вечер* и *ночь* ‘«время» горящих свечей’.

И само существительное *покой* мотивировано неузуальным образом (не глаголом *покоиться*). *Покой* – это место для *покойников*, место, где нет жизни и стоит страшная, дистиллированная тишина:

*Слушай беззвучие, – говорила Маргарита мастеру, и песок шуршал под ее босыми ногами. Булгаков разувает Маргариту, чтобы показать степень царящего вокруг безмолвия. Истинный образ вечного покоя Маргарита видела в вещем сне: Неживое всё кругом какое-то и до того унылое, что так и тянет повеситься на этой осине у мостика. Ни дуновения ветерка, ни шевеления облака и ни живой души. Вот адское место для **живого** человека!*

Живого человека – значимый плеоназм. Мастер и Маргарита оказываются в области мертвых душ. Итак, слово *покой* в булгаковском тексте означает ‘вечно мертвое, темное пространство ада’.

Д. ПАЗИО-ВЛАЗЛОВСКАЯ

Варшава (Польша)
d.pazio@ispan.waw.pl

Новые эмоционально-экспрессивные наименования околоцерковных людей как попытка заполнения лексической лакуны

В данной работе рассматриваются появившиеся в православной среде в последние десятилетия прошлого века экспрессивные слова, употребляемые прихожанами с оттенком высокомерия для названия разных групп околоцерковных людей. В них отражаются существенные перемены, произошедшие в общественном сознании в конце 1980-х – начале 90-х гг., в отношении к религии и религиозной жизни.

Люди, пришедшие к вере до 1988 года, который стал по-настоящему переломным для нашего общества, вспоминают, что слово «воцерковленный» не было в таком ходу, как сейчас; точнее, его не было вообще. Обычно говорили «церковный» – церковный человек, церковная жизнь... [Воцерковленные 2011].

Ядром интересующего нас лексического поля является лексема *захожана* как элемент оппозиции *прихожана* – *захожана* и как гипероним для целого ряда ее видовых дифференциаций: *водяные, куличи, подсвечники, свещники, крестоходники, писатели, привожана, пасхальники, принесенцы* и др., среди которых, в свою очередь, можно выделить несколько групп: 1) учитывая временной признак, в

частности, Пасху: *куличи, пасхальники, крестоходники*; 2) учитывая присутствие только в некоторых обрядах / церемониях: *крестопохоронники* (те, кто бывает в храме только на чьих-либо крестинах или похоронах); 3) учитывая способ прибытия в храм: *принесенцы, прихожане*.

Когда уважаемый архиерей пишет открыто про «захожан» и прихожан, тем самым их разделяя, когда на Правмире пишутся статьи, в которых христиане, редко посещающие церковь, называются обидными прозвищами «куличи», «подсвечники»... Ведь мы знаем, что священники между собой так называют тех христиан, которые приходят в церковь только по большим праздникам [Балашова 2011].

Есть у людей воцерковленных для людей внешних и другие прозвища, не лишённые оттенка высокомерия – «захожане», «куличи», а на Крещение – «водяные» [Гуманова 2013].

Перечисленные слова, кроме слова *захожанин*, не фиксируются – в интересующих нас значениях – толковыми словарями русского языка. Слово *захожанин* отмечено также только в одном электронном источнике: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>, где помещена следующая статья:

захожанин [...]

церк., жарг., разг.

лицо, посещающее церковь [2] редко, эпизодически, нерегулярно ♦ Нужно всеми силами стараться не отпугнуть человека, подходящего в храм, ...важно остерегаться скоропалительных выводов о «захожанах». Федор Котрелев, диакон, «Что делает приход общиной?», 2008 г. // «Нескучный сад»

Синонимы: прохожанин (жарг., разг.), невоцерковленный (субстантивир.)

Антонимы: прихожанин, воцерковленный (субстантивир.)

Гипероним: верующий человек [...]

Важно заметить, что все перечисленные нами наименования околицерковных людей характеризуются негативной окраской разной интенсивности. Наименее негативным является употребляемое чаще других слово *захожане*.

С формальной точки зрения в рассматриваемой группе можно выделить неосемантизмы, т. е. слова, внешне совпадающие со слова-

ми общего языка, но приобретающие другие значения, например: *куличи, подсвечники, писатели*, и отглагольные существительные, образованные при помощи суффикса *-анин*, например: *заходить – захожанин, проходить – прохожанин, привозить – привожанин*. Стоит обратить внимание на то, что словообразовательная модель «глагол + суффикс *-анин*» применяется относительно редко. Суффикс *-анин* является продуктивным и широко используется для образования существительных, мотивированных существительными, а не глаголами. Поэтому для рассматриваемых нами образований значение имеет элемент языковой игры. Существительное *захожанин* образовано от глагола *заходить* при помощи суффикса *-анин*, благодаря чему по форме оно совпадает со словом *прихожанин*, образованным непосредственно от существительного *приход* при помощи того же суффикса *-анин*. В результате *прихожанин* примыкает к той же семантической группе наименований лиц, посещающих церковь и богослужения, к которой принадлежат и другие указанные неологизмы, образованные по модели «глагол + суффикс *-анин*»: *проходить – прохожанин, привозить – привожанин*.

Все анализируемые слова – разговорные по своей сути, однако лексема *захожане*, ярко выделяющаяся из рассматриваемой группы, получившая почти терминологический статус, хорошо ложится в семантическую систему и заполняет лексическую лакуну в классификации разных групп воцерковленных и околоцерковных людей.

ЛИТЕРАТУРА

- Балашова Е. «Захожане», «куличи» и «подсвечники» (30.12.2011) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.matrony.ru/zaxozhane-kulichy-i-podsvechniki/>
- Воцерковленные, прихожане или захожане? (20.04.2011) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://azbyka.ru/znakomstva/votserkovlnnye-prihozhane-ili-zahozhane-d6486.htm>
- Гуманова О. Крещенские «захожане» – в поисках традиции и чуда (18.01.2013) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.matrony.ru/kreshhenskie-zahozhane-v-poiskah-tradicii-i-chuda/>
- Пазио-Влазловская Д. Кто такие «захожане»? Штрихи к лексическому портрету (в печати).

Н.В. ПАТРОЕВА

Петрозаводск

nvpatr@list.ru

Судьба *недоноска*: история «непоэтического» слова в русской лирике¹

Первым, кто отважился использовать отнюдь не поэтическое слово *недоносок* в стихотворном жанре, на русской почве стал, по всей видимости, П.А. Вяземский – в отрывке «Байрон» (1824–27) лексема *недоносок* употребляется в составе генитивной метафоры (= «не созревшее еще в душе художника творение»):

*Так вспыхнуть из тебя оно было готово –
На языке земном несбыточное слово,
То слово, где б слились, как в верный отголосок,
И жизни зрелый плод, и жизни недоносок...*

Далекое от традиционной поэтической фразеологии романтической «школы гармонической точности», а потому сразу останавливающее на себе внимание читателя слово *недоносок* далее встречаем в заглавии стихотворения Е.А. Баратынского. Поскольку сразу после заглавия местоимение «Я» в интродуктивном контексте отсылает к странному существу «из племени духов», название поначалу ассоциируется в сознании читателя прежде всего с именем этого существа (лирическому «я» в стихотворении Баратынского соответствует необычный внутренний субъект). Только в концовке стихотворения заглавная номинация повторяется, при этом изменяя свою референтную отнесенность: *недоносок* оказывается теперь «отбывшим без бытия» земным созданием. С другой стороны, вполне адекватным художественному заданию «Недоноска» представляется трактовка «духа» в качестве поэта-демиурга, пребывающего в постоянных метаниях, вечном беспокойстве и неудовлетворенного собой, миром и своим творением, честно отдающего себе отчет в ограниченности дарования. На трактовку образа *недоноска* Баратынским, очевидно, повлиял «байроновский отрывок» его старшего друга и поэтического единомышленника Вяземского.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-04-00168.

Помимо Вяземского и Баратынского, «прозаизм» *недоносок*, и тоже только единожды, использовал А.С. Пушкин. К 1828 г. относится не законченный Пушкиным, не публиковавшийся до начала XX в., а потому современной автору читательской публике неизвестный отрывок «Уродился я, бедный *недоносок*...». Отрывок этот своим началом близок другой песне в «народном духе» – «Уродился я несчастлив, бесталанлив...», до сих пор вызывающей немало разногласий в оценке ее как результата пушкинской обработки фольклорного текста (автограф которой утрачен) или как оригинального произведения устного народного творчества, вошедшего в песенное собрание П.В. Киреевского. В пушкинском контексте представляется вполне возможным усмотреть контаминацию прямого и переносного (с бранной просторечной коннотацией – «о незрелом, отсталом в каком-либо отношении человеке») значений, при этом, однако, самоуничижительный смысл смягчается «жалостливым» эпитетом «бедный», который заочно сближает «Недоносок» Баратынского с пушкинским текстом (ср.: «Уродился я, бедный *недоносок*...» – у Пушкина и «Бедный дух!» – у Баратынского). Смелость включения лексемы разговорного характера в поэтическую ткань у Пушкина обусловлена жанром «песни в народном духе» и целями фольклорной стилизации. Кроме того, языковая рефлексия Пушкина была устремлена к живым истокам родного слова, которое поэт черпал из устного народного творчества.

Начало XX в. характеризуется возрождением интереса к творчеству Баратынского. Множество аллюзий, более явных или, напротив, скрытых отсылок к творческому наследию «поэта мысли» встречаем мы, например, в стихах Н.А. Заболоцкого, впитавшего сложную метафорику Баратынского. В мучительных поисках собственного поэтического голоса Заболоцкий прибегает к почерпнутому, очевидно, именно у «поэта мысли» образу в стихотворении «Белая ночь». Только заспиртованный «недоносок» у Заболоцкого не парит «меж землей и небесами», как «дух» Баратынского, а мечтает о них («просится»). В стихотворении Заболоцкого представлено развернутое сравнение, устанавливающее образный параллелизм между белой петербургской (ленинградской) ночью и «недоноском» – младенчески безгрешным «ангелом» из Кунсткамеры:

*Так недоносок или ангел,
Открыв молочные глаза,*

*Качается в спиртовой банке
И просится на небеса.*

Иные примеры возродившегося только на рубеже XIX–XX вв. использования лексемы *недоносок* в русской поэзии встречаем у К. Случевского, Д. Мережковского, М. Горького, М. Волошина, О. Мандельштама, А. Мариенгофа. Между 1930-ми и 1970-ми гг. находим лишь восемь поэтических контекстов, содержащих слово *недоносок*.

Завершая размышления о семантике и образном функционировании лексемы *недоносок* в русской поэзии, отметим, что, при всех очевидных отличиях в индивидуальных картинах мира, воплощенных авторами в стихотворных миниатюрах, Вяземский, Пушкин, Баратынский и Заболоцкий оказались заочно близки уже самим фактом образного использования этой «маргинальной» для русской поэзии «золотого и серебряного веков» лексемы (в материалах поэтического подкорпуса [НКРЯ] обнаружено только около 20 словоупотреблений!) и стремлением расширить смысловой объем, усилить ассоциативную нагруженность «непоэтического» слова.

ЛИТЕРАТУРА

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

З.Ю. ПЕТРОВА

Москва

zoyap@mail.ru

Окказионализмы как элементы образных параллелей в языке художественной литературы

Образная параллель определяется как совокупность метафор и сравнений (компаративных тропов), в основе которых лежит семантический инвариант – пара семантических категорий, к которым относятся опорные слова (образы сравнения и предметы сравнения) тропов, например, <медведь, человек>, <васильки, глаза>, <бирюза, небо> и т. д. Формальное выражение таких семантических инвариантов при реализации их в тексте художественного произведения варьируется. Это варьирование происходит, с одной стороны, за счет

различных синтаксических конструкций, основные из которых – метафора и сравнение. С другой стороны, варьирование состава образных параллелей может быть связано с разными типами самих опорных слов, представляющих образы сравнения тропов, с точки зрения непроизводности / производности. Основные, ядерные слова, реализующие определенный семантический тропеический инвариант, относятся к непроизводным: *зверь, медведь, птица, павлин, крылья, цветок, лилия, камень, железо* и пр. Большой процент элементов каждой образной параллели составляют дериваты, возможность образования которых по определенным моделям (более или менее продуктивным) является в то же время и возможностью пополнения и развития образных параллелей.

Среди этих моделей можно выделить, с одной стороны, такие, которые в основном представлены узуальными дериватами, образованными по продуктивным общеязыковым словообразовательным моделям со значением подобия, например, метафорические прилагательные, образованные от названий животных, растений, камней и металлов, тканей: *звериный, собачий, птичий, змеиный, жабий, малиновый, персиковый, каменный, железный, бирюзовый, бархатный*. Некоторые из таких моделей, хотя и являются продуктивными, всё же предполагают определенные запреты на образование соответствующих дериватов от некоторых мотивирующих слов. Новые метафоры, развивающие традиционные образные параллели, представляют собой окказионализмы, преодолевающие эти запреты. Например, по модели образования производных слов с суффиксами, имеющими значение незрелости, узуально образуются дериваты от обозначений птиц, зверей и пресмыкающихся (*орленок, зайчонок, змееныш*), а от обозначений насекомых образуются окказионализмы: *комаренок, червячок*: «– Обидится: – ротиком, ставшим совсем *червячком*» (А. Белый).

С другой стороны, многие словообразовательные модели со значением подобия в языке художественной литературы представлены в основном окказионализмами. Одни из них фиксируются в художественной речи с XIX в., например, существительные на *-ость*, образуемые от производных метафорических прилагательных: *куриность, звериность, мотыльковость, персиковость, свинцовость* и пр. [Виноградова 2012: 223–224], другие появляются в XX в., например, существительные женского рода с нулевым суффиксом от метафорических существительных или прилагательных: *изумрудь, се-*

ребрь [Александрова 1980: 95]. Надо отметить также глаголы с суффиксами *-е(ть)* и *-и(ть)* (иногда еще и с постфиксом *-ся*) со значением сходства, образованные от существительных; в этой группе есть небольшое количество узуальных глаголов, фиксируемых словарями: *свинячить, ишачить, петушиться, собачиться, змеиться, каменеть, деревенеть*. Значительно больше среди таких производных глаголов окказионализмов, образующихся по той же модели, но от таких основ, от которых узуальные глаголы не образуются: *орлить, крылить, стрекозить, астричь, сливеть, вуалить, кружеветь, бирюзеть, бирюзиться, изумрудить, алмазиться, хрусталеть, чугунеть* и др. Все эти глаголы развивают традиционные тропеические соответствия, например: <кружево, деревья>: «Кружевет, розовеет утром лес» (Северянин). Ряд окказиональных глаголов со значением подобия образуется по словообразовательной модели с приставками *раз-* и *из-* и суффиксом *-и(ть)* (о глаголах с суффиксами *-е(ть)* и *-и(ть)(ся)* см. [Александрова 1980: 100–109; Виноградова 2012: 241–245]): *размедведить*: *Вчера человек – единым махом / клыками свой размедведил вид я!* (Маяковский; ср. человек – медведь), *разбукетиться*: *Разбукетилось небо к вечеру* (Кузмин; ср. закат – букет), *раскрылеть*: *Раскройте вы книгу мою, Раскрыльте ее для полета!* (Луконин; ср. книжные листы – крылья), *расканарейть, распавлинить, испавлиниться, разалмазиться* и др.

Большую группу окказионализмов, обновляющих традиционные образные параллели, представляют сложные слова. В большинстве случаев варьирование устойчивых образных соответствий происходит в сложных прилагательных: *огнекрылая душа* (Клюев; ср. *крылья души, крылатая душа*), *змеевласые старцы* (А. Белый; ср. *волосы, как змеи*), *орлоносые люди* (Цветаева; ср. *орлиный нос*), *совиноглазые окна* (Замятин; ср. *окна, как совиные глаза*). Иногда встречаются сложные существительные, выражающие отношение подобия: *песнокрылье* (Клюев), *автомышь* (Бродский). Иногда одна часть сложного существительного является определением второй: *И облако – как белолилия* (Северянин).

Изредка встречаются индивидуально-авторские окказионализмы, для которых нет соответствующей словообразовательной модели, например, в произведениях А. Белого: *жизнь – волковня, облака – бархатаны, человек – быкан*. Они всё же вписываются в определенные образные параллели: *люди – волки, облака – бархат, человек – бык*.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова О.И.* Русское поэтическое словотворчество: организация плана выражения // *Художественная речь. Традиции и новаторство.* Куйбышев, 1980. С. 91–142.
- Виноградова В.Н.* Система русского словообразования в функционально-стилистическом аспекте. М., 2012.

Т.Б. РАДБИЛЬ

Нижний Новгород

timur@radbil.ru

Девиации субъектной организации повествования в когнитивно-дискурсивном освещении

В работе развивается когнитивно-дискурсивная теория нарратива, заложенная в наших предыдущих исследованиях [Радбиль 2017]. В настоящем исследовании речь идет о некоторых «странностях» в текстовой реализации «образа автора», которые свидетельствуют о крайне сложной организации этой категории, что в свою очередь коренится в некоторых существенных особенностях естественного языка и в богатых возможностях дискурсивной актуализации ряда его базовых категорий и моделей.

При пристальном взгляде на разворачивание нарративных структур, отвечающих за субъектную организацию повествования в художественном тексте, можно заметить некоторые девиации, которые могут фиксироваться лишь на фоне наших обыденных представлений о наличии в культурном сознании носителей языка некоего «прототипического нарратива», т. е. на фоне неких общих принципов нарратива, несомненно, существующих в обыденной нехудожественной речи и интуитивно ощущаемых адресатом нарратива – читателем [Радбиль 2006]. Это игра на «незаметном» переходе типов Повествователя или Повествователя и героя, на перемене фокуса и эмпатии, на трансформациях «точки зрения», субъектной перспективы повествования плана изображения и пр.

Характерным примером целого «пучка» всевозможных девиаций в плане субъектной организации повествования является начало знаменитого рассказа Дж.Д. Сэлинджера «Хорошо ловится рыба-бананка» в переводе Р. Райт-Ковалевой. Здесь мы видим игру на переходе всеведущего Повествователя и прагматически мотивирован-

ного повествователя: *В гостинице жили девяносто семь нью-йоркцев, агентов по рекламе, и они так загрузили междугородный телефон, что молодой женщине из 507-го номера пришлось ждать полдня, почти до половины третьего, пока ее соединили.* Знание точного количества посетителей отеля, их места жительства и профессии может принадлежать только традиционному нарратору, который не имеет своей четко очерченной позиции в произведении, который вездесущ и всеведущ и потому объективен. Однако дальше видим метатекстовое оценочное включение – вставную конструкцию *карманный формат!* – которое локализует его оценочную позицию, его субъективность (в нашем случае – ироническую): *Но она не теряла времени зря. Она прочла статейку в женском журнальчике – карманный формат! – под заглавием «Секс – либо радость, либо – ад!».* Она вывела пятнышко с юбки от бежевого костюма. Она переставила пуговку на готовой блузке. Она выщипнула два волосика, выросшие на родинке. И когда телефонистка наконец позвонила, она, сидя на диванчике у окна, уже кончала покрывать лаком ногти на левой руке. Это уже иной тип Повествователя – недистанцированный в пространственно-временном и в оценочном плане. Он незримо присутствует в 507 номере и как-то относится к изображаемой девушке. А в следующем предложении незаметно для нас возникает уже позиция героини – девушка попадает в фокус эмпатии: *Но она была не из тех, кто бросает дело из-за какого-то телефонного звонка,* – очевидно, что пренебрежительное *какого-то* по отношению к звонку принадлежит сфере героини. Далее Нарратор приобретает еще большую определенность, так как актуализован в режиме непосредственно воспринимающего сознания, о чем сигнализируют конструкции, вводящие «фигуру Наблюдателя»: *По ее виду можно было подумать, что телефон так и звонил без перерыва с того дня, как она стала взрослой.*

Все указанные девиации, так сказать, по отдельности, мы можем видеть в самых разных произведениях мировой и отечественной литературы, что свидетельствует о существовании в культуре востребованных моделей сложных и девиантных нарративных структур в плане субъектной организации повествования.

Игру на переходе субъектной сферы Повествователя и героя в пределах одного высказывания (аномальное включение слова героя в речь повествователя) видим во фрагменте из «Пиковой дамы»: *Вдруг это мертвое лицо изменилось неизъяснимо. Губы перестали*

шевелься, глаза оживились: перед графинею стоял **незнакомый мужчина**; мужчина незнакомый – с позиции графини, но не всеведущего Повествователя, речевая сфера которого реализована в первом высказывании фрагмента.

Игра на смене общего и первого планов повествования присутствует в другом фрагменте из «Пиковой дамы»: *Рассуждая таким образом, очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились к освещенному подъезду* [общий план]. *Из карет поминутно вытягивались то **стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулок и дипломатический башимак*** [первый план].

Отметим, что все подобные девиации, при которых в одном высказывании совмещаются несколько субъектных планов, с точки зрения эстетической эффективности дискурса, вообще, строго говоря, не аномалии, а напротив, один из самых действенных приемов организации повествования.

ЛИТЕРАТУРА

- Радбиль Т.Б.* Коммуникативные и когнитивные основы теории нарратива в современном гуманитарном знании // Коммуникативные исследования. 2017. № 1 (11). С. 23–35.
- Радбиль Т.Б.* Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М., 2006.

А.М. РАНЧИН

Москва

aranchin@mail.ru

К вопросу о неологизмах в поэзии Иосифа Бродского

В центре внимания автора доклада – стихотворение Иосифа Бродского «Квинтет» (1977). Последняя строфа его пятой, заключительной части содержит неологизм *неврастение*. Неологизм у Бродского – окказионализм. Это «потенциальное» слово, создающееся в результате интерференции нескольких лексем и потому обладающее семантической многомерностью: метафора ‘я – нервное растение’; «отрицательная» метафора ‘я – не растение’ (не в растение = вышел не в растение, вырос не в растение); наконец это грамматический

неологизм с семантикой ‘неврастеник’ (с трансформацией грамматической категории рода – из мужского в средний). Это пример метафоры, являющейся трансформацией так называемой метафоры-копулы (см. о ней [Полухина 2009: 184–204]). Неологизм поддерживается непредсказуемым развитием метафоры в двух планах – прямом и переносном: *вцепившись ногтями* вместо словосочетания **вцепившись корнями*, подразумеваемого и ожидаемого при развертывании метафоры «я – растение»; *в свои корни* вместо словосочетания *в свои колени, ожидаемого при развертывании прямой характеристики лирического я. Неологизм функционирует с помощью игры со сдвигом границ между подразумеваемыми (оказионально выделяемыми) и одновременно элиминируемыми словами или морфемами: отрицательной частицей *не*, префиксом *не-*, предлогом *в* и остальной частью слова (производящей основой), начинающейся, при одной из интерпретаций, с префикса *в-* (вращать), а при другой интерпретации – сразу с корня *раст-*. Варианты разбивки на слова или морфемы: *не-вращение*, *нев-растение*, *не-в-растение*. Такая игра со сдвигом морфемных границ между словами и/или морфемами поддерживается внутрисловным enjambement на границе 1-й и 2-й строк, позволяющим понять лексему *за-/писки* не только как ‘дневник, воспоминания’, но и как неологизм-оказионализм со значением ‘запредельные, громкие пiski’. Своеобразным метаописанием такой игры является высказывание *Помнит ли целое роль частиц?* в первой строфе пятой части стихотворения.

Во второй строфе четвертой части содержится неологизм *жидопись*: *В одинокой комнате простыню / комкает белое (смуглое) просто ню – / жидопись неизвестной кисти*. Неологизм строится на основе замены всего лишь одной буквы: *д* вместо *в*. «Окказионализация» подразумеваемой лексики *живопись сочетается в этой строке с трансформацией на уровне семантической сочетаемости: *одинокая комната* вместо **одинокий обитатель комнаты* или вместо *одиночная камера.

В «Квintете» окказионализмы – свидетельство некоего кризиса и признак цивилизационной катастрофы, обратной эволюции мира к небытию. Отчасти аналогичный случай – например, стихотворение «Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря...» из цикла «Часть речи» (1975–1976), в котором окказионализм «надцатого», отсылающий к «Запискам сумасшедшего» Н.В. Гоголя, – знак катастрофы, безумия, которое обстает лирического героя.

Неологизм-окказионализм может обозначать ситуацию отчуждения, как *тихотворенье* вместо подразумеваемого *стихотворенье («Тихотворенье мое, мое немое...») из того же цикла); отчуждение, «отрезание» здесь иконически представлено отсечением начальной буквы: *Ломоть отрезанный, тихотворенье*. Несколько иначе трансформация традиционной семантики происходит у лексемы *телосложение* в стихотворении «Пчелы не улетели, всадник не ускакал. В кофейне...» (1989) – слово приобретает окказиональное значение ‘сложение, положение тел [убитых в сражении]’ [Лосев 2011: 485]. Также к числу сложных случаев можно отнести неологизм *бесстужев* с двойной семантикой: ‘отсутствие стужи / потепление’ и ‘декабрист М.П. Бестужев-Рюмин’ в стихотворении «О если бы птицы пели и облака скучали...» (1994). При этом окказионализм *бесстужев* предстает заменой другого окказионализма – *бесстужие [Ранчин 2001: 49]. В этом случае появление неологизма сигнализирует о ситуации отчуждения – и от времени, и от бытия.

Неологизмы Бродского часто строятся на основе приемов каламбурного рода (сдвиг границ слова или морфем, ложная этимологизация и игра на создаваемой омонимии окказионализма и словарного слова), но лишены комизма. Неологизмы у Бродского, с одной стороны, знаки катастрофы или цивилизационного кризиса, они – симптомы некоей «болезни языка». С другой же стороны, это один из наиболее ярких примеров креативной роли языка, о которой неизменно писал поэт.

ЛИТЕРАТУРА

- Лосев Л.В. Примечания // *Бродский И.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. Л.В. Лосева. СПб., 2011. Т. 2. С. 329–539.
- Полухина В. Грамматика метафоры и художественный смысл // *Полухина В.* Больше самого себя: О Бродском. Томск, 2009. С. 177–212.
- Ранчин А. На пиру Мнемозины: Интертексты Иосифа Бродского. М., 2001.

Поликодовость в медийном словотворчестве как средство речевого воздействия

Проблема речевого воздействия приобрела в российском обществе на рубеже XX–XXI вв. особую актуальность. Либерализация социально-экономических отношений, развитие вместе с рынком рекламы как стратегии навязывания товара, плюрализм в политике, изменения в системе управления, возрастание роли отдельной личности – все эти факторы обусловили актуализацию средств и форм речевого воздействия. Речевые технологии выступают как совокупность языковых и коммуникативных приемов, направленных на оптимальное достижение коммуникативно обусловленных целей.

В последние десятилетия XX в. «сложились те теоретические представления, которые определяют на современном этапе – начала XXI в. – представления о сущности коммуникативных процессов» [Чернявская 2013: 9]. Коммуникативный процесс исследуется в его семиотической комплексности, поскольку язык – лишь один из семиотических кодов. Текст, в том числе медиатекст, рассматривается во взаимодействии вербального и невербального. Коммуникативный канал не является нейтральным по отношению к его содержанию. Форма медиатекста существенна при декодировании смысла. «Вербальное существует, а также существует в поликодовом пространстве, наряду с аудиальным, визуальным, кинетическим компонентами» [Там же: 10]. Таким образом, в современной научной парадигме наметилась тенденция к изучению медиатекста как поликодового феномена.

Экспансивное расширение исследовательских методик предполагает приоритетное внимание к «материи текста»: графическое, шрифтовое, визуальное, цветовое оформление медиатекста становится объектом современной медиалингвистики. В научный оборот вошли термины: *креолизированный текст, гибридный текст, супертекст; бимедиаальный, полимедиаальный, мультимедиаальный текст; полимодальный, вербально-визуальный текст, поликодовый текст.*

Современный поликодовый медиатекст, таким образом, представляет собой результат взаимодействия вербального и невербаль-

ного. Креолизованность, поликодовость характеризует и современное медийное словотворчество. Ученые говорят об актуальности авторского окказионального словообразования в публицистике XX в. и начала XXI в. [Григорьев 2000: 209]. Поликодовость текста является в настоящее время эффективным средством воздействия, поскольку суггестивность как внушение опирается на чувственно-ассоциативные стороны сознания. Отсюда особая воздействующая функция невербальной составляющей новообразований. Поликодовость новообразований проявляется в графической гибридизации, связанной с использованием в рамках одного конструкта прописных и строчных букв (*Семейные РАНЫ российской науки* // МК, 14.12.2016; *ОтКУШайте* // Собеседник, 2016, № 3; *Воры совсем разБОЛТались!* // КП, 20–27.01.2016; *ЗаМУРлыкали от обиды* // Собеседник, 24–30.03.2016, № 11), алфавитов разных языков (*КровоSOS* // Российская газета, 17.05.2012; *No PasaPAH* // Новая газета, 05.07.2013; *PRизнаки войны* // Новая газета, 30.05.2014; *РазVISA-лись?* // Нижегородская правда, 06.10.2015; *Около плиннUSA* // Завтра, 2015, № 4; *U-дар по печени* // МК.РРЕ, 16–23.03.2016; *ARD-обстрел, пятая серия* // МК, 24.01.2017; *Разводка боу’ем* // Новая газета, 2017, № 76; *НОН-STOP* // МК в Нижнем Новгороде, 08–15.02.2017); разнофункциональных элементов одного языка (*Неопер-тивное строительство* // Патриоты Нижнего, 25.11.2015; *Пент-агония* // Завтра, 2015, № 45); буквенных и небуквенных знаков (*ПРО100 ссорит банкиров* // Нижегородская правда, 08.04.2014; *И депутаты у нас ненастоящие. И\$кy\$\$mв€нны€* // МК, 17–24.07.2013).

В семантическом отношении «этот способ интересен <...> компрессией значений» и их диффузией [Григорьев 2000: 316].

Акцент на визуализации рассматривается многими учеными как коммуникативный вызов новейшего времени [Чернявская, Молодыхенко 2017: 15]. В подобных случаях воздействующий эффект медийного текста обеспечивается не только семантикой новообразований, но и изобразительной составляющей последних.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000.

Чернявская В.Е. Текст в медиальном пространстве: Учебное пособие. М., 2013.

Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе: Учебник для магистратуры. М., 2017.

Е.Н. РЕМЧУКОВА

Москва

remchukova.lena@yandex.ru

Неология как феномен городской номинации

Сфера городской номинации характеризуется повышенной лингвокреативностью, что обусловлено интенсивным развитием коммерческих урбанонимов, или эргонимов. Это позволяет отнести их к сфере **массового лингвокреатива**, под которым понимается творческая деятельность языковой личности за пределами художественного текста [Ремчукова 2016].

Неология в нейминге в целом обусловлена двумя основными причинами: с одной стороны, это неология в русле возможностей русской языковой системы; с другой – в русле общей проблемы сложного взаимодействия в современном «неанглоязычном» пространстве национального и английского языка при номинации в коммерческой и интеллектуальной сфере деятельности; сложность этого взаимодействия усиливает столкновение латиницы и кириллицы при номинации в странах с кириллическим алфавитом.

По отношению к сфере коммерческой городской номинации можно говорить не только об английских заимствованиях как основных (лексемах и словообразовательных морфемах – как корневых, так и служебных), но и о заимствованиях из романских языков (французского, итальянского, испанского), что обусловлено прагматическими причинами продвижения коммерческого объекта, например, в ресторанном бизнесе. См. об этом, например, [Соколова 2016].

В данном случае объектом рассмотрения являются новые русские урбанонимы, значительная часть которых представляет собой потенциальные и окказиональные образования: в них находят отражение активные языковые процессы в области лексики и грамматики, потенциал русской деривации, особенности русской орфографии и произношения и русского речевого этикета. Подробно рассматривается процесс **квазиноминизации**, заключающийся в придании «обычному апеллятиву онимической формы» [Васильева 2009].

При квазиноминизации используются антропонимические форманты, и наиболее частотными являются названия, построенные на использовании **квазифамилий**: кафе «*Борщев*», магазин «*Юбкин*», hostel «*Подушкин*» (см. также названия продуктов питания «*Соло-*

дов», «Бочкарев» и т. д.). В первую очередь такой урбаноним выполняет информативную функцию, сообщая о специализации заведения: в названии хостела «Подушкин» имплицитно сообщается о бюджетности гостиницы, где гостю не придется переплачивать: за свои деньги он получит просто подушку, то есть койко-место.

Названия ресторанов «Мяснофф», «Блинофф», «Колбасофф», «Пельменефф» образованы по тому же принципу, но с использованием иноязычного суффикса *-off*, переданного кириллицей (как известно, таким образом транскрибируются русские фамилии); отсылка к дореволюционным традициям наблюдается в урбанонимах «Мясоедовъ» и «Мясновъ»: здесь комбинация приемов квазионимизации и графогибридизации (смешение современной и устаревшей кириллицы) преследует ту же цель – информирование посетителя и создание образа качественного и традиционного бренда.

Особый интерес представляют названия типа «Продуктович». Его можно интерпретировать и как фамилию на *-ич*, *-ович* (*-евич*), характерную для западных областей, граничивших с белорусскими и польскими территориями, и как отчество: *Продукт* + *-ович* = *Продуктович*. В любом случае, нарицательное имя существительное *продукт* в данном урбанониме переосмысливается как имя собственное.

В качестве неологизма окказионального характера можно рассматривать названия типа «Цветоша». Вероятно, в данном случае диминутив образован таким же способом, как уменьшительно-ласкательные формы личного имени (ср. *Антон* – *Антоша*, *Марго* – *Маргоша*, *Тимофей* – *Тимоша*), однако данная модель непродуктивна для неодушевленных существительных, поэтому можно говорить и о тропе олицетворения. Диминутивом является и название сети японских ресторанов «Япоша», которое в начале 2000-х гг. называлось «Япошка». Из соображений политкорректности владельцы заведения изменили название. В результате опущения суффикса *-к* родилось новое слово *япоша*, которое, как и «Цветоша», вызывает ассоциации с ласкательными формами личных имен.

В ряде урбанонимов эксплуатируются словообразовательные модели, в целом характерные для **русских топонимов**: название казанского секонд-хенда «Одежкино» образовано от диминутива *одежка* посредством одного из самых употребительных топонимических формантов *-ино*. Аналогичных примеров довольно много: «Обувкино», «Посудкино», «Коляскино», «Игрушкино» и т. д., что позволяет

говорить о высокой продуктивности данного типа номинации. Такие названия сообщают потенциальному покупателю не только о специализации, но и о большом ассортименте предлагаемых товаров (*не просто магазин, а целый город игрушек*), и, вероятно, указывают на его непретенциозность и невысокую ценовую политику.

В то же время название московского кафе «*Парижск*» имеет явно окказиональный характер: название построено на сочетании иностранного топонима и исконно русского топонимического форманта, причем в каждом из них актуализированы определенные коннотации: в слове *Париж* – изысканность, гламур и мода, в суффиксе *-ск* – дружба, романтика, открытость. Такая словообразовательная модель позволяет удачно обыграть антиномию «свой – чужой» и отразить концепцию заведения, заключающуюся в сочетании двух культур, в смешении «французского с нижегородским».

В новых русских урбанонимах, значительная часть которых представляет собой окказионализмы, а в случае их вхождения в узус – неологизмы, находят отражение активные языковые процессы в области лексики и грамматики, потенциал русской деривации, особенности русской орфографии и произношения и русского речевого этикета.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильева Н.В.* Собственное имя в мире текста. М., 2009.
- Ремчукова Е.Н.* Прагматическая и эстетическая ценность «массового лингвокреатива» // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 7. М., 2016. С. 157–167.
- Соколова Т.П.* Лингвокреатив в аспекте нейминговой экспертизы // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 7. М., 2016. С. 179–194.

Ю.С. РИДЕЦКАЯ

Санкт-Петербург
vjs_neolex@mail.ru

О динамике и особенностях развития группы лексики с опорным компонентом ...*мания*

«**Отдельное значение слова** – единица, являющаяся носителем семантических, стилистических, многих грамматических свойств, характеризующаяся антонимическими, синонимическими отноше-

ниями, вхождением в семантические группы, сочетаемостными свойствами и др., реализующаяся в речи, – не осмыслена как таковая. Не описано дискретных содержаний языка и неаддитивных и недискретных содержаний речи, позволяющих охватить бесконечность познаваемого мира, мыслей и знаний о нем, мечтаний и мифов человека» [Котелова 2015: 45–46]. Представляется, что «дискретные содержания языка» и «недискретные содержания речи» возможно описать только на фоне исчерпывающего набора коммуникативных ситуаций, что в настоящее время обеспечивается такими текстовыми базами данных, как Интегрум, Google.books и НКРЯ.

Данный доклад посвящен существительным с опорным компонентом ...*мания*, отобранным нами из вышеназванных баз данных за 300-летний временной период (более 1000 лексем и соответствующее значениям лексем количество контекстов).

Эти существительные распределяются по следующим семантическим группам: «хобби» (*гольфомания*), «болезнь», «зависимость» (*барбитуромания*), «бытийная ситуация» («бытийные ситуации. Имена существительные с абстрактным значением: сложные, запутанные, беспорядочные, неприятные ситуации, странные, комические, неожиданные положения вещей», куда можно отнести и «национальные пристрастия» (*англомания, галломания*) [РСС: 478, 479]). В последнюю группу входят слова, обозначающие общественные (экономические, политические), социально-психологические явления. В них проявляются общие со словами *ажитаж, бум, истерия, лихорадка, эпидемия* семы (например, *нефтемания, абортomanия, ипотекомания*). Исследователи отмечают у форманта ...*мания* негативную коннотацию и называют образования с ним «пейоративные *nomina abstracta*» [Рацибурская 2015: 15]. В толковых словарях эти слова лишь в некоторых случаях сопровождаются экспрессивными пометами. Например, в [НСЗ-70] зафиксированы четыре слова с этим компонентом, из которых помету имеет лишь слово *рекордомания* (*неодобр.*). Помета отсутствует при словах *фармакомания, никотиномания*, поскольку они относятся к группе «болезни», также ее нет у слова *битломания* (группа «хобби» – социально приемлемое увлечение). Эпизодически при описании этой группы (в толковых, специальных, а также в словарях невуальной лексики) используются пометы, указывающие на функциональный стиль, сферу употребления слова: *разг., жур., мол., газ.-публ., публ.*

Наблюдение за лексемами данной структурной группы на таком протяженном временном отрезке позволяет отслеживать развитие у них многозначности и расширение сферы употребления. Особого внимания требуют следующие аспекты:

– выявление неологизмов и новых значений. Ср. значения слова *автографомания*: 1) ‘пристрастие к рукописям известных лиц’ (Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, 1910); 2) ‘коллекционирование надписей или подписей известных личностей’ (в материалах встречается с 1965 г.);

– разграничение индивидуально-авторских, окказиональных и новых узусных значений. Ср. *аквамания* ‘о виде творчества: рукописные страницы после размывки водой’ (Сигей С. Черновик. Вып. 8–10, 1993; о 1960-х гг.); *аквамания* ‘об участившемся строительстве аквапарков’ (с 2006 г.); *аквамания* ‘увлечение водными процедурами’ (с 2006 г.);

– выявление и описание случаев омонимии. Ср. *инномания* ‘о поголовном увлечении инновациями’ (с 2008 г.) – *ИННОмания* ‘о поголовном введении номеров, кодов для идентификации’ (с 2001 г.);

– наблюдения за изменениями оценочной коннотации. Положительная оценка слова зависит от текстообразующей функции (названия, заголовки, реклама), а также от фокуса оценки говорящего. Если фокус оценки сосредоточен на количестве, качестве и других характеристиках «мании», то ассоциативные компоненты смещаются в сторону мелиоративной или нормативной оценки. Такие лексические образования вызывают у определенного круга адресатов ощущение сопричастности чему-л. (ср. «*Аквамания*» – ‘название клуба любителей водного отдыха’). Они также могут выражать полноту наличия чего-л. (об ассортименте, услугах и т. п.; ср. *букетомания*). Оценочная коннотация слов с опорным компонентом ...*мания* меняется также под влиянием семантики слов, оканчивающихся на ...*филия*, на все значения этих слов распространилась пейоративная коннотация. При задаче передать нейтральную (мелиоративную) оценку говорящий, скорее всего, выберет слово с финалями ...*любие*, ...*мания*.

ЛИТЕРАТУРА

Котелова Н.З. Семантика языка и внеязыковые знания (в аспекте обратных связей) // Котелова Н.З. Избранные работы. СПб., 2015.

Рацибурская Л.В. Новые тенденции в русском языке начала XXI века / Под ред. Л.В. Рацибурской. М., 2015.

НСЗ-70 – Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 3. М., 2003.

К.А. РОГОВА

Санкт-Петербург

krogova@mail.spbstu.ru

Потенциал новизны в организации свободного косвенного дискурса: голос персонажа как фактор его существования в художественном тексте

Основу художественного повествования составляют излагаемые события. Они становятся «опорным концептом», который создает общий контекст, описывающий участников событий, включающий перформативную информацию и «не-события», т. е. «а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценку участников событий; г) информацию, соотносящую дискурс с событиями» [Демьянков 1982: 7] (цит. по [Степанов 1995: 37–38]).

В этом общем контексте традиционно выделяется для рассмотрения отношение между участниками событий и фоном, в который включаются пейзаж, интерьер, социальное окружение и т. д. Они активно участвуют в создании образа персонажа, служат средством передачи эмоционального состояния, мотивируют поведение персонажа [Купреянова 1966].

«“Каким образом автор входит в персонаж, чтобы наблюдать действительность его глазами?”; “До какой степени авторский “избыток видения” позволяет ему домыслить ограниченное представление героя о себе?” Вот вопросы, на которые Бахтин мучительно ищет ответ в “Авторе и герое”», – пишет Д. Слоун и заключает: «Он и не пытается рассматривать слово персонажа как определяющий фактор его существования. В “Проблеме содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве” (1924) Бахтин по-прежнему описывает существование человека в мире через его мировоззрение, а не через его слова» [Слоун 2002].

К лингвистическому обоснованию понятия повествовательной формы обратилась Е.В. Падучева, выделив две основные формы, наиболее различные «по своим лингвистическим параметрам – традиционный нарратив и свободный косвенный дискурс [СКД], языковую основу которого составляет несобственно прямая речь» [Падучева 1996: 409]. Автор указывает на возможность раскрыть их качества только «в контексте коммуникативной ситуации: “голоса” и “диалоги”, о которых говорят Бахтин и Волошинов» и отмечает такую особенность СКД как способность персонажа «узурпировать» эгоцентрический пласт языка, в результате чего возникает «особая фигура, невозможная ни в разговорном дискурсе, ни в традиционном нарративе – 3-е лицо, которое обладает всеми признаками 1-го» [Там же: 335–337]. Важным при этом оказывается и опровержение положения, «что в СКД пропадает повествователь: доказано присутствие повествователя в любом СКД с прош. нарративным в качестве базового времени. А именно форма прошедшего времени в СКД не может быть объяснена иначе как присутствием повествователя: для персонажа время происходящих с ним в данный момент событий – настоящее – и никакое другое» [Там же: 410].

Проблема СКД сегодня актуальна в связи с тем, что современный рассказ выполняется преимущественно именно в этой форме, демонстрируя интерес литературы к внутреннему состоянию человека. Наблюдения за современными текстами убеждают в том, что именно слово персонажа является средством представления его существования в мире. Актуализация этой формы позволяет выявить и ряд дополнительных явлений, кроме тех, на которые указала Падучева, находящихся в сфере собственно дискурсивных средств, таких как смена ритма и связанных с ним синтаксических конструкций, смена функционально-смысловых типов речи, влияющих на лексические регистры речи, и др. как показатель изменений в «голосе» персонажа, отражающих его реакции на мир [Коршунова 2007: 30–32].

В качестве примера в докладе рассматривается рассказ А. Кирова «В темный лес через чисто поле»¹. Особый интерес представляет рассмотрение вкраплений иноязычных слов и выражений для характеристики ситуаций, к которым прибегает персонаж – англичанин – переводчик поэзии Ахматовой, приехавший в Комарово в поисках

---

¹ *Киров А.* В темный лес через чисто поле // Октябрь. 2016. № 11.

аутентичных предметов и знакомства с условиями последних десяти лет жизни поэта. Приведем в качестве примера начало рассказа: *«Надо думать по-русски», – подумал Стив определенно по-русски. Заодно подумал по-русски, что здесь, на кладбище, русскими словами думается легко, без принуждения. Это потому, наверное, что на чтение про себя – в уме то есть – бессмертных ее стихов он настроился загодя – in advance.* И еще один пример: *К своим двадцати девяти Стив твердо усвоил: между «думать ни о чем» и «ни о чем не думать» – бездна несказанного смысла – great difference, но постичь глубину эту только русские могут. Тайну глагола «побыть» Стиву в годы его кройдонского отрочества поведала бабушка Лора, уроженка города Куйбышева, она же научила способного внука не бояться двойных отрицаний.*

Внимательное вслушивание в голоса персонажей, представляющих их восприятие окружающего мира, создает достоверное представление об их существовании в этом мире и позволяет проявить авторское присутствие в нашем времени. В одном из своих рассказов С. Носов приводит слова А.Н. Сокурова: «...На лица людей смотреть надо чаще... Наверное, чтобы любить их больше. Ну и, наверное, чтобы литература не ушла от нас». К этому можно добавить: и слушать голоса людей надо чаще и внимательней – чтобы литература не ушла от нас [Носов 2017].

ЛИТЕРАТУРА

- Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста: Вып. 2. Методы анализа текста (Тетради новых терминов; 39). М., 1982.
- Кориунова М.Л. Критерии смены голосов в полифоническом тексте // Вестник Воронежского ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 1. С. 27–32.
- Купреянова Е.Н. Эстетика Л. Толстого. М., 1966.
- Носов С. В торце Большой Московской // В Питере жить: от Дворцовой до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории / Сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М., 2017. С. 125.
- Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Слоун Д. В защиту неприятия Толстого Бахтиным: принцип высказанности // НЛО. 2002. № 57. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/57/sloun.html>
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.

Д.А. РОМАНОВ

Тула

kafrus@rambler.ru

Семантические и стилистические новации Л.Н. Толстого¹

Проблема неологии применительно к творческой деятельности Л.Н. Толстого рассматривается не вполне однозначно и, видимо, не в своих первостепенных аспектах. Но вместе с тем подобное рассмотрение помогает увидеть ряд интересных особенностей работы Толстого с языком.

Неологизмов в традиционном их понимании творчество Толстого почти не содержит. Исключения составляют отдельные производные слова, которые могли быть впервые употреблены Толстым или же которые Толстой вместе с другими авторами-современниками одним из первых зафиксировал в своих произведениях (например, существительное *непротивление*, прилагательные *комильфотный*, *капуйский*, *муравейный*). Результатом словотворчества Толстого становились некоторые сложные лексемы (вроде существительного *свободолегкомыслие* или ряда дефисных прилагательных: *сверхъестественно-утонченный*, *сверхъестественно-прекрасный* и т. п.).

Языковые новации Толстого состоят главным образом в семантической трансформации лексем, т. е. в творческом развитии у них переносной семантики (*изюминка*, *лихоимство*, *куражный* и др.). Отдельную группу в этом плане составляют деонимизированные лексемы, т. е. имена собственные, переведенные в разряд нарицательных с метафорическим значением: *кунктатор* – ‘вдумчивый, неторопливый, медлительный человек’, *магдалина* (применительно к лицам обоего пола) – ‘грешник, думающий о раскаянии и надеющийся на прощение’.

Кроме того, большое количество слов становилось объектом творческого переосмысления Толстого. Как правило, оно включало в себя иронию или появление негативного смысла у нейтральных или традиционно позитивных лексем (*приличный*, *порядочный*, *приятный*, *светский*, *знаменитый* и др.).

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00008.

Нередко переносные значения обычных лексем оказываются впервые зафиксированными (или уникально зафиксированными) в произведениях Толстого. Писатель, скорее всего, не является творцом этих значений, но оказывается самым чутким из всех современников, отразившим редкие, необычные или не совсем обычные для широкого употребления значения. Например: *гуртовой* – ‘метаф. множественный, многочисленный, массовый’, *коновязь* – ‘метоним. лошади, связанные веревкой’, *гулянье* – ‘метоним. общественное место для прогулок’, *подъем* – ‘метаф. энтузиазм, прилив энергии, воодушевление’. У иноязычных лексем Толстой нередко актуализировал их первичные (корневые) значения, уступившие в русском использовании место иным значениям: *консилиум* – ‘совещание, собрание по важному вопросу’ (от лат. *consilium* – ‘совещание, обсуждение’), *рампа* – ‘верхняя часть барьера, отделяющего ложу от остального зрительного зала’ (от фр. *rampe* – ‘перила, поручни’).

К области творческих новаций Толстого относится расширение сфер использования тех или иных слов (стилистическое и функциональное расширение). Достаточно часто Толстой переносил слова из сферы обычного употребления в контексты философски-публицистические, наделяя их значением морально-этических категорий (*суеверие, заблуждение*) и употребляя преимущественно в форме среднего рода (*гадкое, стыдное, красивое*).

Отдельные просторечные и диалектные слова (или значения) Толстой вводил в литературный оборот с целью определения каких-либо социальных понятий (*усетиться*), в том числе в негативной трактовке (например, прилагательное *свиной*, существительное *шлюстик*).

Сфере лексических новаций Толстого принадлежат также впервые сделанные им русские транскрипции и транслитерации отдельных, преимущественно французских, слов, которые были впервые употреблены в кириллическом написании именно Толстым (*тортю, камэ, элукубрации* и др.).

Некоторые лексемы в силу их частотного использования Толстым приобрели в русском языке своеобразную «печать» его творчества, отражающуюся в коннотативном и прагматическом компонентах их значения. [НКРЯ] дает на такие лексемы множественные «толстовские вхождения», а наиболее авторитетные и подкрепленные хорошей картотечной традицией толковые словари обязательно содержат применительно к этим лексемам иллюстрации из

произведений Л.Н. Толстого (например, *субординация, искания, ложный*).

ЛИТЕРАТУРА

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

Романов Д.А. Прилагательные, характеризующие светское общество в произведениях Л.Н.Толстого 1880–1890-х гг. // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. IV, часть 3. Русский язык XIX века: динамика языковых процессов. СПб., 2008. С. 243–254.

Романов Д.А. Публицистика Л.Н. Толстого 1870–1890-х гг. и изменения в сфере общественно-политической и духовно-нравственной лексики русского языка // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. IX, часть 2. Русская историческая лексикология и лексикография XVII–XIX веков. К 100-летию Ю.С. Сорокина. СПб., 2013. С. 450–469.

Романов Д.А. О некоторых особенностях словоупотребления в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Русский язык в школе. 2013. № 12. С. 49–56.

И.В. РУЖИЦКИЙ

Москва

konnitie@mail.ru

Механизмы языковой игры у Достоевского и Лескова

Принято считать, что Ф.М. Достоевский и Н.С. Лесков – писатели-антагонисты; на наш взгляд, сходства между этими двумя авторами намного больше, чем различий, – и в сюжетах, и во множестве параллелей между образами, и, безусловно, в языке, в своеобразных экспериментах со стилем. И Достоевский, и Лесков – писатели-экспериментаторы, и, хотя механизмы этого эксперимента у них во многом схожи, различны его цели. У Достоевского – жестокая игра с читателем; «Достоевский – автор, часто сознательно нарушающий литературную норму и тем самым создающий энтропию, хаос, во многом отражающий внутренний мир и внутреннюю речь человека. <...> способ преодоления автоматизма речи и через него – механистичности и стандартизованности жизни» [Ружицкий 2015: 239]. У Лескова – скорее собственно стилизация, отражение особенностей речи целых слоев населения – петербургских немцев («Островитяне»), священников («Соборяне»), старорусских помещиков («Старые годы в селе Плодомасове») и т. п., осуществляемая параллельно

с показом особенностей уклада их жизни. Есть поступки, действия, множество бытовых деталей, но очень мало «самокопания», рефлексии, как следствие – внутренней речи персонажей. В этом, возможно, и состоит главное отличие – в авторских интенциях языкового эксперимента.

В докладе будут раскрыты механизмы создания языковой игры, обнаруживаемые в текстах полного собрания сочинений Достоевского и Лескова [Достоевский 1972–1990; Лесков 1996–]: (1) словотворчество (гапаксы); (2) игровое употребление слова, основанное на его многозначности или омонимии; (3) модификация стандартной формы фразеологической единицы, пословицы, поговорки или отсылки к прецедентному тексту (обычно – крылатому выражению); (4) семантическое несогласование и семантическое рассогласование (оксюморон); (5) игровая функция повтора; (6) синтаксические способы создания языковой игры; (7) игровое употребление аббревиатур-топонимов и др.

Сопоставление стилистического мира Достоевского и Лескова показывает, что писатели глубинно очень близки. Даже с чисто формальной точки зрения, репертуар стилистической игры («лингволудетики») у обоих авторов совпадает, разнятся только количественные показатели: каждый из писателей в большей или меньшей мере тяготеет к той или иной разновидности языковой игры.

Количественно в сфере игрового творчества на уровне словообразования Лесков, безусловно, доминирует. Его тексты изобилуют неологизмами-гапаксами. Однако и у Достоевского этого хватает. В области игры «омонимия-полисемия», пожалуй, писатели близки к паритету, как и в области смещенной идиоматики (модификации фразеологических единиц разного типа), прецедентности и разных форм несогласования-рассогласования и нарушения семантической сочетаемости. Достоевский более склонен к плеоназму и более «раскрепощен», раскрыт синтаксически [Елистратов, Ружицкий 2018].

Языковая игра всегда имеет определенную цель, интенцию, любая лудетика телеологична. Цели могут быть частные и общие. Допускается и сочетание целей, полителеологичность. Можно, к примеру, добиваться комического эффекта и для этого сознательно нарушать языковую норму. Можно воспроизводить какой-нибудь социальный диалект с целью добиться эффекта конкретно-сатирического, «обличительного» и т. д. и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990.
- Елистратов В.С., Ружицкий И.В. Когда у Достоевского и Лескова дважды два не равно четырем... // Лингвистика креатива-4: Коллективная монография. Екатеринбург, 2018 (в печати).
- Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М., 1996–.
- Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос. М., 2015.

О.И. СЕВЕРСКАЯ, Л.Н. СААКЯН

Москва

oseverskaya@yandex.ru, sahalev@mail.ru

Эвфемия, паронимическая аттракция, «этимология»?

Вопрос, вынесенный в заглавие, по сути риторический: все три речевые практики основываются на системных явлениях звукового подобия, паронимии, которая, по определению П. Валесио, «есть результат сосуществования ограниченного числа звуковых сущностей, с одной стороны, и значительного множества комбинаций этих звуковых сущностей, реализуемых в “открытых” сериях лексических единиц, с другой» [Valesio 1974: 1008]. В серии объединяются как однокоренные (в том числе – исторически) слова: *пансион – пенсион, исцелять – целовать – целый*, так и разнокорневые: *ветеран – ветеринар, дебри – дерби*.

Системное явление паронимии обуславливает возможность, прежде всего, языковой игры, что и используется чаще всего в художественной литературе: *Я волхв, ты волк, мы где-то рядом В текущем слове земли* (Тарковский); *Я приехал в Москву: плачú и плáчу* (Вяземский). Или в каламбурах в бытовой речи: *депардьировать* (антоним к *депортировать*), которые напоминают так называемые «оговорки по Фрейду»: *Госдура* вместо *Госдума* (В. Познер).

Поскольку паронимия предполагает «семантическое контрастирование при возможности обнаружения не вполне определенного семантического изоморфизма взаимодействующих единиц» [Там же: 1015], ее потенциал делает возможным и подмену одного денотата другим, как это происходит, если говорящий прибегает к речевой стратегии эвфемии или дисфемии [Саакян 2010].

Например, представляя *аллергию* как *аллегория* (*Это у меня аллергия*), можно значительно смягчить представление о болезнен-

ных проявлениях, «поэтизирував» неполадки в организме, но всё же прозрачно намекнуть на истинное положение дел. Так же гораздо «приличнее» *блуждать меж женщин*, чем *блудить*. Приведем и случай намеренного смягчения представления о денотате с одновременным эксплицированием эвфимизации из поэтической практики Н. Искренко: *О нежная девочка юная стройная баба юная стройная Барби* («Игра в куклы»).

А назвав *аллигатором* человека с профессией или социальным статусом, именуемыми созвучными словами, можно, напротив, дисфемизировать эти номинации, в силу наличия у слова *аллигатор* зафиксированного словарями переносного значения ‘злой, хищный человек’. Собственно, это и происходит в случае, который описывает в «Слове о словах» Л. Успенский [1971]: почтенная дама сообщает попутчикам, что у ее дочери «муж *аллигатор* с большим стажем», а те дружно ахают, сочувствуя девушке, «которая, как сказочная красавица, была “батюшкой за морского змия выдана”», пока не понимают, что *аллигатором* назван инженер-*ирригатор*, специалист по орошению земель. В советское время *аллигатором* мог оказаться и *агитатор* (пример из коллекции С.М. Евграфовой).

Сегодня *аллигаторов* скрещивают уже с *олигархами*, например, в популярном комедийном сериале «Папины дочки». Более того, появилось «слово» *аллигарх*. Google дает почти 6 тысяч упоминаний именно такого варианта написания, что порождает вопросы к справочным порталам, в частности, www.gramma.ru: «Скажите, как правильно: *аллигарх* или *олигарх*?» В сети есть и ошибки, и примеры осознанной языковой игры: *аллигарх* в народном представлении это ‘особо хищный *олигарх*’, и сейчас вокруг «сплошные *аллигархи*, народ грабят и не заботятся о нем». Последний пример отчетливо указывает на дисфемию.

Еще один аспект проблемы представляют случаи так называемой «народной этимологии». С одной стороны, ошибки могут объясняться простым незнанием (или недостаточным знанием) значений употребляемых слов: например, в программе «Модный приговор» Э. Хромченко часто говорит, что *одежда не репрезентативна*, имея в виду ее *непрезентабельность*; путают и фразеологизмы: *моя иерархия* вместо *моя епархия*, *себе в укор* вместо *себе в ущерб* и т. п. С другой стороны, подавая, например, *эпиляционные жалобы* (от *эпиляция* вместо *апелляция*) на результаты экзаменов, носители языка явно ретимологизируют непонятные слова. Это касается как за-

имствований, которые объясняются через более привычные: *прайс-релиз* вместо *пресс-релиз* (от *прайс-лист*), *ипотировать* вместо *эпантировать* (от *ипотека*), или терминов: *острохондроз* вместо *остеохондроз*, так и привычных слов, которые мотивируются близкими по звучанию и контекстным значениям иноязычным словам: *покет* ‘кулек для упаковки чего-либо’ и ‘то, что кладется в карман’ (от *rocket* ‘карман’). Ошибочное сближение имен нарицательных и собственных кажется порой языковой игрой: *димакратия* (от *Дима* + *кратия*); *Шопингауэр* (от *шопинг*), как и гиперкоррекция, которая приводит к каламбурному осмыслению конечного «продукта»: *огрессор* ‘тот, от кого можно *огрести*’; *ухожор* ‘тот, кто «ездит по ушам» и «выедаёт мозг»»; *котолизатор*, *милонхолик*, *сомоуправление* и т. д. Встречаются и абсурдные замены, как, например, в рекламе пудры: *Достаточно светлая поллитра* (вместо *палитра*, сохранено написание источника. – *О. С., Л. С.*), *матирует, симпатичная коробочка*.

Таким образом, паронимасия может использоваться и сознательно, и бессознательно, абсурдно, свидетельствуя о распаде языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Саакян Л.Н. Эвфемия и дисфемия: языковые стратегии смягчения и дискредитации высказывания // Русский язык в школе. 2010. № 4. С. 57–62; № 5. С. 82–85.
Успенский Л.В. Слово о словах. Почему не иначе? Л., 1971.
Valesio P. Paronomasia and the articulation of phonological rules // Proceedings of the XI Int. congress of linguists. Bologna, 1974.

Е.В. СИРОТА

Бельцы (Молдавия)
sirotaelena@mail.ru

Словообразовательный аспект окказионализмов в современном русском языке

Для выявления закономерностей образования слов в языке следует детально рассмотреть такой пласт лексики, как окказионализмы. Исследователи отмечают, что реальность создания окказионализмов и их универсальность является давно признанным фактом.

Изучению данной группы словарного состава посвящены работы таких исследователей, как Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, В.В. Ло-

патин, И.С. Улуханов, А.А. Брагина. Проанализировав существующие в лингвистике дефиниции окказиональной лексики, сформулируем определение окказиональных слов: окказионализм – это речевая экспрессивная единица, обладающая свойствами номинативной факультативности, ненормативности, невоспроизводимости и словообразовательной производимости. Деривация окказионализмов обусловлена словообразовательной спецификой и потенциальными возможностями языка, который не препятствует созданию указанных слов. Тем не менее данный пласт речевой лексики можно рассматривать как средство пополнения узуального, нормативного языкового строя (например, современные слова – продукт словотворчества писателей, ставшие общеупотребительными: *робот* (К. Чапек)). Это подтверждает тезис, что жизнь слова начинается с его рождения в речи.

В современной дериватологии устоялось мнение, что каждое производное слово создается от другого, мотивированного им. Идея мотивированности в данном случае касается семантического аспекта. Лингвисты изучают способы деривации окказиональных слов, выделяя две группы: а) образованные стандартным способом; и б) созданные по нестандартным способам. К наиболее частотным способам образования Улуханов относит: «субстантивацию + префиксацию; сращение + сложение; префиксацию + сложение + суффиксацию; междусловное наложение; вставку внутри слова; контаминацию слов; удаление части слова; обратный способ» [Улуханов 1984: 45]. Отмеченные способы можно отнести к формальной стороне языка, важность учета которого весьма важна, но не способствует объяснению общих закономерностей образования слов. Наблюдать подобную закономерность в мотивированности при производстве одного слова от другого, как это установлено в языкознании, не представляется возможным. Если исходить из тезиса, что язык творит народ, а не лингвисты, то приходится признать, что рядовой носитель языка не будет образовывать одну часть речи от другой. Вполне очевидно, что слова образуются на базе внутренней формы (по терминологии В.Н. Мигирин – признака представления референта) по имеющимся и закрепленным в языке моделям: «...знак формируется по законам словообразовательной парадигмы, являющимся совокупностью словообразовательных моделей и представляющим собой регулярные типы словообразовательных отношений» [Мигирин 1973: 9]. «При этом тип внутренней формы (признака

представления референта) влияет на словообразовательную модель, в чем проявляется системный характер языка» [Мигирина 1977: 119]. Данная закономерность в полной мере выявляется в деривации окказионализмов. Ее можно проверить, исследуя структуру окказиональных слов. В качестве иллюстрации лингвисты всегда опираются на словотворчество художников слова. Обратимся к речи рядовых носителей языка – детей, так как создание данной группы слов является стихией детской речи. Дети, как правило, не наблюдают своего словотворчества – они убеждены, что повторяют то, что услышали. В какой-то степени это соответствует истине: дети творят слова по тем моделям, которые они усвоили, по аналогии, но в данном случае они опираются на яркий, бросившийся им в глаза, убедительный для них признак именуемого объекта. В результате создаются лексемы, образованные по нормативным моделям, но обладающие легко обнаруживающейся внутренней формой: *ползук* (паук), *копатка* (лопатка), *цветаника* (ботаника). Дети обладают способностью вновь открывать в словах внутреннюю форму, причем происходит это неосознанно и лишь в незначительной степени сознательно. Исследуя окказионализмы, являющиеся результатом детского словотворчества, делаешь вывод, находящийся в противоречии с традиционным утверждением о том, что окказиональные слова образуются по нестандартным моделям. Наоборот, окказионализмы в основном создаются по узуальным, стандартным моделям с ярко обнаруживающейся внутренней формой.

Таким образом, констатируем, что основная закономерность в деривации окказионализмов в языке состоит в использовании внутренней формы и имеющейся словообразовательной модели.

ЛИТЕРАТУРА

- Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 44–50.
- Мигирин В.Н. Язык как система категории отображения. Кишинев, 1973.
- Мигирина Н.И. Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке. Кишинев, 1977.

Зачем нужен стих: лингвистические закономерности и их воздействие на читателя¹

Если мы скажем одно и то же стихом и прозой, будут ли эти тексты восприниматься одинаково? Большинство читателей ответит, что по-разному. Наш любимый пример – стихотворение А. Барто «Бычок» («Идет бычок, качается...»). Большинство россиян знает это стихотворение с дошкольного возраста, но только при пересказе прозой большинство читателей начинает осознавать, что в стихотворении происходит что-то странное: бычок идет, знает, что сейчас будет падать, но почему-то не останавливается, а продолжает идти, огорчаясь по поводу предстоящего падения. Простая игрушка, описанная Барто, исчезла, текст стал пониматься самым удивительным образом (из студенческих толкований: у бычка депрессия (будет падать, но ему уже всё равно), у бычка чувство долга (будет падать, но «надо, Вася, надо»). Одна из типичных иллюстраций в детских книгах – доска, достигающая до середины водной глади: бычок будет падать в воду. То есть полное непонимание текста из-за исчезновения соответствующей игрушки почему-то несколько не беспокоит читателя стиха, и всю бессмысленность текста он осознает только при пересказе прозой.

Мы нашли набор лингвистических механизмов в структуре стиха, которые предположительно затрудняют восприятие стиха, мешают легкому восприятию логической организации текста, и, возможно, срабатывают как триггер для изменения конфигурации активных участков мозга, участвующих в восприятии текста, подключая участки правого полушария.

Синтаксис. Подсчеты по 30 тыс. строк русского и французского стиха XVII–XX вв., принадлежащего к разным системам стихосложения, периодам, литературным направлениям и индивидуальным стилям, показали, что в стихе, по сравнению с прозой, резко (на десятки процентов) возрастает количество сочинительных связей, особенно в позиции между строками [Скулачева, Буюкова 2010]. То есть

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00385.

синтаксис используется для того, чтобы представить строки как сопоставимые, психологически равновесные и равнозначные отрезки речи, тогда как в прозе преобладает подчинение, то есть всё делается для того, чтобы логическая организация текста воспринималась максимально легко и однозначно.

Интонация. Было показано, что стихотворная строка отличается более выровненной, монотонной интонацией без логического выделения отдельных слов с интонационными завершителями как при интонации перечисления. Интонация перечисления – единственная не логическая интонация русского языка: так оформляется перечень равноважных объектов в прозе, так же читается непонятный или логически неорганизованный текст. При этом перечислительная интонация на концах строк часто появляется не только благодаря, но и вопреки синтаксису: между подлежащим и сказуемым, глаголом и его дополнением. Выровненная монотонная интонация появляется не только при чтении стихов, но и в молитве, при пограничных эмоциональных состояниях, в состоянии опьянения и т. д., то есть при измененных состояниях сознания [Янко 2010].

Информативность. Наиболее информативные слова оказываются в стихе не в конце синтагмы (где в прозе они подчеркиваются синтагматическим ударением), а почти равномерно распределяются по строке даже с некоторым преобладанием в начале строки [Скулачева, Буякова 2010].

Другие методы затруднения восприятия текста. Контекст в стихе не всегда способствует выбору единственного правильного значения слова, иногда он, напротив, добавляет возможные толкования. По устному предположению Ю.Д. Апресяна, стих отличается от прозы тем, что в стихе достаточно часто в одном слове реализуется несколько значений слова одновременно.

Более того, часто поэт предпринимает большие усилия к затруднению понимания текста. Так, в стихотворении М. Кузмина «Трази-менские тростники» один и тот же объект оказывается на протяжении короткого стихотворения то морем, то озером, то рекой, и автор постоянно, как на что-то хорошо известное, намекает на античный миф, который читатель знать не может, так как такого мифа, по утверждению одного из лучших российских античников М.Л. Гаспарова, не существует. При этом читатель стихотворного текста остается полностью удовлетворен своим пониманием текста, чего никогда не случилось бы в прозе в аналогичной ситуации.

Восприятие стиха. Были проведены эксперименты, чтобы проверить насколько легко замечаются грубые логические несоответствия в стихе и прозе. В прозе все читатели сразу замечали ошибку, в стихе текст полностью удовлетворял читателя [Киммельман 2012], т. е. исчезало критическое отношение к читаемому тексту, что может быть одним из признаков измененных состояний сознания.

Группа ученых из Университета Карнеги Меллон [Mason, Just 2007; Mitchell et al. 2008] и исследователи из нескольких британских университетов [Thierry et al. 2010; Keidel et al. 2013] показали, что при встрече с непонятным в тексте действительно происходит изменение конфигурации активных участков мозга, происходит подключение участков правого полушария. То есть, возможно, верно наше предположение [Skulacheva 2014] о том, что все найденные нами в стихе лингвистические механизмы работают на изменение конфигурации активных участков мозга, на подключение участков правого полушария, что и вызывает у читателя впечатление, что с одной стороны, слова продолжают значить то же самое, что и в прозе, а с другой стороны – что значение текста в целом как будто меняется: просто текст начинает по-другому восприниматься. Можно предположить, что мы вышли на наиболее базовые механизмы работы мозга с информацией – на механизмы активизации образного мышления в ущерб логическому. Работа с профессиональными физиологами и психологами, которую мы сейчас начинаем, должна привести к более ясному представлению о функциях замеченных нами лингвистических особенностей стиха в отличие от прозы.

ЛИТЕРАТУРА

- Скулачева Т.В., Буякова М.В. Стих и проза: сочинение и подчинение // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 18–32.
- Янко Т.Е. Просодия предложений со «снятой» иллокутивной силой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2010. № 9 (16). С. 609–621.
- Киммельман В.И. Поэзия и проза: семантический эксперимент // Славянский стих IX. М., 2012. С. 281–288.
- Keidel J.L., Davis P.M., Gonzalez-Diaz V., Martin C.D., Thierry G. How Shakespeare tempests the brain: Neuroimaging insights // Cortex. 2013. Vol. 49 (4). P. 913–919.
- Mason R.A., Just M.A. Lexical ambiguity in sentence comprehension // Brain Research. 2007. Vol. 1146. P. 115–127.
- Mitchell T.M., Shinkareva S.V., Carlson A., Chang K.-M., Malave V.L., Mason R.A., Just M.A. Predicting human brain activity associated with the meaning of nouns // Science. 2008. Vol. V. P. 320.

- Thierry G., Martin C.D., Gonzalez-Diaz V., Rezaie R., Roberts N., Davis P.M.* Event-related potential characterisation of the Shakespearean functional shift in narrative sentence structure // *Neuroimage*. 2008. Vol. 40 (2). P. 923–931.
- Skulacheva T.* Verse and prose: A Linguistic approach // *Poetry and poetics*. Bloomington (In), 2014. P. 239–248.

О.В. СОКОЛОВА

Москва

faustus3000@gmail.com

Особенности перевода авангардных окказионализмов (на материале «Футуристической кухни» Ф.Т. Маринетти)

В докладе будут рассмотрены окказиональные формы, характерные для итальянского футуризма в 1920–30-е гг., в аспекте проблемы перевода различных форм языкового эксперимента, реализуемого авангардистами как на уровне целого текста, так и на отдельных языковых уровнях.

В отличие от способов словообразования, распространенных в текстах итальянских футуристов в 1910-х гг. (*parole in libertà*), в конце 1920-х – 1930-е гг. возникает тенденция к созданию нового типа окказиональных форм, ориентированных на реализацию стратегии вытеснения заимствований из итальянского языка. Заявленная поэтическая стратегия пересекалась с политическими тенденциями того времени (ср. националистические установки фашистского режима Муссолини и манифест Маринетти «Против эстерофилии»). Тем не менее для Маринетти политическая революция была вторичной по отношению к революции языка и сознания, поэтому в книге «Футуристическая кухня» (1932) он провозглашает основные «итальянские свободы» – свободу итальянского языка от заимствований, а кухни – от европейских блюд.

Гастрономическая революция стала для футуристов продолжением предшествующих, проведенных ими революций – в языке и искусстве. Эстетические и языковые реформы итальянского футуризма, вдохновленные бурным индустриальным развитием городов, механизацией производства, динамикой машин и самолетов, охватили и кухню. Одержимые идеями радикальной трансформации не только языка, но и реальности, и общества, итальянские футуристы запустили гастрономическую революцию с целью изменения тела и

духа итальянцев, а также вытеснения иностранной культуры и объединения новой великой итальянской нации.

В докладе будут выделены основные способы словообразования, характерные для книги «Футуристическая кухня», среди которых можно выделить: суффиксальный способ (*pancismo* ‘пузизм’); словосложение (названия блюд и коктейлей: *ortotattile* ‘трогаемртом’ – различные виды овощей, которые можно только нюхать, погрузившись всем лицом; *brucioinbocca* ‘горюворту’; *svegliastomaco* ‘будитжелудок’; *placafame* ‘успокаиваетголод’; композитные образования (*piùmeneperdeviso* ‘плюсминусумножитьразделить’, *uomodonna-mezzanotte* ‘мужчинаженщинаполночь’) и креолизованные формы, включающие математические и графические элементы (*Equatore + Polo-Nord* ‘Экватор + Северный полюс’; *Carota + calzoni = professore* ‘Морковь + брюки = профессор’). Деривационные связи и способы создания окказионализмов концептуализируются, подвергаясь мета-языковой рефлексии в «Футуристической кухне». Так, приставки *con-* и *dis-* обозначают принципы комплементарности и противопоставленности, что реализуется в их сочетании с названиями дополнительных компонентов, сопровождающих подачу блюд, и подвергается рефлексии в манифесте. Образование новых слов при помощи приставок *con-* и *dis-* характеризует дополнительные компоненты, с которыми могут сочетаться блюда и напитки: *conprofumo* – термин, который обозначает обонятельное сходство какого-либо аромата со вкусом определенного блюда, *disprofumo* обозначает антонимическое понятие: ‘контрастность определенных запахов, шумов и тактильных ощущений по отношению к некоторым блюдам’.

Будут рассмотрены особенности перевода окказионализмов итальянских футуристов на русский язык: *carneplastico*, *quisibeve*, *santopalato* и др. Так, *quisibeve* состоит из наречия *qui* ‘здесь, тут’, частицы *si* и глагола *beve* (безличная конструкция *si + beve* ‘пьют’). Проблема возникает при переводе многозначного слова *qui*, которому соответствуют два эквивалента в русском языке (‘здесь, тут’). С другой стороны, в итальянском наречие места *qui* также имеет синоним *qua*. Если в русском языке *здесь* и *тут* имеют стилистическое (*здесь* – нормативное, *тут* – разговорное) и контекстуальное различия, то в итальянском *qui* и *qua* обозначают большую (*qui*) и меньшую (*qua*) степень конкретности местонахождения объекта. Учитывая базовую установку Маринетти на преодоление языковых конвенций и отказ от нормативного словоупотребления, в этом слу-

чае возможен перевод *quisibeve* как ‘тутпьют’. Также будут рассмотрены другие случаи соотношения многозначных слов в итальянском (*carneplastico; santopalato*) и соответствующих им нескольких эквивалентов в русском языке (*пластический, пластичный, пластмассовый; пластик; нёбо, чувство вкуса*), компоненты которых порождают семантически усложненные для интерпретации и перевода комплексы.

Т.П. СОКОЛОВА

Москва

tsokolova58@mail.ru

Неология в коммерческой номинации

Зона коммерческой номинации, под которой мы вслед за М.Е. Новичихиной понимаем «языковую номинацию учреждений и товаров, преследующую коммерческие цели» [Новичихина 2004: 3], в XXI в. значительно расширилась. Предприниматели чаще всего используют в качестве средств индивидуализации словесные и комбинированные обозначения: товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и коммерческие обозначения [Sokolova 2012]. Анализ корпуса названий товарных знаков и знаков обслуживания (открытые реестры Федерального института промышленной собственности, далее ФИПС), корпуса фирменных наименований (Единый государственный реестр юридических лиц, ЕГРЮЛ) и коммерческих обозначений (автором собрано около 2000 единиц) позволяет констатировать, что коммерческие названия создаются в результате лингвокреативной деятельности, прежде всего «массового лингвокреатива» [Ремчукова 2013: 83; 2016: 162].

Активизация неологизмов в создании товарных знаков и знаков обслуживания стала способом реализации юридического требования оригинальности, уникальности, неповторяемости словесного обозначения (для его регистрации в ФИПС). При этом неолексемы, словообразовательные неологизмы наряду с узуальными словоупотреблениями попадают в категорию «фантазийных обозначений» [Соколова 2016а: 181–184], что препятствует выявлению их специфики. Например, в сегменте «безалкогольные напитки (квас)» производители вынуждены либо создавать комбинированные обо-

значения, в которых главным различительным компонентом становится изображение, либо изобретать искусственные слова по продуктивным моделям словообразования (потенциальные слова): потенциальные апеллятивы (*Квасёнок*) и потенциальные онимы (*Квас Квасыч, Квасново*), либо сочетать инновацию словообразовательную с графогибридизацией (*КвасКо*). Хотя указанные неологизмы мотивированы существительным *квас*, номинаторы подчеркивают их «фантазийность», а значит «семантическую нейтральность для заявляемого перечня товаров и услуг», что не соответствует действительности.

Такие «квазифантазийные» неологизмы следует отличать от искусственно созданных слов, мотивирующая основа которых затемнена, например, новообразование *Тасёнок* создано по продуктивному словообразовательному типу, но семантика производящей основы *тас-* выявляется только невербальным компонентом креолизованного обозначения – изображением «стилизованной собаки», т. е. номинатор сознательно искажил производящую основу *такс(а)* в целях создания уникальной номинативной единицы.

От комбинированных обозначений следует отличать неологизмы-графодериваты, которые мы вслед за Т.В. Поповой рассматриваем как «креолизованные производные слова» [Попова 2009: 148]: *KiT, ZNAЙ NAШIX*.

Неология в фирменных наименованиях проявляется чаще всего в аббревиатурных неодериватах и усечениях: ООО «ЗИМ», ООО «КГБ» (качество, безопасность, гарантия), ООО «КГБ» (карельская гильдия барменов), ООО «ПРЕП», ООО «КРАС», ООО «КРАС-ДЕНТ», ООО «ЕВРО КРАС».

Наиболее свободные в юридическом плане (из-за отсутствия требований регистрации и экспертизы) коммерческие обозначения демонстрируют разнообразный арсенал современной неологии: ресторан *Пастарианец*, бар *Пороселло*, салон красоты *МоДаМо*, столовые *Мадам Повари*, *Блин Дашь*, *Котлетко*, *Маргаринка*, *Сытно-едофф*, апартаменты *NOVAАлексеевская* (на Староалексеевской улице), жилой комплекс *PerovSky* (в Перове), магазин оптики *ПроЗрение*, магазины *Обувашка*, *Мебельярд*, *Мебелька*, *Мебелини*.

Именно коммерческие обозначения размещаются на городских вывесках, что позволяет говорить о них как о коммерческих урбанонимах, которые часто являются креолизованными урбанонимами (представляют собой семиотический комплекс, включающий, по-

мимо вербального, изобразительный компонент) и вызывают неоднозначную реакцию горожан.

Для преодоления субъективизма в оценке лингвокреативной деятельности, воплощенной в коммерческой номинации, для разрешения конфликтных ситуаций необходима нейминговая экспертиза [Соколова 2016б].

ЛИТЕРАТУРА

- Новичихина М.Е.* Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2004.
- Попова Т.В.* Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива-1 / Под общ. ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2009. С. 147–175.
- Ремчукова Е.Н.* Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 83–88.
- Ремчукова Е.Н.* Прагматическая и эстетическая ценность «массового лингвокреатива» // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. Вып. 7. С. 157–167.
- Соколова Т.П.* Лингвокреатив в аспекте нейминговой экспертизы // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016а. Вып. 7. С. 179–194.
- Соколова Т.П.* Нейминговая экспертиза: организация и производство. М., 2016б.
- Sokolova T.* Examination of trade marks and company names as the means of individualization in Russia. Theoretical and methodological approaches to the problem // *Onoma*. 2012. Vol. 47. P. 263–279.

И.А. ТАРАСОВА

Саратов

tarasovaia@mail.ru

Эстетическая функция неологизмов в поэзии Георгия Иванова

Идиостиль Г. Иванова не отличается ярким словотворчеством. Своеобразие его неологии определяется не нарушением норм словообразования, а необычным лексико-семантическим наполнением регулярных моделей. Большинство неолексем Иванова является потенциальными словами, т.е. новообразованиями, созданными в соответствии с языковыми словообразовательными моделями. Их эстетическая функция состоит в гармоническом соответствии слова и образа, в экспликации связи между поэтической номинацией и

основными стилевыми чертами и категориями поэтического мира художника.

Проведенный нами анализ словоупотребления Г. Иванова показал, что на протяжении всех периодов творчества ведущим способом словопроизводства для поэта является сложение в его трех разновидностях.

На первом месте по частотности – продуктивная модель образования сложных прилагательных с соединительной гласной *-о-*. Всего по этой модели образовано около 30 прилагательных. В этом типе выделяется несколько семантических групп, обладающих различными художественными функциями.

Группа сложных прилагательных цвета играет в раннем творчестве поэта, отличающемся живописной доминантой, изобразительную роль. Цветовые сложные эпитеты передают различные оттенки зрительного восприятия любимых объектов поэтического мира раннего Иванова (луны, заката, Невы). В основном это цветовые оттенки красно-желтой гаммы: *янтарно-алый, янтарно-розовый, янтарно-золотой, рдяно-золотой, рдяно-алый, медно-красный, оранжево-медный, розово-серый, дымно-розовый* и др. В позднем творчестве эта стилевая особенность подвергается разоблачающей метаоценке и осознается как поэтический штамп: *Былое... Та же скука и вино Под тем же заревом банально-красным* [Иванов 1994: 503]. Количество сложных цветовых обозначений резко снижается, одновременно изменяется их цветовая гамма. Цветовые созвучия организуются вокруг синего и черного цветов, обладающих в идиостиле Иванова символическим смыслом. Синий и черный для поэта – это цвета смерти и вечности [Тарасова 2008]. Эта семантика сохраняется в сложных прилагательных с названными компонентами: *черно-желтая (заря), черно-рыжая (страница), сине-звездный (воздух)*. Символическая интерпретация каждой из этих неолексем поддерживается как макроконтэкстом стихотворения, так и ее интра- и интертекстуальными связями.

Вторая семантическая группа объединяет *композицы с эмоциональной интерпретантой признака*. Количество этих прилагательных увеличивается от раннего к позднему периоду творчества, что связано с усилением субъективности стихотворных текстов Г. Иванова вообще: *грустно-знакомый, сладостно-нечеткий, торжественно-бесчеловечный, бессмысленно-сладкий, бессмысленно-злой, вкрадчиво-печальный, отвратительно-смешны* и др. К этой смыс-

ловой группе примыкают два сложных наречия на -о: *блаженно-беспечно* и *тревожно-прохладно*.

По окказиональной модели, объединяющей три компонента, образованы два прилагательных: *влажно-сиренево-солнечный* (день) и *кофе-чай-сахарный* (пакет). Первое призвано передать нерасчлененное импрессионистическое впечатление, второе участвует в создании трагико-иронического модуса высказывания.

На втором месте по частотности – модель образования сложных слов с префиксоидом *полу-*. В текстах Иванова отмечены узуальные лексемы этого типа (например, *полутона*, *полусонный*). Новообразования, созданные по этой модели, встречаются в текстах сериями, что подчеркивает словообразовательную рефлексию поэта над этим типом: *полусотворенный*, *полужизнь*, *полуусталость*; *полу-мечта*, *полу-хвала*; *полу-зима*, *полу-весна*. Игровое переосмысление префиксоида наблюдается в миниатюре 1953 г.: *Полу-жалость. Полу-отвращенье. Полу-память. Полу-ощущенье, Полу-неизвестно что, Полы моего пальто...* Концовка стихотворения позволяет трактовать паронимическое соположение ключевых компонентов (морфемы и полнозначного слова) как проявление мировой иронии: *Полы моего пальто? Так вот в чем дело! Чуть меня машина не задела И умчалась вдаль, забрызгав грязью. Начал вытирать, запачкал руки... Все еще мне не привыкнуть к скуке, Скуке мирового безобразья!* [Иванов 1994: 384].

В позднем творчестве Г. Иванова используется оригинальная разновидность модели образования сложного слова без соединительной гласной (сложносоставной способ). Особенно интересны новообразования, имитирующие так называемые двандва (фольклорные синонимы) [Никитина 1993], образцом которых может служить встречающаяся в текстах Иванова лексема *море-океан*. Специфика авторской интерпретации двандва состоит в том, что между компонентами модели обнаруживаются отношения не только контекстуальной синонимии, но и языковой антонимии, другими словами, их семантика близка к оксюмору: *закат-рассвет*, *расцвет-увяданье*, *встреча-прощанье*, *осень-весен*, *встаем-ложимся* и др. Эти неологизмы передают текстовый смысл незначимости дифференциальных признаков повторяющихся явлений и событий и эксплицируют такие определяющие для идиостиля поэта категории, как антиномичность и амбивалентность.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов Г.В.* Собрание соч. В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1994.
Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
Тарасова И.А. Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова. Саратов, 2008.

Н.Т. ТАРУМОВА

Москва

n-tarumova@yandex.ru

Словотворчество в художественных текстах **А. Белого как объект лингвистического исследования**

Результаты исследования показали, что Андрей Белый очень широко и разнообразно использовал в своем творчестве, особенно в прозе, возможности русского словообразования [Тарумова, Шумарина 2001: 509–518]. В частности, этому вопросу посвящены работы Н.А. Кожевниковой [1992; 2001]. Однако авторские неологизмы, как правило, остаются за пределами систематического лексикографического описания, и ознакомиться с ними можно лишь по разрозненным примерам, приводимым исследователями языка того или иного писателя. В области словотворчества Хлебникова имеется монография В.П. Григорьева «Будетлянин» [Григорьев 2000], в состав которой вошли две вышедшие ранее монографии – «Грамматика идиостиля: В. Хлебников» и «Словотворчество и смежные проблемы языка поэта». Ранее издан «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» Н.Н. Перцовой (1995). Окационализмы М. Цветаевой вошли в состав «Словаря поэтического языка М. Цветаевой» под ред. О.Г. Ревзиной (1996–2004). В области словотворчества А. Белого имеется монография Lily Hindley, в которой приведена часть неологизмов Белого (1966). Особый интерес в этом плане представляет архивный материал К.Н. Бугаевой (вдовы писателя), хранящийся в рукописных отделах Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (ОР РНБ) и Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) в Москве.

Экспериментируя со словом, соединяя в одном контексте различные стилевые пласты, Белый создавал особый язык, значительный массив языковых единиц, не зафиксированных словарями русского языка. Среди них большую часть составляют слова, которые теоре-

тически могут существовать в живом разговорном языке как образования по продуктивным моделям и с помощью продуктивных аффиксов. В частности, в романе «Москва» самым продуктивным префиксом является *-за-* [Тарумова 2005]. «Языковая инициатива» Белого проявляется: в неожиданной метафоре (*Наш ослепительный ответ*); в необычной собирательной форме (*алмазник, блисталище, летиница, паутинник*); в выборе необычных эпитетов (*неутихающий покой, забрежвившая жизнь*); необычных сочетаний, «сдвигающих» привычные ассоциации (*восход лучей* вместо *восход солнца, вопросы света слов* вместо *словесного света, сладострастное бесстрастие, брызги тверди*); в использовании фразеологических средств – сопоставление в тексте пар «пух – пушинка и прах – прашилка» связано с устойчивым сочетанием «в пух и прах» (*с легкостью, уподобляясь пушинке, взвешиваемой в воздух...; С легкостью, уподобляясь прашилке, «знаменитый» писатель, слетевши с кресла, <...>, стал на ковре...*) [Белый 1933: 113, 195]. Изучение функционирования неологизмов в рамках контекста показало интересные ассоциативные связи со словом. В неологизме *староколенный* мотивирующие слова *старый* и *колено*, он ассоциируется с переулками Кривоколенный, Кривоарбатский и Староконюшенный. Можно предположить, что Белый от названия переулков создает слово и образ старого жителя Арбата и Москвы: *староколенный арбатец, староколенный москвич* и *староколенная Москва*; мы видим, что здесь есть ассоциация со старым поколением. Кроме того, писатель также предлагает сочетания с другими словами (*староколеннейший член, староколенная метафизика, староколенный метафизик, староколенный Арбат, староколеннейшая писательница, староколеннейший В.В. Переплетчиков и Безобразов*) [Белый 1933: 89, 98, 108, 137, 208, 266, 303, 316; 1934: 202, 232, 334]. Интересны приложения, встречающиеся в разных произведениях писателя и обозначающие характеристику лиц и предметов. Нередко они сливаются в цельное сочетание: *царь-миротворец, мужик-многоноша, гимназистик-драниц, бурячок-мужичок, теттино-дотоно, церковь-красавица, церковь-уникум, Птица-мечтатель, Царь-Ветер, лицо-жемчужина, старец-вьюга, солнце-кольцо, снежинка-пушинка, негр-моська, конь-птица, невеста-метелица* и др. Неология Белого обнаруживает черты сходства с неологией Хлебникова, например, в словообразовании обоих распространены редкие суффиксы и унификсы (ср. у Белого: *-ень – выгибень, вышибень, серень*; *-ель – мертвель* и т. п.) [Тарумова 2005: 104].

Тексты А. Белого, обусловленные своеобразными художественными задачами, насыщены необычными словами разного происхождения, которые противостоят языковым нормам.

ЛИТЕРАТУРА

- Белый А.* Начало века. М.; Л., 1933.
Белый А. Между двух революций. Л., 1934.
Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000.
Кожевникова Н.А. Язык Андрея Белого. М., 1992.
Кожевникова Н.А. Словообразовательные гнезда в романе «Москва» // Текст. Интертекст. Культура. М., 2001. С. 520–532.
Тарумова Н.Т. Неология в описаниях портретов и ситуаций в творчестве А. Белого // Понимание в коммуникации. 2005: Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2005. С. 104–107.
Тарумова Н.Т., Шумарина И.В. Неологизмы в творчестве Андрея Белого как объект лингвистического исследования // Текст. Интертекст. Культура. М., 2001. С. 509–519.
Hindley L. Die neologismen Andrej Belyjs. Wilhelm Fink Verlag München, 1966.

Б. ТОШОВИЧ

Грац (Австрия)

branko.tosovic@uni-graz.at

Семантика, стилистика и поэтика графодеривации

Предметом анализа являются семантические, стилистические и поэтические аспекты графодеривации (ГрафДер) – способа образования, написания и умышленного искажения слов, переосмысления реально существующего слова и с его изменением графического облика, графическо-словообразовательной игры окказионального характера. Единицы ГрафДер из-за своей гибридности трудно отнести к определенному уровню языка, но они ближе всего к стилистическому и словообразовательному. ГрафДер отличается уровневой редукцией (ограничивается письменной речью), визуализацией, стилистической маркировкой, окказиональностью и новизной. Ее можно толковать в узком и широком случае. В первом ГрафДер охватывает только те явления, которые имеют сугубо словообразовательный характер. Во втором подразумевается любая игра с графикой в целях создания эфффекта.

ГрафДер является одной из основных частей метаграфики (МетаГраф), которая зарождается на пересечении графики (d_1), семанти-

ки (d_2), словообразования (d_3), стилистики (d_4), реже морфологии (d_5) и синтаксиса (d_6). Графика является облигаторным и центральным членом этого квадрата. Семантика представлена двумя возможностями: а) модификацией формы, влекущей за собой модификацию значения, б) модификацией формы без изменения или модификации значения. Словообразование является важной частью ГрафДер в случае возникновения производного слова. Из всех вышеупомянутых дисциплин стилистика больше, шире и глубже всех охватывает то, что порождается МетаГраф. Сам факт того, что (а) метаграфемы и графодериваты являются почти всегда экспрессивными и что (б) экспрессивность – фундаментальная стилистическая категория, подсказывает мысль о том, что материал, генерируемый МетаГраф и ГрафДер, относится в первую очередь к стилистике (d_4), в то время как для семантики (d_2) он интересен тогда, когда меняется значение, а для словообразования (d_3), когда речь идет о собственно производном слове. Не случайно то, что только в рамках d_4 существует отдельная часть с графикой как предметом изучения – графостилистика (графическая стилистика). Но в любом соотношении: (1) $d_1 \leftrightarrow d_2$, (2) $d_1 \leftrightarrow d_3$, (3) $d_1 \leftrightarrow d_4$ нельзя ставить знак равенства между первым и вторым коррелятом, так как в симбиозе 1 ($d_1 \leftrightarrow d_2$) только одна часть метаграфем и графодериватов обладает семантической значимостью, в корреляции 2 ($d_1 \leftrightarrow d_3$) многие из ее конститuant не являются словообразовательными единицами, а во взаимодействии 3 ($d_1 \leftrightarrow d_4$) из трех типов МетаГраф – каузативной (вынужденной, номинативной, назывной), утилитарной (конструктивной и деструктивной) и экспрессивной лишь последняя является стилистически релевантной. Квадрат графики, семантики, словообразования и стилистики расширяется в некоторых случаях синтаксисом (d_6), например, при порождении голофразиса, и морфологией (d_6) – когда происходит морфемное псевдочленение. В поэтике (d_7) МетаГраф играет немаловажную роль. Для толкования данного вопроса важным является параграфемика (d_8) – раздел языкознания, занимающийся изучением невербальных средств, сопровождающих письменную речь.

Из-за того, что материал ГрафДер является преимущественно стилистическим, в дальнейшем анализе в центре внимания будет этот уровень.

До появления интернета стилистический потенциал графики, формы, методы и приемы ее экспрессивизации рассматривались в

рамках графостилистики (графической стилистики), но очень непоследовательно и несистемно (во многих учебниках по стилистике раздел об этом полностью отсутствовал). С появлением интернета стилистическая значимость графики сильно возросла и превратилась в важнейший способ презентации языкового материала и, что особенно важно, воздействия на пользователей. Это привело к тому, что понятие графостилистики стало довольно узким для всего того, что порождается Всемирной Паутиной. Настало время мультимедиальной стилистики, занимающейся стилистическими, экспрессивно-эмоциональными и выразительными приемами, средствами, формами и результатами интеграции языкового и неязыкового кодов. Стилистическая мультимедиальность ориентирована на воздействие экспрессивно-эмоционального характера (людистическое, демонстративное, деструктивное, провокационное). В ней наблюдаются две основные ориентации: одна направлена на создание эффекта, другая имеет нейтральный характер. В кодировании мультимедиальности «А экспрессирует Б» или «А не экспрессирует Б», а в декодировании «А импрессирует Б» или «А не импрессирует Б».

Учитывая всё изложенное, нами создана модель МетаГраф, которую составляют следующие категории: 1) интраграфия (использование базовых графем), 2) интерграфия (употребление периферийных, дополнительных графем), 3) супраграфия (шрифтовыведение, колоризация, конфигурация), 4) суперграфия (голофразис, гендиадис), 5) ретрография (симбиоз синхронических и диахронических букв), 6) экстраграфия (интеграция писем и языков) и 7) параграфия (объединение языкового и неязыкового кодов – рисунков, иконок, фото, иллюстраций и др.; литуративизация, эрративизация).

ЛИТЕРАТУРА

- Амири Л.П.* Средства визуальной актуализации как графосемантическая разновидность языковой игры в креолизованных текстах рекламной коммуникации // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 30–36.
- Арямова О.В.* Метаграфемика композиционно-речевых структур новейшей русской художественной прозы // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 11–14.
- Иванова Ж.В.* Графическая игра: опыт комплексного анализа // Научная мысль Кавказа. 2009. № 2. С. 122–126.
- Игнатьева Т.В.* Графическая игра в современной художественной литературе // Русская речь. 2012. № 4. С. 40–42.

- Ильясова С.В., Амири Л.П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.
- Максимов В.И.* Графические игры // Русская речь. 2003. № 5. С. 66–68.
- Наугольных Е.А.* Графическое словообразование в авторском словотворчестве: особенности перевода // Вестник Пермского нац. исслед. политехн. ун-та: Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 1. С. 43–50.
- Попова Т.В.* Современные графо-орфографические игры: коммуникативные аспекты удачи и неудачи (на материале графикатов русского языка рубежа XX–XXI вв.) // Лингвистика креатива-2 / Под общ. ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2012. С. 199–233.
- Пучина А.С.* Графодериваты как особые единицы речи // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 16 (307). С. 102–104.
- Суховой Д.* Графика современной русской поэзии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOVEI/disser/index.html>
- Фатеева Н.* Метаграфемика как отражение авангардного мышления (Metagraphemics as Expression of Avant-garde Thought) // Russian Literature. Amsterdam. LXVII. 2000. III/IV. P. 303–317.

Л.В. УХОВА

Ярославль

larissauchowa@mail.ru

Неологизмы как средство адресации в рекламном тексте

Традиционно при анализе рекламного текста принято говорить о его **коммуникативной эффективности**. Компонентами последней являются: 1) когнитивный компонент (понимание, знание), 2) эмоциональный компонент (отношение), 3) конативный компонент (поведение). Следовательно, эффективный рекламный текст должен привлечь внимание потребителя, запомниться ему, вызвать или помочь сформировать определенное эмоциональное отношение к заложенной в тексте информации и, в идеале, побудить к определенному действию. Однако всё это возможно только в том случае, если рекламный текст будет понятен потребителю, то есть иллюкутивная сила послания будет декодирована так, как хотел этого сам автор текста [Ухова 2011].

Языковая игра сегодня – частотный компонент рекламных текстов вербально-визуального типа, к которому с оговоркой можно отнести и тексты наружной рекламы. В наружной рекламе следует придерживаться принципа: «Короткий контакт – максимальное воз-

действие», и здесь самое место применению языковой игры с ее компрессией смысла, одним из популярных механизмов которой являются неологизмы. Однако можно ли считать языковую игру эффективным средством адресации в рекламном тексте?

Языковая игра понимается нами как «осознанное нарушение стереотипа, закономерностей функционирования языковых единиц в определенном окружении и нормы в языковом понимании социума и конкретного индивида, используемое для усиления выразительности рекламного текста с определенной материальной целью – продажей рекламируемого товара или услуги» [Ильясова, Амири 2009: 36]. Язык рекламы – это не только система лингвистических и экстралингвистических средств выражения, подчиняющихся, прежде всего, массовой коммуникации, а потом уже правилам общелитературным, но и языковая структура, формирующая восприятие определенной информации адресатом с учетом социолингвистических, психолингвистических и лингвокультурологических особенностей той языковой среды, в которой данный адресат существует.

Понятие языка рекламы как системы лингвистических средств основывается на категориях прагматики – выборе языковых средств как результате их оценки, их соответствия определенному модусу речи. Реклама должна быть понятной, емкой, легко запоминающейся, интригующей и убедительной. Языковая игра – это, с одной стороны, явление экспрессивной речи, неизбежно привлекающее внимание адресата, способное вызвать интерес к сообщению, сформировать отношение к предмету речи, а с другой – продукт интеллектуальной деятельности, следовательно, его интерпретация зависит от интеллектуального уровня адресата [Ухова 2012]. Предмет языковой игры может быть адекватно понят только тем адресатом, который был спрогнозирован автором сообщения. В этом суть нашего понимания языковой игры как средства адресации.

Приведем примеры наиболее популярных приемов языковой игры с использованием неологизмов, встречающихся в текстах наружной рекламы г. Ярославля. Такими приемами являются, прежде всего, **графические** и **морфологические** приемы языковой игры.

В сфере рекламы широко используется прием выделения в слове шрифтом или цветом некоторой части, имеющей самостоятельное значение [Боумен 1997]. Цели использования графических приемов в рекламе могут быть следующими:

1) привлечение внимания реципиента – потенциального потребителя;

2) графическая трансформация слова или текста и извлечение из него дополнительного содержания.

В текстах наружной рекламы г. Ярославля чаще всего встречаются следующие виды графической игры:

– прием графической трансформации узуального слова [Фещенко 2003], например: *Удачные подарки* [дачные + удачные] (реклама молочных продуктов Danon); подтекст: *Дачные подарки! Удачные подарки!*;

– шрифтовыделение [Ильясова, Амири 2009], где в качестве графически выделенного сегмента чаще всего выступает название фирмы или компании, предоставляющей рекламируемый товар или услугу, например: *КуПИКквартиру* (реклама строительной компании «ПИК регион»);

– использование приемов параграфемии, например использование латиницы: *Двигай на вечеGREENку!* (реклама пива Tuborg Green).

Примером **морфологической языковой игры** может служить гиперболизация, использование которой направлено на привлечение внимания потребителя к качеству товара. Одним из таких приемов в языке наружной рекламы является создание окказиональных прилагательных и окказиональных степеней сравнения относительных прилагательных, получающее сегодня всё более широкое распространение, например: *Самый летний Интернет* (реклама нового тарифа МТС); *Новый мебеличайший центр* (реклама нового магазина мебели «Аллегро»).

Итак, многообразие приемов языковой игры в языке рекламы свидетельствует о формировании особых технологий по созданию рекламного текста. Ряд игровых приемов приобрел устойчивое употребление в языке наружной рекламы. Однако использовать приемы языковой игры нужно с особой осторожностью, чтобы избежать коммуникативной неудачи в случае, если дешифровка текста вызовет большие затруднения у реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

Боумен У.Д. Графическое представление информации. М., 1997.

Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.

- Ухова Л.В. Внутренняя структура рекламного текста: к вопросу об эффективности коммуникации // Вестник Ярославского государственного ун-та им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 159–163.
- Ухова Л.В. Стереотипность и креативность рекламного текста: к вопросу об эффективности коммуникации // Стереотипность и творчество в тексте / Под ред. М.П. Котюровой. Пермь, 2012. С. 163–172.
- Фещенко Л.Г. Структура рекламного текста: Учебно-практическое пособие. СПб., 2003.

Н.А. ФАТЕЕВА

Москва

nafata@rambler.ru

Солюби, исчезаясь, мой ноч: **о неологии в поэтической грамматике**

В современной поэзии сильна установка на эксперимент, т. е. отчетливо выражено стремление динамизировать грамматическую систему языка и этим достичь семантической многомерности высказываний. При этом всегда ставится вопрос, насколько порождаемый такими опытами по «сдвигу» форм смысл, во-первых, выводим из существующих знаний о самом языке, его истории и функционировании; во-вторых, способен быть воспринят читателями. Интересно также оценить, насколько изменения, происходящие в рамках языка художественной литературы, обусловлены общезыковыми процессами и насколько они детерминированы именно поэтической функцией языка.

В своем докладе мы рассмотрим те грамматические девиации, которые при взаимодействии со словообразовательным и лексическим уровнями реализуют изобразительные и креативные средства языка. Специальное внимание будет уделено возвратным глагольным формам, демонстрирующим подвижность семантической структуры на фоне общей обратимости субъектно-объектных синтаксических связей (типа *умираешься, исчезаешься, заснушь*; в том числе неологическим: *бисериться перед свиньями*), а также формам, в которых возвратность намеренно снимается (*Вот не думала, что доживу, дождю До подгнивших слив* (Е. Шварц)), при этом модифицируется и система управления глагола (*кто этот сон приснил* (В. Черешня)).

В поэтическом языке нашего времени наблюдается и особая тенденция образования глагольных форм императива, в которых новое значение также обусловлено необычным управлением. Чаще всего это связано с появлением прямого объекта, что делает непереходный глагол переходным (*Помолчи меня, замолчи меня, усни меня, соллوبي меня*). В случае же, когда мы имеем дело с переходным глаголом, необычным в позиции прямого объекта является *Изживай, избевай же меня, бессмертный мой* (В. Полозкова). Отличительным свойством всех этих форм является то, что они приобретают каузативное значение.

Поле для поэтического эксперимента оказываются также окказиональные краткие прилагательные, прежде всего образованные от относительных (*понеделен, вторничен, летен, диванн*), страдательные причастия настоящего времени на *-ем/-им*, когда они образуются от непереходных глаголов (*летимый, веримый*) либо от переходных глаголов, но в такой форме неиспользуемых (*обидимый*). Интерес вызывают и формы сравнительной степени прилагательных и наречий, образованные от существительных (*дровее, ослей*), числительных (*однее*), а также от любых прилагательных, которые в обычном языке ее не образуют (*небесней, забытей, одиночнее, ветрей, морей*). Обращают на себя внимания и особые формы наречий, образованные от существительных (*ветрым-ветро, тюрьмым-тюрьма*).

Особое внимание будет уделено образованию отместоименных существительных (*твоязнь, бестебье, никтобы, чьятость*). В докладе также будут рассмотрены родовые девиации, таящие в себе образный потенциал (*моя дождь, всякая тополь, лунное лицо*). Будут выявлены креативные функции данных форм.

В.В. ФЕЩЕНКО

Москва

takovich2@gmail.com

Роль языковых аномалий в прогрессе лингвистической науки: к полемике Хомского и Якобсона

При рассмотрении неологических процессов в художественном эксперименте в его связи с лингвистическими концепциями нельзя обойти стороной вопрос о том, насколько **аномальны** все те явле-

ния, которые мы регистрируем в подобных текстах. Также существенен вопрос о влиянии языковых аномалий на сам прогресс лингвистической науки. В общем виде роль аномалии в научном знании была обстоятельно обоснована Т. Куном в его теории научных революций. Согласно Куну, предпосылкой любой научной революции служит появление аномальных фактов. Аномальные факты создают кризис в научной теории и побуждают ученых искать новые объяснительные модели. Таким образом, к примеру, была изобретена так называемая лейденская банка, ставшая результатом осознания аномалии в области электричества, а это изобретение породило целую научную парадигму в электрофизике.

Можно ли применить описанный подход к научным революциям в области языкознания? Не являлись ли аномальные факты языковой деятельности стимулом для создания новых парадигм в лингвистике? В докладе мы рассматриваем некоторые примеры из языковой практики, которые своей аномальностью наталкивали лингвистов на новые осмысления природы языка.

Аномалия понимается в общем виде как отклонение от нормального состояния какого-либо явления. Так, еще сто лет назад, в 1915 г., американский лингвист Э. Сэпир опубликовал статью об аномальных речевых приемах в североамериканском языке нутка. Аномальными он их назвал потому, что правила данного языка не укладывались в существовавшие к тому моменту законы языкового устройства большинства языков, следовательно, они были признаны отклонениями от общей закономерности. Общее определение аномалии в лингвистике впервые было дано в 1970-е гг. Ю.Д. Апресяном, понимавшим под ней «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» и видевшим в ней «точки роста новых явлений». В дальнейшем такие лингвисты, как Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, Б.А. Успенский и др., предложили классификации аномальных употреблений в языке. Следующим шагом в этом направлении стали работы по аномалиям в литературном тексте. И.М. Кобозева и Т.Б. Радбиль выделили разновидности аномальной вербализации текстовых категорий: связности, целостности, единства, субъективной модальности и др. Т.Б. Радбиль не только рассматривает всё многообразие аномалий на различных уровнях языка конкретного автора (А. Платонова), но и ставит вопрос о специфических «текстовых аномалиях». На основе существующих трудов о языковых аномалиях можно сформулировать рабочее семиотическое

определение аномального текста как любой написанной или произнесенной последовательности языковых знаков, демонстрирующих те или иные девиации от принятых в стандартном языке законов сочетаемости знаков и смыслов и, следовательно, отклоняющихся от принятых моделей коммуникации, понимания и интерпретации в рамках данной знаковой системы. Аномальный текст является результатом языкового эксперимента, либо намеренного, либо ненамеренного. При этом функции языкового эксперимента могут быть различными и могут выражаться в различных коммуникативных процедурах – порождение текста на искусственном, воображаемом, неизвестном или изобретаемом языке; языковая игра, лингвистический мысленный эксперимент, патологии речи и некоторые другие.

Языковой эксперимент определяется нами как языковая деятельность по исследованию возможностей языка за пределами обыденной коммуникации, при этом эксперимент может выполнять три основные функции: эстетическую, эвристическую, лудическую. Эксперимент как метод представляет собой системное явление, основанное на качественном изменении исходного языкового материала, на смещении пропорций в его структуре, с целью его преобразования. Эксперимент интересен и важен для лингвистического знания тем, что он указывает на границы принятого языка общения. Известно, что принцип «так нельзя сказать» имеет большую эвристическую ценность в современных исследованиях по грамматике, семантике и прагматике. Следовательно, языковой эксперимент служит для лингвистики инструментом языковой рефлексии, когда отклонения от нормы указывают, с одной стороны, на пределы языковой компетенции, а с другой – выявляют потенции языка, заложенные в нем, но не актуализованные в узуальном употреблении.

Мы рассматриваем лишь те языковые аномалии, которые можно назвать вслед за Т.В. Булыгиной «непереосмысляемыми» и которые являются результатом сознательного или бессознательного текстопорождения. Речь идет о различных аномалиях, представляющих проблему для интерпретации реципиентами и, что более важно, ставящих проблему для самих лингвистов, вынужденных проверять на прочность свои инструменты лингвистического анализа при обращении к подобного рода текстам.

Метонимия метафоре: парадокс когнитивной метафоры

1. В рамках семантической деривации В.В. Виноградов предлагал различать два принципиально разных по выполняемым в речи функциям типа значения: номинативно-производное (*капли* как ‘лекарственная форма’) [Виноградов 1977: 168], заполняющее лексические пустоты, служащее исключительно целям номинации и создающее, по сути дела, слова-омонимы, и переносное (косвенно-производное), выполняющее экспрессивную функцию и остающееся в пределах либо того же слова (*зеленый* специалист), либо определенного контекста употребления (*когти* смерти – по Виноградову, это переносное употребление слова *когти*, но не значение). Именно косвенно-производное значение является образным в том лингвистическом понимании термина «образ», которое предполагает его двуплановость, проистекающую из совмещения двух представлений об одном явлении, сложно взаимодействующих и «переплавляющихся» в единое фигуральное, тропеическое обозначение референта (М. Блэк, Н.Д. Арутюнова). Именно этот тип значения следует считать собственно переносным, фигуральным в отличие от номинативно-производного, не утратившего в своем содержании мотивационной основы, выполняющей в производном слове-омониме роль внутренней формы. Именно этот результат внутрисловной (семантической) деривации создает «Т-язык-tensive language» [Уилрайт 1990] или «коннотативную систему» [Барт 1975].

2. Метафора как перенос имени с одного явления на другое на основе сходства имманентно присущих им свойств и признаков изучена глубоко и всесторонне, но единого свода параметров, по которым можно было бы создать универсальную лингвистическую типологию метафоры, не существует. Между тем отличие метафоры от метонимии в лингвистической аргументации, кажется, уже не нуждается. Однако есть особые случаи создания таких речевых конструкций, которые на поверхности языка выступают как метафоры, тогда как в основе их создания лежит метонимия. Р. Якобсон определил две логические возможности речепорождения: «Речевое собы-

тие может развиваться по двум смысловым линиям: одна тема может переходить в другую либо по подобию (сходству), либо по смежности» [Якобсон 1990: 126]. Предложенное Якобсоном в одной из ранних работ понимание метафоры как «параллелизма, эллиптически сведенного к точке» [Якобсон 1987: 299], считается «не вполне прозрачной с точки зрения классической риторики трактовкой» [Цвигун 2007: 69]. Между тем в якобсоновской трактовке заложен глубокий смысл, но соотносится его трактовка лишь с одним типом метафоры, выделенным в рамках современной лингвистической концепции, которая была разработана Н.Д. Арутюновой, – с метафорой предикатной, или когнитивной [Арутюнова 1999: 362–366], типологическая структура которой $N_{\text{ABSTR}} + \text{ADG/VERB}_{\text{DESCR}}$: *твердая воля, потерять авторитет*.

3. В контексте хорошо известного текста песни *Смерть не страшна, с ней в бою мы встречались не раз, вот и теперь надо мною она кружится* когнитивная метафора *она (смерть) кружится* возникла в результате эллипсиса целого предложения, отражающего восприятие наблюдателем конкретной ситуации: вороньё кружится над полем боя. Но восприятие этой ситуации прочно стоит на лингвокультурном стереотипе, в котором вороньё – символ смерти. Кружение воронья в ситуации «поле боя» – ее знаковая, символически осмысляемая часть, позволяющая имени *смерть* принять в качестве вторичного предиката глагол *кружиться* в его косвенно-производном (переносном) значении с имплицитным вспомогательным субъектом *вороньё*. Механизм возникновения метафоры в этом и многих других подобных случаях – синекдоха, трактуемая традиционно как разновидность метонимии и связываемая с обозначением ситуации (в данном контексте – это возможная смерть на поле) по ее неотъемлемой пространственной части (вороньё), связанной, в свою очередь, с целостной ситуацией причинно-следственными отношениями (где смерть, там вороньё). Налицо параллелизм актантов ситуации, «эллиптически сведенный к точке».

4. При сравнении переводов хорошо известного «66 сонета» Шекспира на русский язык метонимическая метафора обнаруживается в разных, но совпадающих синтагмах: *Мне видеть невтерпеж Достоинство, что просит подаянья* (пер. С. Маршака), *Устал я жить и умереть хочу, Достоинство в отренье видя рваном* (пер. А. Финкеля). Хотя в оригинале во второй строке представлено имя лица *a beggar* – ‘нищий, бедняк, попрошайка’ (*As, to behold desert a*

beggar born), на фоне олицетворенных абстракций, из которых соткан сонет, и оно в этих переводах перифрастически представлено как «бедное, нищее достоинство», но может быть передано и дословно: *Тоска смотреть, как мается бедняк, И как шутя живется богачу* (пер. Б. Пастернака). В таких контекстах, как *Одиночество ест со сковородки* (Т. Толстая), работает тот же самый механизм метафоризации метонимии. Арутюнова отмечает, что «переход признакового значения в идентифицирующее неблагоприятен для метафоры» и что такая метафора «обычно имеет искусственный характер» [Арутюнова 1999: 360]. Следует отметить, что этот механизм срабатывает всегда, когда целое называется по его части, но частью является не предмет одежды, как в *Старый тулуп крикнул*, а гипостазированный параметр (например, *мудрость*), обрастающий своими вторичными предикатами: *Когда обиженная мудрость пронзает мир колючим взглядом, остерегаться ее надо*.

5. В.П. Григорьев, исследуя «метафоры-сравнения», особое внимание обращает на соединение в генитивной структуре имен конкретного и абстрактного (*телега жизни, белая птица спасения*), считая эти случаи «более сложными», «интерпретация которых как СрМтф далеко не очевидна» [Григорьев 1979: 200]. Но и эти «способы словопреобразования» подпадают под когнитивную метафору, что позволяет углублять ее типологию. Представляется лингвистически обоснованным исследование взаимодействия не только метафоры и сравнения, но также метонимии и метафоры в поэтическом тексте с его «теснотой и единством стихового ряда» (Ю. Тынянов), в создании которых большую роль играет эллипсис.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 114–163.
- Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979.
- Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. М., 1990. С. 82–109.
- Цвигун Т.В. Метонимия как «нулевая степень письма» Романа Якобсона // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Филология, Педагогика, Психология. Калининград, 2007. № 6. С. 69–73.
- Якобсон Р. Новейшая русская поэзия // Работы по поэтике. М., 1987. С. 272–316.
- Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990. С. 110–132.

Л.Л. ШЕСТАКОВА

Москва

lara.shestakova@mail.ru

Авторские неологизмы в словарной перспективе

Начало активного описания индивидуально-авторских неологизмов средствами авторской (писательской) лексикографии относится к середине 1990-х гг. Важным событием стал в этой связи выход в свет «Словаря неологизмов Велимира Хлебникова» Н.Н. Перцовой (1995), во многом ускорившего работу по словарной интерпретации авторской неологии.

Среди заметных процессов, отмечаемых в современной авторской лексикографии, выделяется, по нашим наблюдениям, процесс оформления ее отдельных подотраслей. К их числу относится, полагаем, и авторская неография. Говорить об этом именно сейчас позволяет наличие двух важных факторов: это разрастание совокупности словарей, описывающих авторские неологизмы, и, что особенно важно, формирование теоретических основ авторской неографии, разработка и апробация методик создания соответствующих словарей.

В настоящее время свод словарей авторских неологизмов включает в себя словари языка поэтов и писателей XIX–XX вв. Основную часть составляют, очевидно, словари поэтических неологизмов: линию Словаря Хлебникова продолжают, в частности, словари Маяковского (автор В.Н. Валавин, 2010) и Игоря-Северянина (В.В. Никульцева, 2008); поэзия более близкого к нам времени представлена, например, словарями Высоцкого (В.П. Изотов, 1998), Евтушенко (Р.Ю. Намитокова, И.А. Нефляшева, 2009), Вознесенского (И.С. Самохин, 2013). К прозаической неографии относятся словари новообразований Лескова (Л.В. Алешина, 2002–2009), Набокова (Л.А. Каракуц-Бородина, 2003), Саши Соколова (В.П. Изотов, В.В. Изотов, 2011). К авторским неологизмам применена методика создания не только дифференциального монографического, но и сводного словаря, позволяющего получить представление о характере реализации словотворческого начала в пределах литературного направления. Так, опыт Д.Б. Масленникова (2000) основан на сплошной выборке окказиональных единиц из текстов кубофутуристических сборников начала XX в. и содержит 900 окказионализмов, принадлежащих В. Каменскому, А. Крученых, Е. Гуро и др. поэтам.

Предложенная в свое время Н.Н. Перцовой теория словаря неологизмов обогащается сегодня работами монографического плана, научными статьями (Л.В. Алешиной, В.П. Изотова, В.В. Никульцевой и др.) и, конечно, предисловиями к конкретным словарям. Теоретические разыскания в авторской неографии сводятся к трактовке нового слова как единицы словарного описания (соответственно, обоснованию выбора базового термина – неологизм, окказионализм, окказиональное слово, новообразование и т. д.), классификации таких единиц применительно к выбранному автору, определению принципов отбора лексики – весьма значимому вследствие сложности самого феномена нового слова, выстраиванию и наполнению структуры словарной статьи с учетом специфики этого феномена. При существующей вариативности в организации словарной статьи, наблюдаемой в словарях авторских неологизмов, можно вести речь об основных параметрах такой статьи, включающих: заголовочное слово (с ударением или без), пример его употребления с соответствующим шифром, словообразовательную характеристику (допускающую двойственность интерпретаций). Эта – «общая часть» словарной статьи, как правило, дополняется в словарях иными параметрами, носящими обязательный или факультативный характер (ср. наличие / отсутствие в структуре статьи грамматической зоны, словарной дефиниции, ссылок на иные словарные источники, энциклопедической информации и т. д.). В результате совокупная словарная статья словаря рассматриваемого типа может содержать более десяти параметров, дающих многосторонний портрет описываемого неологизма. Пока в системе параметров слабо выражены стилистический и лингвопоэтический компоненты. Лишь отдельные словари фиксируют эмоционально-экспрессивную окраску неологизма, его метафорическое употребление и т. п. С введением в словарные статьи таких сведений можно связать одну из перспектив развития авторской неографии.

Картина лексикографического представления авторских неологизмов была бы не полной без упоминания словарей иных типов, содержащих, кроме новообразований, также слова актуальные, устаревшие, областные и др. Имеются в виду словари, описывающие полный (или близкий к полному) лексикон одного автора либо совокупный лексикон группы авторов. См., например, толковый «Словарь лирики Арсения Тарковского» (Т.А. Воронова, 2004–2014), алфавитно-частотный «Словарь поэтического языка П.А. Вяземского»

(Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин, 2015), «Словарь языка русской поэзии XX века» (В.П. Григорьев и др., 2001–2017–), создаваемый по произведениям 10 поэтов. Во всех перечисленных словарях авторские новообразования фиксируются с помощью помет (соответственно – *неол.*, *оказ.*, *нов.*). Очевидно, что описываются они не столь подробно, как в рассмотренных выше специализированных словарях. Однако и материал, собранный в не собственно неологических словарях, ценен в разных отношениях. Так, Словарь Вяземского впервые дает точные данные о неологизмах поэта (это 274 единицы, не считая окказиональных онимов); статьи Словаря русской поэзии ясно показывают не только множественность механизмов создания новых слов, но и сходства и различия поэтов в выборе тех или иных способов словообразования и т. д.

В докладе предполагается подробно рассмотреть разные типы словарей, описывающих авторские неологизмы.

Т.В. ШМЕЛЕВА

Великий Новгород
szmiel@mail.ru

Медиа как живой словарь неологизмов

Мысль о медиа (в широком смысле) как о живом словаре неологизмов возникает на наблюдениях над появлением, распространением в медиа новых слов и рефлексии по их поводу. Важно отметить, что это словарь, который разворачивается во времени и так прочитывается заинтересованным читателем, описывая слова, источники их заимствования и демонстрируя новые свойства этих слов в русском языке.

Если брать во внимание появление новых слов второго полугодия 2017 г., то хотелось бы отметить, что таким источником выступает и иностранный язык (к чему все привыкли), и сленг (что было характерно в 1990-х, и не так активно сейчас). Продемонстрировать такое медийное описание можно на одном из неологизмов.

Из американизмов, активных в последние полгода, интересно слово *харассмент*. Если опираться на данные [НКРЯ], оно начинает проникать в медийные тексты с 1997 г., когда использовалось как варваризм *секишувал харрасмент* (Столица. 28.10.1997). Позднее пер-

вый компонент оказался инкорпорирован во второй и исчез из употребления.

После первых фиксаций в прессе появляется толкование: *ХАР-РАСМЕНТ – сексуальное домогательство или дискриминация по половому признаку* (Комсомольская правда. 14.03.2001). В отличие от классического словаря, толкование в медиа может повторяться неоднократно; так, в той же газете через несколько лет вновь объясняют: *В Европе и Америке в судах лежат тысячи исков по ЭТОМУ поводу, и жертвам ЭТОГО уже выплачены десятки миллионов долларов компенсации. ЭТО – сексуальные домогательства на рабочем месте. Харрасмент то бишь* (24.10.2003).

Устанавливается написание слова. Первый вариант был с двумя *p* (непонятно почему); пишут и без двойных согласных: *если мужчина подаст им пальто или уступит место, сразу тащат в суд за «харасмент»* (Комсомольская правда. 18.03.2005). Логично написание, ориентированное на английское, его сегодня можно бы признать узуальным, ведь так оно напечатано на обложке журнала «Русский репортер» – ФИЛОСОФИЯ ХАРАССМЕНТА (№ 21.27.11–11.12.2017). Но встречаем и первый вариант: *Ну, и сидите в своем хрустальном замке харрасмента со стеклянными стенами и полами и перспективой ареста* (Газета.ру. 21.11.2017); исчезают кавычки и эпитет *так называемый*.

Важно и то, в каких текстах используется слово: если вначале его можно было увидеть в газетных материалах об «их нравах» или в сравнении с ними, то сегодня оно органично в рассуждениях на общие темы. Существенна и позиция: – в тексте, в заголовке или на обложке.

Наконец, важный признак освоения – грамматический: слово включается в систему словоизменения и словообразования. *А король харрасеров мира Билл Клинтон сидит такой тихо и помалкивает в тряпочку. Потому что он-то ее харрасал, а она-то его за это любила...; Стиль одежды русских женщин внятно говорит: харрасни меня!* (Газета.ру. 21.11.2017). Две грамматические формы и дериват со значением лица в одном тексте Юлии Меламед свидетельствуют: с этим словом уже обращаются, как со своим.

Итак, медийная словарная статья слова *харасмент* развертывается во времени в течение двадцати лет, и нельзя сказать, что в ней поставлена точка. Сегодня можно сказать, что рассматриваемое слово и его русский аналог выступают как синонимы. Характерно, что

упомянутый номер «Русского репортера» помещает на обложке *харассмент*, а сам текст называет «Философия сексуальных домогательств» (с. 15).

Если попытаться обобщить представления о медиа как словаре неологизмов, то нельзя не заметить, что это словарь, который сам не подозревает об этом. Журналисты пишут то, что им представляется необходимым, и находят нужные для этого слова. Толковать слова, рефлексировать по их поводу и демонстрировать их освоение – незапланированная и почти невольная работа медиа. Более того, можно обратить внимание вот на что: если говорить о рефлексии, то журналисты чаще всего осуждают появление новых слов, упрекают их в ненужности и даже уродливости.

Показательна в этом отношении публикация [Мальчев 2017]. Она представляет собой рассуждение автора о «неоправданно большом количестве иностранных слов, которыми козыряют и на радио, и на телевидении, да и в повседневной жизни». При этом он перечисляет в очередной раз слова, которые ему кажутся неоправданно присутствующими в современной языковой практике: *лайфхак, хайп, свайп, бодишейминг, шаут, лузер, ламер, хардринкер, бинджевотчинг, виндсерфинг, рофлить...* Эмоционально восклицая «Господи, зачем менять шило на мыло?», уверяя читателя в том, что русский язык «богатейший», автор вопреки своим установкам помогает распространению этих слов, вписывая свою лепту в словарные статьи медиа о приведенных словах.

Таких медиатекстов можно найти множество, что не делает медиа менее интересными для лингвистов, которые узнают из них о современном состоянии русского языка, и в частности, о его неологизмах.

ЛИТЕРАТУРА

Мальчев В. Словесный занос, или о чем молчал Пушкин // Мир новостей (17.11.2017). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mirnov.ru/obshchestvo/obrazovanie/slovesnyi-zanos-ili-o-chem-molchal-pushkin.html>

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

Е.А. ЩЕГЛОВА
Санкт-Петербург
e.shcheglova@spbu.ru

Экзотизмы как лексические инновации в путевых очерках И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»

Познание другой страны как иной реальности всегда представляет интерес для человека. В русской культуре желание к познанию «иных земель» приобретает особое значение в XVIII в., что обусловлено возрастающим интересом «к познанию мира во всех его проявлениях» [Мальцева 1981: 130] – следствием этого стала обширная литература путешествий. Не теряют своей актуальности подобные описания и в XIX в., интерес к ним у читающей публики растет. Как пример путешествия, демонстрирующий основные черты, характерные для путевой литературы второй половины XIX в., можно рассматривать очерки путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”».

Познание мира осуществляется разными путями, в том числе через слово, в этом отношении следует отметить особую роль экзотизмов в путевой литературе, поскольку «в общем виде исследование экзотизмов связано с изучением инокультурных заимствований и проблемой культурной и идеологической рецепции» [Богданов 2006: 13]. Культурологическая составляющая при изучении экзотизмов в очерках Гончарова приобретает особое значение на фоне характерного для XIX в. представления о слове как отражении национального духа (ср. размышления К.С. Аксакова, который считал, что в русском слове отражается «дух нации», «бесконечный дух народа» [Аксаков 1839: 4]: при подобном осознании собственного национального языка неизбежно подобное осознание и других национальных языков).

При этом, учитывая особенности употребления экзотизмов в очерках путешествия Гончарова, представляется целесообразным рассматривать экзотическую лексику в расширенном понимании: включить в эту лексическую группу как оригинальные (существующие в языке местных жителей) наименования экзотических реалий: *гокейнс, жужубы, кули, норимоны, тай, томан* и др., так и наименования, происходящие из европейских языков: *кастард-эппльз, ондер- и оппер-толки, рентмейстер, сорбетто* и др.

Поскольку путевая литература вызывала большой читательский интерес в XIX в., она часто становилась источником, вводящим в речевой обиход новые слова. Так, например, значение слова *карри*, в котором оно употребляется в очерках «Фрегат “Паллада”», расходится с зафиксированным в словарях XIX в. У Гончарова оно встречается в следующем контексте: *...карри, подаваемое ежедневно везде, начиная с мыса Доброй Надежды до Китая, особенно в Индии; это говядина или другое мясо, иногда курица, дичь, наконец, даже раки и особенно шримсы, изрезанные мелкими кусочками и сваренные с едким соусом, который составляется из десяти или более индийских перцев. Мало того, к этому подают еще какую-то особую, чуть не ядовитую сою, от которой блюдо и получило свое название. Как необходимая принадлежность к нему подается особо варенный в одной воде рис* [Гончаров 1997: 143]. Из этого описания следует, что *карри* – это блюдо как таковое. Сходное описание *карри* как блюда содержится и в других источниках XIX в., в том числе относящихся и к более позднему периоду, нежели «Фрегат» Гончарова: например, в путевых очерках А.Н. Краснова «По островам Далекого Востока» (1895) слово употребляется в другом варианте написания (*кэрри*), но с тем же значением [Краснов 1895: 282].

Между тем, слово фиксируется в словарях иностранных слов XIX и начала XX в. и имеет в них значение ‘приправа; способ ее приготовления’ и ‘ост-индская пряность, приготовляемая из истолченных листьев различных растений’ [Михельсон 1865], см. также [Чудинов 1894]. Таким образом, наблюдается расхождение словарного значения слова и его реального употребления в XIX в. По всей вероятности, оно возникало из-за метонимического переноса названия пряности на название блюда, невольно производимого теми, кто соприкасался в реальности с экзотической номинацией *карри* и обозначаемой ею реалией – в том числе и автором «Фрегата».

Таким образом, экзотическая лексика, часто незаслуженно оказывающаяся вне поля зрения исследователей, в путевой литературе играет особую роль в формировании облика другой страны и других народов, а сами описания путешествий становятся источником лексических инноваций в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков К.С. О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского) // Московский наблюдатель. 1839. Ч. I. № 1. Отд. III. С. 1–26.

- Богданов К.А.* О крокодилах в России. М., 2006.
- Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада» // *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. СПб., 1997.
- Краснов А.Н.* По островам Далекого Востока. СПб., 1895.
- Мальцева И.М.* Записки путешествий XVIII века как источник литературного языка и языка художественной литературы (К постановке вопроса) // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 130–150.
- Михельсон А.Д.* Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865.
- Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1894.

М.Н. ЭПШТЕЙН
Атланта (США)
russmne@emory.edu

Неология и креаторика. Что новые слова говорят о природе творчества?

1. Креаторика – наука о творчестве, о создании нового – отличается от эвристики, которая исследует закономерности научных открытий и решения технических задач. Креаторика – наука гуманитарная, которая имеет приложение к таким областям творчества, как литература и искусство, философия, религиозная и общественно-политическая мысль, язык.

2. Особенно интересно исследовать законы создания нового применительно к элементарным единицам языка, поскольку на них легче моделируются более сложные творческие процессы. Идеальный объект креаторики – словотворчество. Слово – наименьшая значимая единица языка, которая может самостоятельно употребляться в речи. Создание нового слова – это творческий акт в миниатюре.

3. Что является минимальной единицей творчества, «**креатемой**»? У креатемы сложная структура, состоящая из трех компонентов: 1) исходная матрица; 2) замена в ней одного элемента другим и разрушение исходной матрицы; 3) становление другой матрицы с новым элементом.

4. Один из способов творческой трансформации исходной матрицы – ошибка (опечатка, описка), намеренная или ненамеренная. Если даже ошибка случайна по своим посылкам, она может оказаться далеко не случайной по своим последствиям. Плодотворная

ошибка отличается от случайной тем, что вводит в действие новую закономерность.

5. Подставляя в слово *цветы* другие буквы на место «ц», получаем бессмысленные *бветы*, *гветы* и пр. Однако *рветы* вводит осмысленную ассоциацию *цветов* с глаголом *рвать*, которые часто встречаются в одной синтагме (*рвать цветы*). *Рветы* – это сорванные цветы, еще красивые, но уже обреченные – трупы цветов. *На могиле лежали рветы, поникнув увядшими головками; Если правда, что дети – цветы жизни, то беспризорники – это ее рветы.* Это и есть акт творчества в миниатюре, в размере одного слова, заменой одной буквы: момент перехода от одного смысла к другому через стадию ошибки, просчета, который оказывается новой точкой отсчета. Об этом писал Велимир Хлебников: *Вы помните, какую иногда свободу от данного мира дает опечатка. Такая опечатка, рожденная несознанной волей наборщика, вдруг дает смысл целой вещи и есть один из видов соборного творчества и поэтому может быть приветствуема как желанная помощь художнику* [Хлебников 1986: 627].

6. Эта ошибочность свойственна и музыкальному творчеству, причем самому строгому, классическому, стремящемуся к гармонии. По наблюдению композитора Альфреда Шнитке, «*Ошибка*» или обращение с правилом на грани риска и есть та зона, где возникают и развиваются животворные элементы искусства. Анализ хоралов Баха выявляет множество почти нарушений строжайших в ту пору гармонических правил. <...> Для образования жемчужины в раковине, лежащей на дне океана, нужна песчинка – что-то «неправильное», инородное. Совсем как в искусстве, где истинно великое часто рождается «не по правилам». Примеров тому множество [Шнитке 1994].

7. Уместно провести параллель между ролью ошибок в творческом процессе и ролью мутаций в естественном отборе. Эволюция была бы невозможна, если бы генетические программы воспроизводились без погрешностей. Как при подстановке разных букв в слове *цветы*, большинство вариантов приводят к бессмыслице, это так называемый генетический мусор; и получившийся «организм», типа *бветы* или *гветы*, сразу погибает, отбрасывается эволюцией. И лишь одна из миллионов мутаций оказывается полезной и создает новый признак в организме, делает его более жизнеспособным, передается следующим поколениям и закрепляется в ходе эволюции.

8. Рассмотрим структуру творческой трансформации на еще одном языковом примере. Есть выражение *ура-патриотизм*, которое образовано соединением междометия *ура* и существительного *патриотизм*. Такое образование единично в русском языке и, хотя оно стало привычным, с лингвистической точки зрения воспринимается как аномалия. Однако в языке действует закон аналогии, т. е. любое изменение в системе вызывает ее перестройку. Так, по аналогии с *ура-патриотизмом* образуется множество новых сложных слов с междометием как первой основой:

увы-патриотизм – скорбящий о том, что происходит на родине, горький, подчас язвительный;

ай-люли-патриотизм – сентиментальный, душещипательный, со слезой;

улюлю-патриотизм – травля несогласных под маской патриотизма, охота на инакомыслящих;

чур-патриотизм – охранительный, враждебный всему новому и иностранному, близкий ксенофобии, и др.

9. В творческом процессе есть два взаимосвязанных элемента: аномалия и аналогия. Аномалия – исключение из правила, отступление от заданного порядка. Аналогия – выстраивание нового порядка на основе сходства и унификации в рамках новой, складывающейся системы. Аномалия становится конструктивной, когда вводит в действие цепь аналогий, т. е. выступает как принцип регулярного образования слов, идей, дисциплин, мировоззрений.

10. Что является источником аномалии в языковой системе? На эту тему размышляет Ф. де Соссюр в своем «Курсе общей лингвистики». Вопреки обычным представлениям о Соссюре как жестком детерминисте, который отстаивал приоритет языковых структур над индивидуальной речью, основатель структурной лингвистики полагал, что именно индивидуальная речь, со всеми своими случайными отклонениями от языковой нормы, запускает процесс изменения самой нормы: *Новообразование, которое является завершением аналогии, первоначально принадлежит исключительно сфере речи; оно – случайное творчество отдельного лица [Соссюр 1977: 199]. Все, что входит в язык, заранее испытывается в речи: это значит, что все явления эволюции коренятся в сфере деятельности индивида. <...> В языке удерживается лишь незначительная часть новообразований, возникших в речи; но те, какие остаются, все же достаточно многочисленны, чтобы с течением времени в своей*

совокупности придать словарю и грамматике совершенно иной облик [Там же: 203].

Следует особенно подчеркнуть, что роль случайности, определяющей системную эволюцию языка, играет «импровизация одного из говорящих». Это и есть та творческая инициатива, которая приводит к сдвигу больших языковых, культурных, исторических систем, как бы ни казались ничтожными те индивиды и импровизации, которые дают начальный толчок этим сдвигам. Если система вышла из равновесия, роль закономерностей в ней ослабевает, а роль случайностей возрастает.

11. Особенность творческого мышления состоит в том, что оно постоянно оперирует аномалиями, извлеченными из старых систем, и превращает их в аналогии, в системность нового порядка. На уровне слова, предложения, идеи, теории, мировоззрения, художественного приема, научной дисциплины, культурной институции – повсюду творческое мышление «разваливает» старую систему и из частиц хаоса создает новую.

12. Создание искусственного интеллекта – одна из главных задач и перспектив современной цивилизации. Обычная цель обучения – правильное, безошибочное мышление. Но чтобы побудить программу к творческому мышлению, нужно ввести в нее «эрративность» – механизм совершения продуктивных ошибок. Машина должна уметь ошибаться – и при этом, обнаружив ошибку, не исправлять, а оправдывать ее, т. е. создавать на ее основе правила, которые по-новому организуют весь массив информации.

13. Приведем в пример неологическую машину, в лексической памяти которой хранится самый полный словарь русского языка, а также набор всех словообразующих морфем (корней, приставок, суффиксов...). За точку отправления возьмем слово, одно из самых популярных в наш информационный век: *сеть*. Программа содержит в своей памяти все слова с этим корнем (*сеть, сетевой, сетчатка, сетчатый* и др.). Далее, переходя к творческому процессу, она производит множество дериватов от этого корня со всеми известными морфемами: *надсетный, пересетировать, рассетливый, усетовничать* и пр. Это стадия случайного «мутирования»: среди множества произведенных морфосочетаний количественно преобладают мертворожденные, так сказать, патологемы.

14. Одна из моделей, которая попадет в поле зрения программы, – регулярное образование непереходных глаголов от существи-

тельных с помощью суффикса *-ен-*: «корень + *-ен-* + суффикс инфинитива *-ть*», например, *стекло – стекленеть, дерево – деревенеть*. Значение этой модели – ‘превращаться в то, на что указывает мотивирующее слово’. Анализ употребления данных глаголов показывает, что чаще всего они относятся к человеческому агенту: *я остолбенел, глаза остекленели*. Следовательно, *сетенеть* – это такое действие, когда человек превращается в сеть, становится ее придатком: *Наш приятель совсем **осетенел**, не отходит от экрана*. Дополнительный анализ фонетических и морфологических аналогий установил бы сходство *сетенеть* с *сатанеть, стерженеть, столбенеть* (комбинация *стнт*), что усиливает его негативную коннотацию. Среди множества случайных и в основном деструктивных мутаций возникло бы несколько продуктивных неолоксем, способных обогатить лексическую систему языка.

15. Учить машину творческому мышлению – значит учить ее совершать конструктивные ошибки. Причем искусственный разум может значительно превзойти естественный своим творческим потенциалом вследствие объемов доступной ему информации и скорости их переработки. Поиск аналогий для любых аномалий простирался бы на все системы знания – и производил бы в них творческие трансформации в масштабе и темпе, превышающих когнитивные способности человеческого разума.

ЛИТЕРАТУРА

- де Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977.
Хлебников В. Наша основа // *Хлебников В.* Творения. М., 1986. С. 624–632.
Шнитке А. Беседы с Альфредом Шнитке / Сост., авт. вступ. ст. Ивашкин А.В. М., 1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/music/shnitke_ivashkin_besedu.html

Ю.В. ЯВИНСКАЯ
Минск (Белоруссия)
yavinska@mail.ru

Эвристический потенциал конструкций с творительным в поэтическом тексте

Размышляя о «зоологической эмблематике» сравнений-метафор типа *бык воспоминаний*, В.П. Григорьев предложил включить в список основных тропеических значений признак «метаморфичности» и/или «персонификации», предполагающий способность этих конструкций к реализации (развертыванию) в рамках целого произведения. «Трансформационный анализ» тропов с признаком метаморфичности (сравнений-метафор, эпитетов, конструкций с творительным), по мысли Григорьева, должен показать последовательное развитие образа в стихотворении через предикаты и атрибуты, семантические повторы слова / образа и т. д. [Григорьев 1979: 229–237].

Особый интерес среди «зоологических метафор» представляют конструкции с творительным предикативным типа *X-P-Y-м*: в поэтическом тексте в них стирается граница между сравнением, уподоблением, а также возможным превращением актантов [Зализняк 2013: 459]. Насколько такие конструкции способны к сюжетному развертыванию-реализации, рассмотрим на примере конструкций с вспомогательным субъектом *бабочка*, где *X* – антропоморфный субъект (человек). В поэтическом подкорпусе [НКРЯ] выявлено 49 контекстов сравнения бабочки с человеком, среди них 33 – в конструкциях с творительным. Данные конструкции являются опорными для развития несколько ключевых сюжетных метаморфоз, или, говоря словами Р.О. Якобсона, видов «развернутого во времени параллелизма» – обращенного и отрицательного [Якобсон 1987: 280].

В текстах XVIII – начала XIX в. сюжетная метаморфоза на основе обращенного параллелизма [*не человек – а бабочка*] поддерживается мифологическим сюжетом: *Психею – душу или мечту – древние изображали в виде бабочки или крылатой девы, обнявшей с Купидоном* (К.Н. Батюшков, 1809)¹. Так, в бабочек превращаются влюбленные, опорным тропом здесь выступает творительный метаморфозы:

---

¹ Все примеры стихотворных текстов даны по НКРЯ.

*И, бегая лесочком,
Чете подобясь сей,
Я буду мотыльчком,
Ты – бабочкой моей.*

(М.И. Попов, 1765)

В стихотворении Державина конструкция с творительным маркирует превращение субъекта я в бабочку, этот образ затем переживает новую трансформацию – от «зоологической конкретности» метаморфозы к «семантической опустошенности» метафоры:

*Что счастливее сей доли,
Как бы бабочкою быть,
На своей всегда жить воле
И любви лишь сладость пить?
Я бы шл, – и, вновь влюбляясь,
Лишь в веселье дни провел
И, с духами сочетаясь,
Был нетления символ.*

(Г.Р. Державин, 1802)

В поэзии XIX–XX вв. сюжетная метаморфоза [*не человек – а бабочка*] поддерживается фактом внеязыковой действительности – превращением червячка (кокона) в бабочку. В стихотворении Фета со знаковым названием «Превращение» конструкции с творительным предикативным маркируют развитие стихотворного сюжета: [*не девочка – а червячок → не девушка – а бабочка*]:

*Давно, в поре ребяческой твоей,
Ты червячком мне пестреньким казалась <...>
И вот теперь ты, куколка моя,
Живой души движения скрываешь <...>
Постой, постой, порвется пелена,
На божий свет с улыбкою проглянешь,
И, весела и днем упоена,
Ты яркою нам бабочкой предстанешь*

(А.А. Фет, 1859)

В XX в. в русскую поэзию проникает китайская притча о превращении человека в бабочку. У Дмитриевой метаморфоза [*не я – а бабочка*] маркируется двумя конструкциями с творительным предикативным:

*И сон один припомнился мне вдруг:
Я бабочкой летала над цветами.
Я помню ясно: был зеленый луг,
И чашечки цветов горели словно пламя.
Смотрю теперь на мир открытыми глазами,
Но, может быть, сама я стала сном
Для бабочки, летящей над цветком.*
(Е.И. Дмитриева, 1927)

Единственным примером отрицательного параллелизма [*не бабочка – а человек*], где «отвергается ряд метафорический во имя ряда реального» [Якобсон 1987: 280], с участием конструкции с творительным может служить стихотворение Тарковского. Начальная метаморфоза здесь словно расщепляется на набор атрибутов реального человека (женщины):

*Ты, что бабочкой черной и белой,
Не по-нашему дико и смело,
И в мое залетела жильё,
Не колдуй надо мною, не делай
Горше горького сердце мое.*

*Чернота, окрыленная светом,
Та же черная верность обетам
И платок, ниспадающий с плеч.
А еще в трепетании этом
Тот же яд и нерусская речь.*

(А.А. Тарковский, 1946)

В заключение можно отметить, что перспективы трансформационного анализа связаны не только с расширением списка тропов, обладающих метаморфическим признаком, но и с уточнением грамматической и синтаксической роли конструкций с творительным в развитии стихотворного сюжета.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979.
Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М., 2013.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

Н.М. АЗАРОВА (Москва) Неявные неологизмы и межъязыковые идиомы	3
В.В. АРИСТОВ (Москва) Множественная структура Idem-forma в отдельном произведении	4
Ю.В. АРХАНГЕЛЬСКАЯ (Тула) Камерные инновации Л.Н. Толстого: на пути в узус	6
Н.Г. БАБЕНКО (Калининград) «Ты филолог, я логофил...»: об окказиональном в поэтическом тексте	9
А.Е. БОСОВ (Сыктывкар) «Негативная префиксация» как инновация в современном юридическом дискурсе	11
Т.Н. БУЦЕВА (Санкт-Петербург) Проблемы современной академической неографии в аспекте неологической концепции Н.З. Котеловой	14
И.Т. ВЕПРЕВА (Екатеринбург) Новообразования в политической сфере как способ социальной оценки понятия	16
А.В. ГИК (Москва) Особенности языка драм Ильи Зданевича	19
Е. ГИНЗБУРГ (Чикаго, США) Об одном внелитературном источнике текста у А.П. Чехова («Степь» и «Спать хочется»)	22
Н.И. ГОЛУБЕВА-МОНАТКИНА (Москва) О словаре писательских неологизмов Мориса Реймса	23

И.А. ГУЛОВА (Москва) Неологический акцент дискурсивной практики: языковая игра в технически ориентированной интернет-коммуникации	26
Ф.Н. ДВИНЯТИН (Санкт-Петербург) Освоение специальной лексики в русской поэтической традиции: неологизм – раритет – архаизм	28
О.В. ЕВТУШЕНКО (Москва) Что могут сообщить новообразования об их создателе?	30
Е.А. ЖДАНОВА, Н.А. БАКИЧ (Нижний Новгород) Словообразовательная продуктивность и оценочные возможности аффиксоидов в современных новообразованиях	33
С.Т. ЗОЛЯН (Калининград; Ереван, Армения) Смыслотворчество: принципы и лингвистические механизмы	35
И.В. ЗЫКОВА (Москва) Фразеологическая креативность и фразеои́гра в дискурсе комедийного кино	37
И.Ю. ИВАНЮШИНА (Саратов) «Ребенок и дикарь»: к истокам футуристического словотворчества	40
В.П. ИЗOTOV (Орёл) Словотворчество как феномен идиости́ля Н.И. Глазкова	43
Г. ИМПОСТИ (Болонья, Италия) Раннее словотворчество Велимира Хлебникова	45
В.Н. КАЛИНОВСКАЯ, С.А. ЭЗЕРИ́НЯ (Санкт-Петербург) Семантические деривации в русском языке XIX века: системное и индивидуально-авторское	46
Н.В. КОЗЛОВСКАЯ (Санкт-Петербург) От окказионального слова к авторскому термину: к проблеме формирования философской терминосистемы Н.Ф. Фёдорова	50

Е.Ю. КУКУШКИНА (Москва)	
Словотворчество в блогосфере	52
А.С. КУЛЕВА (Москва)	
Мнимые неологизмы в поэтическом языке (на материале т. VII «Словаря языка русской поэзии XX века»)	55
О.В. ЛОМАКИНА (Москва)	
Окказиональная фразеология Л. Толстого в словарном представлении	57
Е.Г. ЛУКАШАНЕЦ (Минск, Белоруссия)	
Новое слово и новый словарь: проблемы лексикографического описания в онлайн-словарях	60
М.В. ЛЯПОН (Москва)	
«Прелесть новизны»: игровая риторика в формате кроссворда ...	62
Е.В. МАРИНОВА (Нижний Новгород)	
Новые слова или новые варианты: о множественности интерпретации некоторых языковых новаций XXI века	65
М. МИЛОЙКОВИЧ (Белград, Сербия)	
Выявление неочевидных лексико-грамматических инноваций в языке И. Бродского посредством корпусного анализа семантических просодий	67
З.И. МИНЕЕВА (Петрозаводск)	
Неоагенты, образованные усечением и аббревиацией	69
Л. МОКРОБОРОВОДА (Турку, Финляндия)	
Вторая жизнь новографа (олбанского языка) в современной интернет-коммуникации	71
А. МОЛНАР (Дебрецен, Венгрия)	
Семантические инновации в идиостиле классических и современных русских авторов	74
И.В. НЕЧАЕВА (Москва)	
Иноязычная неолексика в русском языке в аспекте ее формальной адаптации	76

Н.А. НИКОЛИНА (Москва) Основные тенденции словотворчества в художественной речи XIX в.	78
В.И. НОВИКОВ (Москва) Неология и речевая мода (из опыта работы над «Словарем модных слов»)	80
Ю.Б. ОРЛИЦКИЙ (Москва) Неология и стих (Хлебников, Есенин, Сапгир, современные авторы)	81
С.Г. ПАВЛОВ (Нижний Новгород) Лингвистическая интерпретация покоя в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	83
Д. ПАЗИО-ВЛАЗЛОВСКАЯ (Варшава, Польша) Новые эмоционально-экспрессивные наименования околоцерковных людей как попытка заполнения лексической лакуны	85
Н.В. ПАТРОЕВА (Петрозаводск) Судьба <i>недоноска</i> : история «непоэтического» слова в русской лирике	88
З.Ю. ПЕТРОВА (Москва) Окказионализмы как элементы образных параллелей в языке художественной литературы	90
Т.Б. РАДБИЛЬ (Нижний Новгород) Девиации субъектной организации повествования в когнитивно-дискурсивном освещении	93
А.М. РАНЧИН (Москва) К вопросу о неологизмах в поэзии Иосифа Бродского	95
Л.В. РАЦИБУРСКАЯ (Нижний Новгород) Поликодовость в медийном словотворчестве как средство речевого воздействия	98
Е.Н. РЕМЧУКОВА (Москва) Неология как феномен городской номинации	100

Ю.С. РИДЕЦКАЯ (Санкт-Петербург) О динамике и особенностях развития группы лексики с опорным компонентом ... <i>мания</i>	102
К.А. РОГОВА (Санкт-Петербург) Потенциал новизны в организации свободного косвенного дискурса: голос персонажа как фактор его существования в художественном тексте	105
Д.А. РОМАНОВ (Тула) Семантические и стилистические новации Л.Н. Толстого	108
И.В. РУЖИЦКИЙ (Москва) Механизмы языковой игры у Достоевского и Лескова	110
О.И. СЕВЕРСКАЯ, Л.Н. СААКЯН (Москва) Эвфемия, паронимическая аттракция, «этимология»?	112
Е.В. СИРОТА (Бельцы, Молдавия) Словообразовательный аспект окказионализмов в современном русском языке	114
Т.В. СКУЛАЧЕВА, А.Э. КОСТЮК (Москва) Зачем нужен стих: лингвистические закономерности и их воздействие на читателя	117
О.В. СОКОЛОВА (Москва) Особенности перевода авангардных окказионализмов (на материале «Футуристической кухни» Ф.Т. Маринетти)	120
Т.П. СОКОЛОВА (Москва) Неология в коммерческой номинации	122
И.А. ТАРАСОВА (Саратов) Эстетическая функция неологизмов в поэзии Георгия Иванова ..	124
Н.Т. ТАРУМОВА (Москва) Словотворчество в художественных текстах А. Белого как объект лингвистического исследования	127
Б. ТОШОВИЧ (Грац, Австрия) Семантика, стилистика и поэтика графодеривации	129

Л.В. УХОВА (Ярославль)	
Неологизмы как средство адресации в рекламном тексте	132
Н.А. ФАТЕЕВА (Москва)	
<i>Солюби, исчезаюсь, мой ноч:</i> о неологии в поэтической грамматике	135
В.В. ФЕЩЕНКО (Москва)	
Роль языковых аномалий в прогрессе лингвистической науки: к полемике Хомского и Якобсона	136
Л.О. ЧЕРНЕЙКО (Москва)	
Метонимия метафоре: парадокс когнитивной метафоры	139
Л.Л. ШЕСТАКОВА (Москва)	
Авторские неологизмы в словарной перспективе	142
Т.В. ШМЕЛЕВА (Великий Новгород)	
Медиа как живой словарь неологизмов	144
Е.А. ЩЕГЛОВА (Санкт-Петербург)	
Экзотизмы как лексические инновации в путевых очерках И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»	147
М. ЭПШТЕЙН (Атланта, США)	
Неология и креаторика. Что новые слова говорят о природе творчества?	149
Ю.В. ЯВИНСКАЯ (Минск, Белоруссия)	
Эвристический потенциал конструкций с творительным в поэтическом тексте	154

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Вторые Григорьевские чтения

**НЕОЛОГИЯ КАК ПРОБЛЕМА
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ**

Тезисы докладов и сообщений
14–16 марта 2018 г.

Издательский центр «Азбуковник»
119180, Россия, г. Москва, Б. Полянка,
д. 50/1, стр. 2

Подписано в печать 05.03.2018 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 10,5.
Тираж 80 экз.

ISBN 978-5-91172-165-7

ООО РПК «ВАШ ФОРМАТ»
119071, Москва, ул. Донская, д. 32